

О.И. МУРАВЬЕВА

**ПСИХОЛОГИЯ
КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ**

О.И. МУРАВЬЕВА

ПСИХОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

*Допущено Советом по психологии УМО
по классическому университетскому образованию
в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений
обучающихся по направлению и специальностям
психологии*

Издательство Томского университета
2012

УДК 159.9
ББК 188.5
М 91

Редактор
доктор психологических наук,
профессор В. И. Кабри

О.И. Муравьева

М 91 Психология коммуникативной компетентности: Учебник. –
Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012 – 160 с.

ISBN 978-5-7511-2148-8

Коммуникативная компетентность рассматривается как проблема социальной и общей психологии. Дается аналитический обзор основных подходов к проблеме коммуникативной компетентности и эффективности общения. Развивается авторский взгляд на проблему в контексте гипотезы об основных пространствах существования человека. Представлена уровневая модель коммуникации, выделены стратегии общения, описана технология развития коммуникативной компетентности в рамках психологического тренинга.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по психологическим специальностям, психологов, философов, всех, кто заинтересован в повышении качества своего общения.

УДК 159.9
ББК 188.5

ISBN 978-5-7511-2148-8

© О.И. Муравьева, 2012

Человеческое поведение настолько сложно, что его адекватный анализ затруднителен независимо от того, какого рода концептуальную схему использовать. Ни в одной конкретной схеме нет ничего святого. Все они лишь инструменты анализа, и утилитарность является единственным критерием для принятия той или другой из них.

Т. Шибутани

ВВЕДЕНИЕ

Было бы иллюзией думать, что проблема коммуникативной компетентности (КК) возникла лишь недавно и ранее не осознавалась представителями социальных наук, публицистами, литераторами и др. Еще Ф.И. Шаляпин в своих мемуарах писал: «Если на сцене даже отрицательное должно выглядеть красиво, то в жизни необходимо, чтобы все красиво выходило..»

Надо помещику пойти к мужикам и с ними говорить. И выходит помещик, плохо играющий свою роль помещика, и говорят мужикам, пожалуй, дело, но ставит так запятые и точки с запятой, делает такие неуместные паузы, что мужики вместо того, чтобы вынести самое благоприятное впечатление от его зачастую действительно добрых намерений, выносят впечатление досадливое. Не понял актер-помещик атмосферы, не знал правильной интонации. Провалился. Через год, глядишь – горит его усадьба» [143, с. 351].

Что же касается научно-психологических исследований КК, то приоритет здесь принадлежит британским психологам. В 60-е годы Рон Харре [173, 174] вводит понятие «социальная компетентность», а Майкл Аргайл [162] – «коммуникативная компетентность». В нашей стране активные исследования в этой области начинаются в 80-е годы. В это время выходят в свет монографии Ю.Н. Емельянова [46], Ю.М. Жукова [50], Л.А. Петровской [96]. Почему же мы вновь обращаемся к исследованию КК? Современная ситуация не только в психологии, но и в других гуманитарных науках характеризуется тем, что проблема общения, межличностных отношений, социальной и коммуникативной компетентности является одной из наиболее актуальных и активно обсуждаемых проблем. Фактически она приобрела междисциплинарный статус. Большой интерес к ее разработке проявляют исследователи в области философии, социологии, пе-

дагогики, лингвистики, а также специалисты в самых разных областях психологии: педагогической психологии, психологии труда, психологии управления, клинической психологии, психолингвистике и др. Рост подобных исследований у нас в стране обусловлен, как минимум, двумя обстоятельствами, лежащими в разных плоскостях социокультурного пространства. Во-первых, это особенности современной социально-экономической ситуации, главной системообразующей характеристикой которой является попытка реализовать цель построения свободного демократического общества. Понятно, что чем в большей степени общество руководствуется принципами свободы и демократии, тем более высокие требования оно предъявляет к уровню психологической культуры людей и, в частности, к уровню их социальной и коммуникативной компетентности. В современном российском обществе в значительной мере осознаются эти объективные требования, что находит свое отражение как в формальных социальных процессах (резкое увеличение количества вузов, готовящих психологов, создание психологических служб в школах и на предприятиях, организация общегородских психологических центров и агентств), так и неформальных (неизменная популярность на протяжении последних лет научно-популярной литературы по проблемам психологии вообще и психологии общения в частности, востребованность социальных психологов как различными организациями, так и частными лицами). Однако эти, в целом положительные, тенденции сопровождаются негативными моментами. Так, еще в июне 2001 года А.Г. Асмолов на «Первых общепсихологических чтениях», состоявшихся на факультете психологии МГУ, выразил опасение, что психология может стать «массовой, товарной, коммерческой, стандартной...». Подобно тому как на западе, а сейчас и в России, «культура все больше становится индустрией культуры, кино – индустрией кино, любовь – индустрией любви, так и для психологии существует реальная опасность превратиться в «индустрию психологии», сферу услуг, работающую по принципу «чего изволите» [8]. За прошедшие с тех пор десять лет эти опасения не только не потеряли свою актуальность, но стали еще более острыми.

Второй причиной, обусловившей необходимость обсуждения проблемы КК на новом теоретическом и методологическом уровне, можно назвать те тенденции, которые наблюдаются в современном развитии собственно научных исследований. Многие психологи-теоретики (А.Г. Асмолов [8], Б.С. Братусь [23], В.И. Слободчиков

и Е.И. Исаев [108, 109], П.Н. Шихирев [147] и др.) констатируют методологический кризис как в области общей психологии, так и в отраслевых психологиях. Этот кризис выражается в том, что в ставших классическими парадигмах и методологиях становится невозможным объяснить вновь открываемые факты, феномены, закономерности. Методологические и теоретические исследования уже привели, с одной стороны, к введению в категориальный аппарат общей психологии и психологии личности принципиально новых базовых категорий, таких как сущность человека [87, 109], субъективная реальность [111], ментальное пространство [59], духовность [50, 52, 54, 56, 57, 90, 100 и др.], нозис [55, 58], транскомуникация [54, 55, 56, 57]. С другой стороны, оформляются новые научные направления: психология понимания [51], нравственная психология [100], христианская психология [90, 84 и др.], антропологическая психология [22, 25, 59, 111], эстетическая психология [54, 55, 56, 57] и др.

Другой, не менее важной особенностью методологического кризиса в современной психологии, по мнению А.Г. Асмолова [8], является то, что все более резким становится разрыв между общей психологией и «особенными» психологиями, «особенные» психологии утрачивают основу, методологию, которую всегда давала общая психология. Нельзя сказать, что социальные психологи не осознают сложившейся ситуации. Так, П.Н. Шихирев [149], намечая «контуры будущей парадигмы» в социальной психологии, в качестве центральных объяснительных категорий видит категории «духовность», «нравственность», «ценностное отношение» и «связанные с ними психологические и социально-психологические феномены, как, например, доверие, зависть, угрызение совести» [Там же, с. 356]. Таким образом, мы наблюдаем, что методологический поиск общих и социальных психологов ведется на одном категориальном поле.

В связи с наличием вышеобозначенных современных тенденций в развитии научной и практической психологии становится актуальным изучение любой конкретной проблемы социальной психологии (а проблема КК, конечно же, является одной из них), во-первых, в более широком, нежели социально-психологический, контексте; во-вторых, опираясь на современные теоретические и методологические исследования; и, наконец, в-третьих, актуальной становится проблема разработки новых психологических технологий для практической психологии. В данной работе и ставится задача рассмотреть проблему КК с учетом этих положений.

Книга написана на основе спецкурса, разработанного автором для студентов психологического факультета Томского государственного университета. Структура ее такова: в первой главе классифицируются и анализируются уже существующие подходы к проблеме эффективности общения и коммуникативной компетентности, во второй главе делается попытка рассмотреть проблему КК с позиций разрабатываемой автором модели базовых психологических пространств существования человека; третья глава посвящена практическим аспектам КК, в ней описываются цели, принципы, этапы и механизмы тренинга КК.

Помимо того что текст книги сопровождается библиографическими ссылками, в конце каждой главы предлагается минимальный список литературы, необходимой для самостоятельного изучения студентами вопросов, которым посвящен соответствующий раздел. Также в конце каждой главы даны контрольные вопросы двух уровней сложности и теоретические и практические творческие задания для студентов. Теоретические творческие задания заключаются в написании студентами работы, ставящей своей целью вычленение коммуникативной проблематики в различных психологических подходах, теориях, школах. Выбор темы осуществляется студентами самостоятельно с учетом его научных или практических интересов вне рамок данной книги. Практические творческие задания заключаются в разработке и проведении в рамках учебного процесса мини-тренингов, направленных на развитие каких-либо аспектов КК.

1. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

1.1. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Проблемы общения, межличностных отношений, коммуникативной компетентности (КК) изучались целым рядом авторов как в западной, так и в отечественной психологии. В западной социальной психологии проблема эффективности общения в основном разрабатывалась в контексте исследований массовой и так называемой убеждающей коммуникации [см. 79]. Что касается эффективности собственно межличностного общения, то поначалу эта проблема не выделялась в качестве самостоятельной, а была включена в общий контекст исследований. Особенно интенсивное развитие зарубежных исследований в этой области началось со ставших уже классическими работ К. Левина [70], Дж. Морено [186], Дж. Мида [184] и др., что привело к конкретным прикладным результатам, которые выразились в практике создания и функционирования тренинговых групп, обучающих более эффективному межличностному общению. Широкое использование групповых процедур и технологий в психотерапии и обучении потребовало, в свою очередь, дальнейшей теоретической разработки основных понятий и закономерностей, структуры и динамики, предпосылок и эффектов межличностного общения. При анализе проблемы эффективности общения с разных теоретических позиций были выделены те или иные структурные и динамические компоненты, способствующие или не способствующие общению. Так, К. Левин [70] определял поведение и, прежде всего, социальное поведение человека как функцию личности и ситуации. Дж. Морено [186] в качестве одного из средств повышения эффективности межличностного взаимодействия называл умение встать на позицию другого. Э. Берн [16, 17] рассматривал эффективность общения с точки зрения наличия в межличностных контактах комплементарных позиций и осуществления непересекающихся трансакций. К. Роджерс [102, 103] подчеркивал роль способности партнеров к эмпатии и конгруэнтности для развития глу-

бинных форм общения. Е. Мелибруда [81] говорил о необходимости удовлетворения в межличностном взаимодействии социальных потребностей индивида и соблюдения баланса между чувством общности и автономией и т.д. В 50-е годы в западной психологической литературе появляются термины социальная и коммуникативная компетентность [162, 173, 174] и делаются попытки придать этим терминам статус понятия.

В отечественной психологии долгие годы исследование проблем межличностного общения носило скорее методологический или общепсихологический характер. В той или иной степени этими проблемами у нас в стране занимались Б.Г. Ананьев [4], Л.С. Выготский [33], А.Н. Леонтьев [72], Б.Ф. Ломов [77], В.Н. Мясищев [89], С.Л. Рубинштейн [105] и др. Такой характер исследований был связан как с объективными причинами (существование «железного занавеса», невозможность широкого проникновения новых идей и подходов, разрабатываемых за рубежом), так и с субъективными (общая методологическая позиция советской психологии – марксистско-ленинская философия, в которой ценность индивидуальной человеческой жизни, а значит и межличностного общения, отвергалась). Это привело к тому, что психология вообще и социальная психология в частности была оторвана от реальной жизни и практики, что обусловило, во-первых, сильный «теоретический крен» психологических исследований советского периода, а во-вторых, невосребованность даже тех идей и результатов, которые могли быть применены (не случайно так труден для неспециалиста язык отечественных психологических текстов того времени).

Лишь в 80-е годы прошлого столетия наметилась тенденция поворота отечественных социально-психологических исследований в область практического применения. В эти годы появилось довольно значительное количество прикладных работ в области общения и межличностных отношений (А.А. Бодалев [19], Л.Я. Гозман [36], А.В. Добрович [44], Ю.Н. Емельянов [46, 47], Ю.М. Жуков [48], А.А. Кроник и Е.А. Кроник [67], А.А. Леонтьев [71], Л.А. Петровская [96] и др.). Следует отметить, что часть авторов занималась, по сути дела, ретрансляцией и анализом основных западных идей, что на том этапе было вполне естественно, исходя из задачи ассимиляции достижений зарубежной психологии. Но наряду с этим был выдвинут ряд продуктивных идей в области межличностного общения, таких как выделение в общении трех основных сторон: коммуника-

тивной, перцептивной и интерактивной (Г.М. Андреева [5]), разработка интересубъектного подхода к общению (А.У. Харащ [135]), были сформулированы основные положения транскоммуникативного подхода (В.И. Кабрин [54]), наконец, в категориальный аппарат отечественной социальной психологии было введено в понятие коммуникативной компетентности, или компетентности в общении (Ю.Н. Емельянов [46], Ю.М. Жуков [48, 49], Л.А. Петровская [97, 98]). Следует отметить, что введение понятия «коммуникативная компетентность» в контекст социально-психологических исследований отнюдь не является случайным, но продиктовано логикой развития представлений о межличностном общении. С одной стороны, это понятие естественным образом способно интегрировать самые разные теоретические подходы к проблеме эффективности общения, с другой стороны, структурируя различные понятия, характеристики, особенности общения (социальные потребности, ценности, установки, позиции, умения, навыки и т.д.), дает возможность практического выхода в область реальных межличностных отношений, в область реального общения. Таким образом, понятие коммуникативной компетентности становится одним из базовых понятий социальной психологии, научная разработка которого выступает на первый план.

В психологической литературе на сегодняшний день существует несколько определений коммуникативной компетентности, принадлежащих разным авторам, но, несмотря на это, достаточно схожих между собой по основным существенным признакам. Так, представители московской психологической школы с позиций деятельностного подхода определяют коммуникативную компетентность как «систему внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия» [48, с. 4]. Ю.Н. Емельянов (петербургский психолог) определяет это понятие следующим образом: «В наиболее общем виде коммуникативную компетентность можно определить как такой уровень обученности взаимодействию с окружающими, который требуется индивиду, чтобы в рамках своих способностей и социального статуса успешно функционировать в данном обществе» [47, с. 6]. В этих определениях достаточно четко звучат два дефинитивных признака: первый – целевой (в первом определении – эффективность, во втором – успешное функционирование, что в данном контексте синонимично эффективности); второй – операциональный, то есть то, при помощи чего достигается эффективность

(в первом определении – это система внутренних ресурсов, во втором – уровень обученности). Исходя из этого, становится понятной логика исследования проблемы. Необходимо, во-первых, четко, на уровне конкретных понятий, определить критерии эффективности коммуникации, во-вторых, выделить те психологические структуры (внутренние ресурсы), которые обеспечивают эту эффективность.

Проанализируем те идеи и научные разработки в области психологии личности и социальной психологии, которые так или иначе затрагивают проблему нашего исследования. К настоящему времени в психологии сложилось множество концепций, моделей, подходов, выделяющих те психологические факторы, которые определяют эффективность или неэффективность общения и взаимодействия. Эти подходы различаются степенью эксплицированности рассматриваемой проблемы в их общем контексте, различной «теоретической чистотой», большим акцентом на область научного исследования либо на практическую сферу. Если попытаться обобщить уже существующие модели, то можно выделить, как минимум, четыре большие группы: 1) теоретические подходы; 2) эмпирические модели, связывающие эффективность общения с понятием коммуникативной компетентности; 3) линия исследований, пытающихся подойти к проблеме эффективности со стороны иерархических моделей общения и взаимодействия, и, наконец, 4) линия практической социальной психологии, в которой разрабатываются приемы и техники эффективного общения и психологические технологии развития коммуникативной компетентности. Рассмотрим содержание каждого из них.

1.2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Здесь мы рассмотрим пять основных теоретических подходов к проблеме эффективности общения и взаимодействия: бихевиориальные подходы; «персонологические» модели; подходы в рамках когнитивной психологии; интеракционизм и этогенический подход Р. Харре [173, 174, 175]. Практически все эти подходы стали хрестоматийными, поэтому мы не будем останавливаться на них подробно, а вычленим лишь те аспекты, которые имеют непосредственное отношение к обсуждаемой проблеме.

В рамках *бихевиориальной* традиции, в соответствии с основными постулатами этого подхода, развивается гипотеза «дефицита навыка» как фактора, препятствующего продуктивности коммуникации. Эффективность же взаимодействия определяется широтой репертуара коммуникативных навыков и степенью их сформированности. В качестве основного способа повышения коммуникативной компетентности предлагаются упражнения, ведущие к овладению теми навыками, которые позволяют реализовывать поставленные субъектом цели. В качестве механизма формирования навыков эффективного взаимодействия выступает механизм подкрепления. В ортодоксальном бихевиоризме постулируется идея внешнего подкрепления в вариантах классического и оперантного обусловливания. Необихевиористская традиция связана с идеей промежуточных переменных и отказом от понятия внешнего подкрепления. Эта так называемая медиаторная линия представлена в социальной психологии наиболее широко и связана с такими именами, как Н. Миллер и Д. Доллард [см. 6], А. Бандура [9, 163] и др. В области социального бихевиоризма проблема формирования навыков социального поведения анализируется в терминах подражания и моделей для подражания. По мнению А. Бандуры [164], образцы поведения могут приобретаться как через прямой личный опыт, так и через наблюдение поведения других и его последствий для них, то есть через влияние примера. Отсюда, чем большим количеством усвоенных моделей социального взаимодействия владеет индивид, тем он будет более эффективен в этом взаимодействии. В этой традиции родилось такое направление в практике социально-психологического тренинга (СПТ), как тренинг коммуникативных умений.

*Персоналогические*¹ подходы к проблеме эффективного взаимодействия связаны с такими направлениями, как классический и неопсихоанализ, гуманистическая и экзистенциальная психология. Спецификой этого направления является исследование глубинных личностных процессов, и поэтому проблема общения и взаимодействия индивида с социальными субъектами включена лишь опосредованно. Попытки найти в рамках этого направления детерминанты эффективного, а скорее неэффективного, общения связаны с идеей личностных деформаций, в результате которых отдельные сегменты феноменального потока или не включаются, или исключаются из

¹ Здесь термин «персоналогический» используется в широком значении, т. е. относящийся к личности

феноменологического поля субъекта. Ю.М. Жуков [48] для означивания этой гипотезы использует очень точную метафору – «гипотеза глухаря»: человек не «слышит» и не «видит» реальность такой, какая она есть, оказывается «закрытым для опыта». С точки зрения представителей психоаналитических подходов, деструктивность взаимодействия индивида с другими определяется не дефицитом коммуникативных навыков, а глубинными личностными деформациями – действием неэффективных защитных механизмов, застреванием на низших стадиях психосексуального или психосоциального развития, т. е. общей невротизацией индивида, что и создает психологические барьеры, мешающие эффективному общению.

Обсуждая персонологические подходы, конечно же, нельзя не упомянуть концепцию К. Роджерса [102, 103, 190, 191]. Несмотря на то что его научные разработки лежат в области психотерапии, в частности в области клиентцентрированной психотерапии, автором которой и является К. Роджерс, введенные и используемые им понятия конгруэнтности, аутентичности, эмпатии являются исключительно ценными для исследования высших, глубинных форм общения между людьми. Психоанализ и гуманистическая психология породили свои методы и способы улучшения взаимоотношений человека с окружающими его людьми, которые конкретизировались в психотерапевтической практике, а также в практике работы групп личностного роста и групп встреч.

В последнее время активно развивается еще одно направление в области психологии личности – трансперсональная психология, выдвинувшая ряд перспективных идей в определении глубинных – трансперсональных – детерминант личности. Здесь можно упомянуть некоторые идеи К. Юнга (например, представления о синхроничности) [157], идею «пиковых переживаний» А. Маслоу [80], концепцию перинатальных матриц С. Грофа [41], модель спектра сознания К. Уилбера [118, 119], представления о духовности с точки зрения соучастия Х. Феррера [122] и др. Разработки в этой области напрямую не связаны с проблемами общения, однако они связаны с проблемой психического и личностного здоровья, что в конечном итоге в большой степени определяет способность человека устанавливать здоровые, глубокие, эмоционально насыщенные отношения с другими людьми.

Исходным принципом *когнитивизма* является рассмотрение социального поведения с точки зрения познавательных, когнитивных

процессов. «Общая линия связи между процессом познания и социальным поведением прослеживается следующим образом: впечатления индивида о мире организуются в некоторые связанные интерпретации, в результате чего возникают различные идеи, верования, ожидания, аттитюды, которые и выступают регуляторами социального поведения» [6, с. 92]. В рамках этого подхода можно выделить, как минимум, четыре линии исследований: исследования, связанные с понятиями эгоцентризма-децентрации; исследования, выявляющие связи между различными когнитивными стилями и теми или иными характеристиками межличностного общения; группа теорий, относящихся к когнитивной психологии личности и когнитивноориентированной психотерапии [14, 153, 154]; группа социально-психо-логических теорий, ведущих свое начало от гештальт-психологии, теории поля К. Левина и когнитивных подходов к проблеме личности и получивших общее название «теории соответствия».

Линия исследований, показывающая связь социальной компетентности с когнитивной компетентностью, имеет своим основанием концепцию Ж. Пиаже [99] и связана в первую очередь с понятиями эгоцентризма и децентрации. Как показал Ж. Пиаже, неспособность встать на точку зрения другого порождает крайний субъективизм – отождествление своего видения ситуации с объективно складывающейся обстановкой, неумение выделить себя из окружения, субъективное, нереалистичное восприятие действительности. Применительно к проблеме общения можно говорить об искаженном восприятии себя, партнера и коммуникативной ситуации в целом, что является препятствием для успешной организации своего общения и межличностных отношений.

Еще одна линия анализа когнитивных составляющих, обеспечивающих ту или иную степень коммуникативной компетентности, связана с понятием когнитивного стиля. Эта проблематика возникла относительно недавно, однако как за рубежом, так и у нас в стране исследования ведутся очень активно. В них была показана связь между теми или иными характеристиками межличностного общения и целым рядом когнитивных стилей, таких как полезависимость-полнезависимость, когнитивная простота-когнитивная сложность, меньшие данные пока получено по другим когнитивным стилям (толерантность к нереалистическому опыту, заострение-сглаживание и др.) [150]. Полученные данные пока нельзя назвать однозначными, что, прежде всего, связано с недостаточной определенностью психо-

логического статуса понятия «когнитивный стиль» и с неоднородностью, нелинейностью качественных характеристик, обнаруживающихся в пределах одного и того же когнитивного стиля [137]. Несмотря на это, а может быть, и благодаря этому, исследование когнитивных стилей вообще и в связи с особенностями социального поведения в частности является, несомненно, перспективным направлением.

Третья, выделенная нами область исследований в группе когнитивных подходов, – когнитивная психология личности – связывает деструктивность взаимодействия с наличием у субъектов коммуникации неэффективных когнитивных процессов и когнитивных схем интерпретации мира, других людей, самого себя. Представители этой психологической школы анализируют особенности системы личностных конструкторов (Дж. Келли), иррациональных убеждений (А. Эллис), когнитивных ошибок, нереалистичных ожиданий (А. Бек), интернального-экстернального локуса контроля (Дж. Роттер) и т.п.

В качестве четвертой относительно самостоятельной линии исследований в рамках когнитивного подхода, как уже упоминалось, выделяется обширный класс собственно социально-психологических теорий соответствия, базирующихся на центральной идее о том, что когнитивная структура человека не может быть несбалансированной, дисгармоничной, а если это имеет место, то немедленно возникает тенденция изменить такое состояние. Для обсуждаемой здесь проблемы эффективности общения наиболее адекватными из всех теорий соответствия являются теория структурного баланса Ф. Хайдера [176], теория коммуникативных актов Т. Ньюкома [187], теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера [123]. Так, например, Ф. Хайдер [176] в качестве единицы анализа межличностных отношений выделяет структуру Р-О-Х, состоящую из трех элементов: Р – воспринимающий субъект, О – «другой» (воспринимающий субъект), Х – объект, воспринимаемый и воспринимающим субъектом, и «другим». Этим объектом может быть идея, явление, вещь и др. Взаимодействие этих трех элементов составляет когнитивное поле, и задача заключается в том, чтобы выявить, какой тип отношений между этими тремя элементами является устойчивым, сбалансированным, а какой тип отношений вызывает ситуацию дискомфорта для Р и, соответственно, его стремление изменить ситуацию с целью приведения его вновь в состояние баланса. Из этих рассуждений видно, что в качестве основной меры эффективности межлич-

ностных отношений принимается устойчивость, сбалансированность структуры Р-О-Х. Другие авторы определяют ее через понятия когнитивного консонанса [123], конгруэнтности [188]. Характерной особенностью этого направления (в особенности это касается концепций Ф.Хайдера и Т.Ньюкома) является то, что в них заявляется обсуждение определенных моделей взаимодействия. Однако, выделяя лишь две такие модели – сбалансированную и несбалансированную, авторы оставляют вне контекста анализа собственно процесс взаимодействия как таковой. Их интересует лишь формальное соотношение элементов когнитивного поля.

Если «когнитивные идеи» имеют широкое распространение как в психологии личности, так и в социальной психологии, то символический *интеракционизм* является подходом сугубо социально-психологическим, имеющим свою специфическую проблематику и свой взгляд на проблему коммуникации [см. 147]. Интеракционисты пытаются выяснить, какими специфическими для человека средствами осуществляется и регулируется процесс социальной интеракции. Отсюда большой интерес к проблеме коммуникации при помощи символов, языка, к проблемам структуры личности, ролевого поведения и референтной группы как источника формирования норм социального взаимодействия и социальных установок.

Мерой эффективности взаимодействия, с точки зрения интеракционистов, является соответствие социального поведения индивида требованиям нормативности и/или ожиданий. Понятие нормы (в разных вариантах) является одним из центральных понятий в интеракционизме, именно с его помощью представители этого направления пытаются подойти к решению вышеназванных проблем. Так, вслед за Дж. Мидом [184] интеракционисты выделяют в структуре личности, наряду с компонентами *I* и *self*, компонент *me* (то, каким я хочу, чтобы меня видели другие) – это нормативное Я, своего рода внутренний социальный контроль, основанный на учете ожиданий, требований, значимых для других людей, и прежде всего для «обобщенного другого». В ролевых теориях выделяются такие нормативные факторы «играния» роли, как знание роли, то есть представление о правах и обязанностях, связанных с данной ролью, и умение выполнять данную роль [147]. В символическом интеракционизме говорится о конвенциональности значений «жестов», то есть тех вербальных и невербальных агентов, при помощи которых эти значения передаются. Таким образом, мы видим, что здесь, так же как и

в теориях соответствия, основной идеей является идея соответствия, но соответствия другого рода, как соответствия культурным, социальным и групповым нормам.

Может быть, более личностно, нежели социально, ориентированным можно назвать представления И. Гоффмана [169], также развиваемые в рамках интеракционистского направления. И. Гоффман исходит из того, что человек в процессе социального взаимодействия способен не только смотреть на себя глазами партнера, но и корректировать собственное поведение в соответствии с ожиданиями другого с тем, чтобы создать о себе наиболее благоприятное впечатление и добиться наибольшей выгоды от этого взаимодействия. И. Гоффман выделяет факторы ролевого поведения, которые служат этим целям. Он исходит из того, что для эффективного взаимодействия партнеры должны иметь информацию друг о друге. Средствами такой информации служат их внешность, предыдущий опыт взаимодействия с подобными индивидами и то окружение, в котором находится индивид. Однако наиболее значимая информация находится в словах и делах партнеров по взаимодействию. И. Гоффман считает их наиболее важными не только из-за их значимости, но и потому, что индивид в значительной степени может держать эту информацию под своим контролем. При этом весь процесс взаимодействия трактуется как процесс приспособления личности к ситуации, а индивид выступает как носитель многочисленных ролей. Таким образом, И. Гоффман развивает ту же идею соответствия, основанную, однако, не на заданных извне нормах и правилах, а на взаимных ожиданиях, имеющихся у партнеров по взаимодействию.

И последний теоретический подход, который имеет отношение к нашей проблеме и который необходимо здесь рассмотреть, – *этогенический* подход Р. Харре [173, 174, 175]. В 1979 году вышла книга Р. Харре «Социальное бытие: теория для социальной психологии» [175], представляющая единственную на сегодняшний день попытку (как в Западной Европе, так и в США) создать общую социально-психологическую теорию. Центральной задачей этогеники является построение социально-психологической теории на основе концепций, разработанных символическими интеракционистами (И. Гоффман [169]) и этнометодологами (Г. Гарфинкель [167]). Для Р. Харре, также как и для И. Гоффмана и Г. Гарфинкеля, предметом исследования выступала повседневная жизнь людей. Согласно Р. Харре, стержнем человеческой природы, главным мотивом человека явля-

ется уважение других людей. Символическая активность с этой точки зрения выступает, прежде всего, как инструмент для завоевания уважения. Это достигается с помощью самовыражения (экспрессии), которое производит определенное впечатление (импрессию) на других людей. Экспрессия и импрессия представляют две стороны функционирования так называемой экспрессивной системы, продуктом которой является репутация индивида в том или ином сообществе и воздаваемые ему почести.

Функционируя в этой системе, человек выступает в двух основных ролях: потребителя уважения и его производителя, то есть того, кому выражается уважение, и того, кто его выражает. И в том, и в другом случае он должен уметь «читать текст» социального взаимодействия, знать его правила и принципы интерпретации, уметь понять, как его оценивают, и выразить свою оценку. Таким образом, второй существенной характеристикой человека является способность к интерпретации, пониманию своего социального окружения [173].

По мнению Р. Харре, социальных психологов должны интересовать не столько причины, сколько форма деятельности [Там же]. Таким образом, при анализе социального взаимодействия социальный психолог должен попытаться найти ту матрицу (шаблон, паттерн), в которой наподобие генетической программы записана программа поведения людей, включенных в это взаимодействие. Простейшим примером действия шаблона может служить церемония представления хозяину дома одного из гостей. «Гладкое» социальное взаимодействие в этом случае обеспечивается, как правило, тем, что его участники руководствуются примерно одним и тем же сценарием данной церемонии. Они «умеют себя вести», они, как говорит Р. Харре, «социально компетентны», то есть обладают необходимыми когнитивными ресурсами и поэтому умеют читать социальные значения высказывания или жеста» [173, р. 290].

Р. Харре различает два типа регуляторов социального поведения: правило и план. Правило – это фиксированный в законной форме социокультурный нормативный шаблон поведения, обязательный для исполнения. План – это тоже шаблон поведения, но не навязанный индивиду извне, а созданный им самим. Поэтому в отличие от правила план не имеет принудительной силы и может быть изменен. В этногенетическом подходе понятие шаблона неразрывно связано с тремя другими важными концептами: определение ситуации, арбитр и социальная маска. Здесь важно подчеркнуть, что все четыре

элемента входят в когнитивную структуру не одного человека, а нескольких участников взаимодействия. Шаблон, система правил регулирует коллективный процесс.

Социально-психологический анализ человека включает попытку узнать, какими социальными ресурсами, то есть каким репертуаром определений ситуаций, масок, арбитров и систем правил, он располагает. Социальное действие, следовательно, есть умелое действие, социальные умения – это интеллектуальные навыки, применяемые при попытке решать непрерывный поток проблем, которые ставит присутствие других людей в ситуациях, где взаимодействие оказывается неизбежным [174]. Поведение человека, анализируемое в системе этих понятий, представляется Р.Харре как последовательность эпизодов, то есть законченных по смыслу связных фрагментов поведения, регулируемых определенными правилами и планами. Какие же задачи решает человек в проблемном эпизоде? Прежде всего, он пытается определить, проинтерпретировать социальную ситуацию. В зависимости от этого определения одно и то же движение руки можно проинтерпретировать, например, как дружеский жест, просьбу о милостыне или боевой выпад. Иначе говоря, определить ситуацию – значит понять, в какой пьесе человеку предлагают участвовать. Следующий психологический элемент социального действия – выбор соответствующей адекватной маски, Я-идентификация». В зависимости от того, как определяется ситуация и, соответственно, жест, мы протягиваем руку для приветствия, подаем милостыню или обороняемся, следовательно, определяем свою роль в ситуации. Решение проблемы обычно является результатом размышления, проигрывания ситуации в воображении перед каким-либо лицом (не обязательно конкретным), выступающим для нас в роли арбитра совершаемого поступка. Арбитр – это критик, зритель, рецензент пьесы. Добавим, что им, согласно Р.Харре, может быть и сам субъект действия.

Желая сохранить уважение окружающих, человек постоянно объясняет себе и другим уместность своих поступков и для этого стремится сделать их понятными для других. Он как бы помогает другим людям читать текст своей роли так, как сам ее понимает. Понятность – необходимое условие действительного функционирования шаблонов в системе социального взаимодействия. Поэтому Р.Харре неоднократно подчеркивает, что понятие «правило» должно быть дополнено понятием «социальное значение». Это важно не только в повседневной практике, но и в научном анализе.

Подводя итог представленным выше теоретическим подходам к проблеме факторов эффективности общения и социального поведения, можно констатировать существование различных моделей, каждая из которых выделяет и исследует свои специфические аспекты рассматриваемой проблемы. Конечно, можно рассматривать эти подходы как диаметрально, принципиально противоположные и, приняв один из них в качестве абсолютного, отбросить все остальное как неправильное и нерелевантное. Но очевидно, что такая позиция неконструктивна, гораздо продуктивнее будет попытка адекватного синтеза различных подходов. Хотя данная книга не ставит перед собой задачи исчерпывающего научного анализа и обобщения различных теоретических концепций, тем не менее мы будем исходить, во-первых, из реального существования множества в той или иной степени адекватных подходов к проблеме социального поведения, и, во-вторых, мы будем рассматривать эти подходы не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие. Сделав это предварительное замечание, попытаемся обобщить теоретические подходы к проблеме коммуникативной компетентности в контексте двух выделенных нами ранее (см. 1.1) аспектов: целевого – эффективность общения; и операционального – внутренние ресурсы (детерминанты) КК.

1. В ряде рассмотренных подходов была предпринята попытка операционально определить понятие «эффективность общения и взаимодействия» через некоторые психологические концепты. В качестве критерия эффективности в бихевиоризме выступает субъективная положительная оценка состоявшегося взаимодействия, в психофизиологических подходах – возможность сохранения психического здоровья (психоанализ) или возможность развития, личностный рост (гуманистическая психология), в теориях соответствия – степень когнитивного диссонанса или конгруэнтности. Р Харре в качестве конечной цели взаимодействия называет завоевание уважения, и отсюда мерой эффективности является уровень достигнутого уважения.

2. В качестве основных детерминант, внутренних ресурсов, позволяющих быть эффективным в общении, называются следующие. Это, во-первых, личностные детерминанты, а именно отсутствие личностных деформаций различного уровня, начиная от «психоаналитических», заканчивая «трансперсональными» деформациями. Во-вторых, это когнитивные составляющие, с одной стороны, как некоторые когнитивные характеристики индивида (эгоцентризм-децентрация, тот или иной когнитивный стиль), с другой стороны,

как способность к адекватной интерпретации ситуации взаимодействия, знание шаблонов (сценариев) социального поведения, правильный выбор социальной маски (Р.Харре). В качестве третьей детерминанты, определяющей эффективность общения, выступает ролевая и ситуативная нормативность, то есть умение играть социальную роль, знание правил взаимодействия, а также соответствие социального поведения индивида ожиданиям партнера. И, наконец, четвертая составляющая эффективной коммуникации – поведенческая, или операциональная, технологическая. Эта составляющая включает в себя коммуникативные умения и навыки.

1.3. ЭМПИРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Одной из наиболее признанных эмпирических моделей коммуникативной компетентности является модель М. Аргайла. М. Аргайл и его сотрудники [162] в качестве теоретико-экспериментальной платформы выбрали этогенический подход Р.Харре и попытались построить свою модель на основе четких критериев. Так, опираясь на экспериментальные данные, в качестве черты эффективности они взяли три основных критерия: статус индивида в группе (социометрический статус), эффективное лидерство и социальную адаптивность. По мнению М. Аргайла, коммуникативная компетентность не обязательно связана со всеми тремя критериями одновременно, а лишь с одним или с двумя. Это объясняется тем, что источники успешности человека в разных видах социального поведения различны. На основе многочисленных исследований М. Аргайлом и его сотрудниками [Там же] были выделены основные компоненты коммуникативной компетентности, которые делятся на две большие группы: личностные черты и так называемые способности. К личностным переменным относятся.

- 1) экстраверсия (коррелирует со статусом и эффективным лидерством),
- 2) эмоциональная устойчивость (связана с адаптивностью);
- 3) целенаправленность (коррелирует со статусом и эффективным лидерством).

Среди способностей М. Аргайл [Там же] называет следующие:

- 1) умение давать и получать обратную связь;
- 2) умение говорить;

- 3) умение слушать;
- 4) умение награждать;
- 5) деликатность, умение делать коммуникацию «гладкой»;
- 6) знание правил.

Наряду с выделением основных компонентов коммуникативной компетентности, большое внимание М. Аргайл и его сотрудники уделяли описанию коммуникативной ситуации. В самом общем виде социальная ситуация определяется ими как «естественный фрагмент социальной жизни, определяемый включенными в него людьми, местом действия и характером развертывающихся действий или деятельности» [162, с. 5]. При этом основную свою задачу они видят в том, чтобы выявить систему универсальных факторов, присутствующих в любой ситуации социального взаимодействия и задающих ее определенность. В результате ситуация предстает как «совокупность характеристик социального события, воздействующих на индивида» [Там же, с. 3]. Согласно М. Аргайлу, социальная ситуация определяется девятью факторами [Там же, с. 6–9].

1. Цели – центральный системообразующий фактор.
2. Правила – общепринятое мнение о допустимом и недопустимом поведении в ряде конкретных ситуаций. О реальном существовании любого правила можно говорить в том случае, если большинство людей, имеющих к нему отношение, замечает и не одобряет его нарушения.
3. Роли – принятые в данной культуре модели взаимодействия.
4. Репертуар элементарных действий – простейшие вербальные и невербальные формы участия во взаимодействии, структурирующиеся в определенные опознаваемые блоки (репертуары), считающиеся уместными (или допустимыми) для той или иной ситуации.
5. Паттерны взаимодействия, или поведенческие этюды. Например, паттерн диалога представляет собой последовательность репертуаров говорения и слушания, обеспечиваемую соответствующими умениями. Наиболее распространены двухчленные поведенческие этюды, хотя существуют и более сложные циклы последовательности событий, закрепленные в ритуалах и других паттернах. При этом содержание этюдов может варьировать в широких пределах, находясь в то же время в рамках принятого правила (например, проведение интервью или прием гостей могут быть содержательно весьма различны, но опознание их как определенных паттернов затруднений не вызывает).

6. Концепты – знания, наличие в когнитивной структуре определенных категорий, обеспечивающих понимание ситуации, как, например, знание при игре в шахматы, что такое ферзь или что означает слово «шах». В социальной ситуации такими концептами выступают представления о моделях, социальной структуре, элементах взаимодействия и объектах, включенных во взаимодействие.

7. Физическая среда, элементами которой являются границы ситуации (закрытое помещение, улица, площадь и т.п.), реквизит (например, классная доска, парты в школьном классе), модификаторы (физические качества среды, воздействующие на органы чувств – цвет, шум, запахи и т.п.), пространство – дистанция между людьми и объектами.

8. Язык и речь – ситуационно обусловленные словарь, обороты речи, интонации, используемые участниками взаимодействия.

9. Трудности и навыки – различные препятствия и навыки их преодоления.

Перечисленные факторы в совокупности образуют систему. По мнению П.Н. Шихирева, «психологичность модели определяется ключевым положением, которое в ней занимают цели» [148, с. 117]. Они рассматриваются как независимые переменные, а все остальные параметры – как зависимые от них. Согласно концепции сами социальные ситуации создаются в культуре для выполнения в основном одной функции: обеспечить условия достижения людьми своих целей, связанных, в свою очередь, с потребностями этих людей, с их мотивационной сферой [196]. Именно поэтому данная концептуальная модель определяется как функциональная. В своей работе М. Аргайл, А. Фэрнэм и А. Грэм [162] приводят результаты своих и чужих исследований по каждому из девяти названных выше параметров ситуации. Наиболее значимыми из параметров оказались структура целей, правила и умение преодолевать трудности. Кроме того, к перечисленным девяти факторам в ряде ситуаций добавился еще один – эмоциональная атмосфера. Также были подтверждены общая концепция ситуации как социальной конструкции, созданной носителями культуры или субкультуры, а также адекватность функциональной модели ситуации.

Давая общую оценку модели М. Аргайла, П.Н. Шихирев пишет: «При всех оговорках для ситуационного анализа характерна ориентация на исследование воспроизводства, а не изменения ситуации, на сохранение устоявшихся форм взаимодействия, а не на создание

новых. Творческий аспект человеческого действия в предлагаемой модели уходит на второй план, и человек предстает как объект, подчиняющийся требованиям ситуации. Тем не менее нельзя не признать, что при всех недостатках ситуационный анализ на сегодняшний день представляет наиболее развитую и перспективную область исследований» [148, с. 121].

Автором еще одной модели коммуникативной компетентности, во многом опирающейся на представления М.Аргайла, является российский психолог Ю.Н.Емельянов [46]. Он выделяет следующие аспекты коммуникативной компетентности.

1. Умения и навыки. «Приобретение КК (коммуникативной компетентности), или, как ее еще называют, интерперсональной компетентности, есть движение от интер- к интра-, от актуальных межличностных событий к результатам осознания этих событий, которые закрепляются в когнитивных структурах психики в виде умений и навыков и служат индивиду при дальнейших контактах с окружающими» [46, с. 53].

2. Особенности личности индивида. В качестве основных личностных особенностей, влияющих на межличностное общение, автор подробно анализирует особенности Я-концепции, отмечая важность для установления нормальных человеческих отношений таких особенностей Я-концепции, как «самотождественность» (идентичность), баланс между гибкостью и ригидностью Я-концепции, наличие внешнего или внутреннего локуса контроля.

3. Ситуативная адаптивность. Говоря о ситуативной адаптивности, Ю.Н. Емельянов выделяет две формы общения: профессиональное, или формальное, общение и неформальное общение. В качестве одной из задач социально-психологического обучения автор видит задачу осознания людьми границ своей профессиональной КК и общей КК и предостерегает от возможности неадекватного переноса способов и стереотипов профессионального общения в область неформальных отношений. «Возрастание профессионализма в современных условиях предъявляет особые требования к навыкам делового общения, что определяет избирательность коммуникативных интересов индивида и придает специфику его личностным проявлениям за пределами профессиональной среды. Очевидным индикатором такого взаимодействия является стремление специалистов к синтаксической усложненности устной речи, замене свойственных разговорному языку сложносочиненных предложений на сложноподчиненные, употребление причастных оборотов и

профессиональной лексики, использование полного стиля произношения. Обнаруживаются и другие показатели шаблонизации сферы неформального общения» [Там же, с. 54].

4. Осознание деятельностной среды (социальной и физической), окружающей человека, и способность воздействовать на нее для достижения своих целей, а в условиях своей работы делать свои действия понятными для других. Все это предполагает осознание практически всех аспектов межличностной ситуации, начиная от осознания своих собственных потребностей и ценностных ориентаций и заканчивая осознанием уровня своей экономической культуры (отношение к среде обитания – жилищу, земле, родному краю, архитектуре и т.п.).

5. Свободное владение вербальными и невербальными средствами социального поведения.

Анализируя предложенную модель, можно отметить, что выделение вышеназванных аспектов коммуникативной компетентности, безусловно, является плодотворным, однако при более пристальном анализе становится видной недостаточная обобщенность модели. Так, автор не выделяет первичные, базовые, компоненты КК и вторичные, подчиненные, а представляет лишь простое их перечисление без анализа связей и соотношений. Это приводит к взаимопересечению элементов, выделяемых автором как самостоятельные. Так, свободное владение вербальными и невербальными средствами социального поведения по своей сути является системой коммуникативных умений и навыков, а ситуативная адаптивность, понимаемая как осознание границ своей профессиональной и общей КК, естественным образом вытекает из такого аспекта, как осознание деятельностной среды, и не требует какого-либо самостоятельного места в предложенной автором структуре.

Эти неточности, с нашей точки зрения, определяются самим характером модели – эмпирическим, где достаточно сложно выявить иерархические связи и отношения. Этим можно объяснить и другие пробелы при анализе основных положений. Так, в качестве особенностей личности индивида как компонента коммуникативной компетентности представлены, по существу, лишь особенности Я-концепции, тогда как другие существенные характеристики личности остаются за рамками анализа. То же самое можно сказать и о модели М. Аргайла. В ходе исследований автор несколько раз менял в своей модели те или иные личностные характеристики, обеспечивающие коммуникативную компетентность индивида.

Эмпиризмом модели объясняется, видимо, и некоторая противоречивость в предложенных еще одним российским психологом, Ю.Н. Емельяновым, определениях самого понятия и способах развития коммуникативной компетентности. Так, в одной из своих работ автор, с одной стороны, неограниченно расширяет понятие коммуникативной компетентности, определяя его как «развивающийся целостный жизненный опыт, осознанный и упорядоченный индивидом» [47, с. 5], с другой стороны, он определяет ее «как такой уровень обученности взаимодействию с окружающими, который требуется индивиду, чтобы в рамках своих способностей и социального статуса успешно функционировать в данном обществе» [Там же, с.7]. Что касается способов повышения КК, то здесь также, с одной стороны, в коммуникативной компетентности выделяется аспект личностных особенностей и коммуникативных умений и навыков, а, с другой стороны, автор пишет следующее: «Ключевые способы повышения КК нужно искать не в шлифовке поведенческих умений и навыков и не в рискованных попытках личностной реконструкции, а на путях активного осознания индивидом естественных межличностных ситуаций, на путях развития социально-психологического воображения, позволяющего видеть мир с точки зрения других людей» [46, с. 31]. Это утверждение не совсем обоснованно не только потому, что логически противоречит предыдущим положениям, но и из соображений здравого смысла и практики тренинговой психологической работы. Ведь у людей часто возникают проблемы в общении не только потому, что они не осознают неэффективность своего общения, не только потому, что они не хотят что-либо в нем менять, не только потому, что они не хотят или не могут встать на точку зрения своего партнера (хотя, нельзя не согласиться с тем, что это тоже существенные моменты), а просто потому, что они не владеют адекватными поведенческими приемами и навыками межличностного взаимодействия. И далее, не совсем объяснимо положение о «рискованности попыток личностной реконструкции», ведь в психологии одной из центральных проблем является проблема развития личности. Другое дело, когда речь идет о способах и средствах такого развития. Конечно, внешняя, искусственная личностная реконструкция недостаточно эффективна и, может быть, даже недопустима. Но, тем не менее, когда мы говорим о развитии, повышении КК, которая сама является одной из характеристик личности, мы, по существу, говорим все о той же «реконструкции» личности.

Несмотря на отмечаемые здесь неточности, можно констатировать большой вклад эмпирических моделей в разработку проблемы коммуникативной компетентности. Так, в этих моделях принципиально подтверждается структурный состав коммуникативной компетентности, определенный в теоретических подходах, а именно выделяются следующие компоненты: личностные особенности, когнитивные ресурсы, система правил (нормативный компонент) и умения и навыки (способности, в терминологии М. Аргайла). В модели М. Аргайла разработано понятие и структура коммуникативной ситуации, что является очень важным не только для теоретического анализа проблемы, но и для практического использования предложенной модели в целях развития коммуникативной компетентности.

1.4. УРОВНЕВЫЕ МОДЕЛИ ОБЩЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Одним из наиболее известных подходов к социальному поведению, который дает уровневую типологию общения, является транзакционный анализ Э.Берна [16, 17]. Э.Берн предложил различать следующие способы структурирования времени:

- ритуалы – «стереотипная серия простых дополнительных транзакций, заданных внешними социальными факторами» [16, с. 27], которые бывают как неформальными (приветствия и прощания, обмен новостями и т.п.), так и формальными (церковные, государственные, военные);

- времяпрепровождение – «серия простых полуритуальных дополнительных транзакций, сгруппированных вокруг одной темы» [Там же, с. 31], широко используется на вечеринках и во всех случаях, когда необходимо скоротать время;

- игры – «серия следующих друг за другом скрытых дополнительных транзакций с четко определенным и предсказуемым исходом... короче говоря, это серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох» [Там же, с. 37], игры характеризуются наличием скрытых мотивов и выигрыша;

- близость, которую Э.Берн не определял, но по контексту она означает открытость друг другу и получение радости («поглаживания») от самого контакта;

– деятельность – некоторая совместная работа, в рамках которой люди объединяются ради достижения некой общей (или одинаковой) цели;

– интимное общение, которое Э.Берн описывает так: «когда индивидуальное программирование становится более интенсивным, социальные соображения и запреты всякого рода начинают затухать. Эта ситуация может быть описана как стяжение, то есть аутентичное слияние личностей; на более привычном языке это называется интимностью» [17, с. 72].

Э.Берн не только констатирует и типологизирует феноменологию социальных контактов, но и вводит оценочный компонент в свою модель. Он подчеркивает, что хотя решающее большинство социальных связей и осуществляется в форме игр, однако «время-препровождение и игры – это заместители реальной практики подлинной интимности» [16, с. 72], и аутентичным общение становится тогда, когда достигает уровня интимности.

В отечественной социальной психологии один из первых, кто предложил уровневую типологию общения, был А.У. Хараш [135]. Автор на основе субъект-объектной парадигмы выделил две формы, два паттерна общения – субъект-объектное (S-O) и субъект-субъектное (S-S) общение. Субъект-объектное (S-O) общение это такое общение, в котором только один из партнеров выступает в полноправной роли субъекта, активного, воздействующего, управляющего, в то время как второму партнеру отводится роль простого объекта воздействия и манипуляций со стороны первого. Таково, в частности, общение по типу приказов, предписаний, поучений и т.п. К этому же типу относятся все менее выраженные (но зато более распространенные) случаи доминирования одного из партнеров, манипулирование партнером по общению, когда общение по тем или иным причинам не приобретает характера диалога, а остается не по форме, а принципиально монологическим. Субъект-субъектная (S-S) форма, или уровень общения, характеризуется равенством психологических позиций участников, обоюдной активностью сторон, при которой каждая не только испытывает воздействие, но и сама в равной степени воздействует на другую, взаимным проникновением в мир чувств и переживаний друг друга, готовностью встать на точку зрения другой стороны, стремлением к соучастию, сопереживанию, принятию друг друга, активной взаимной гуманистической установкой партнеров.

Л.А. Петровская [97] дополняет данные характеристики S-O и S-S общения компонентами продуктивности-непродуктивности и глубинности-поверхностности. Продуктивные аспекты и задачи общения «составляют нестандартную, неформализуемую, неалгоритмизируемую сторону общения и характеризуются порождением новых мотивов, целей, операций и их последовательностей. Реализация продуктивного общения предполагает подключение творческого потенциала личности» [97, с. 13–14]. Репродуктивность общения, напротив, характеризуется стандартностью, алгоритмизируемостью общения. Глубинность общения понимается как задействованность в общении личностно-смысловых образований партнеров по общению, таких как потребности, ценности, интересы и т.п., тогда как поверхностное, формальное общение реализует только внешние, поведенческие, операциональные аспекты общения. По мнению Л.А. Петровской, принцип субъект-субъектности является отправной детерминантой, обуславливающей и инициирующей другие характеристики общения. «Субъект-субъектное общение естественно тяготеет к общению глубинному. Последнее, в свою очередь, имея дело с тонкими, индивидуализированными, личностными структурами, практически неизбежно должно быть одновременно и продуктивным, и творческим» [Там же, с. 16]. Таким образом, Л.А. Петровская, принципиально оставаясь в рамках субъект-объектного подхода, существенно дополняет характеристики того и другого вида общения.

Е.Л. Доценко [45] развивает и еще более конкретизирует субъект-объектный подход к структурированию общения и взаимодействия. Он анализирует полюс субъект-объектного и субъект-субъектного общения с двух сторон – морально-нравственной и психологической. Моральная сторона определяется отношением к другому человеку, психологическая включает в себя три аспекта: мотивационный, когнитивный и операциональный. Первый полюс – объектный – характеризуется отношением к партнеру по общению как к средству, объекту. В нравственном плане оно воплощается в отношении к другому как к орудию достижения своих целей: нужен – привлечь, не нужен – отодвинуть, мешает – убрать (иногда вплоть до физического уничтожения). Допустимость (моральное оправдание) такого общения базируется, во-первых, на основе веры в неравенство людей, на ощущении собственного превосходства над другими, доходящего до чувства собственной исключительности. В мотивационном плане отношение к другому как к объекту конкретизируется в желании обладать, рас-

поражаться им, стремлении получить одностороннее преимущество, непременно добиться своего. В когнитивном плане объектная позиция проявляется в эгоцентризме – непонимании другого, отсутствии попыток увидеть ситуацию его глазами, в упрощенном, одностороннем видении своего партнера, в использовании стереотипных представлений, расхожих суждений о нем. В операциональном плане – это опора на однонаправленность воздействия, его монологичность с использованием стандартных, привычных автоматических приемов.

Второй полюс – субъектный – конституирует отношение к партнеру как к ценности. Моральный аспект такого отношения состоит в признании самоценности другого человека как, свободного, ответственного, имеющего право быть таким, каков есть и желать того, чего он желает. В мотивационном плане установка на ценность другого конкретизируется в стремлении к сотрудничеству, установлению равноправных партнерских взаимоотношений и совместному решению возникающих проблем. В когнитивном плане – в готовности понять другого, умении децентрироваться, видеть человека во всей его многосложности, уникальности и изменчивости. Операциональный план характеризуется установкой на диалог и сотрудничество.

Е.Л. Доценко совершенно справедливо отмечает, что «большинство случаев взаимодействия людей между собой не находятся ни на одном из описанных полюсов. В чистом виде объектное отношение проявляется нечасто, поскольку, во-первых, вызывает моральное осуждение со стороны окружающих и, во-вторых, часто технологически невыполнимо, поскольку приходится считаться с сопротивлением адресата воздействия, отстаивающего свое право на субъектность» [45, с. 101]. Также редко встречаются высшие формы общения, поскольку необходимым условием таких контактов является взаимная установка обоих партнеров на реализацию именно этой формы взаимодействия, что происходит не так уж и часто. Исходя из этого скорее можно говорить о субъект-объектной и субъект-субъектной формах не как о единственно возможных, а скорее как о крайних полюсах на шкале человеческих отношений, которые располагаются вдоль ценностной оси «отношение к другому как к средству – отношение к другому как к ценности». В промежутке между этими полюсами обнаруживается ряд переходных форм. Разные авторы выделяют разные промежуточные формы взаимодействия. Е.Л. Доценко [Там же] выстраивает их в единую шкалу взаимоотношений.

1. Доминирование (давление, императивное воздействие)¹. Отношение к другому, как к вещи или средству достижения своих целей, игнорирование его интересов и намерений. Открытое, без маскировки, императивное воздействие – от насилия, подавления, господства до навязывания, внушения, приказа – с использованием грубого простого принуждения.

2. Манипуляция (скрытые транзакции). Отношение к партнеру, как к «вещи особого рода» – тенденция к игнорированию его интересов и намерений. При манипуляции происходит скрытое воздействие на партнера с опорой на психические автоматизмы и стереотипы. Позиция партнера учитывается настолько, насколько она может быть использована манипулятором в собственных целях. В этом случае давление на партнера не прямое, а более сложное, опосредованное, с оглядкой на производимое впечатление. Наиболее частые способы воздействия – провокация, обман, интрига, намек [16, 45, 107].

3. Соперничество (конкуренция, «рефлексивная игра»). Партнер по взаимодействию представляется опасным и непредсказуемым, с силой которого приходится уже не только считаться, но которой приходится и опасаться. Позиция соперничества характеризуется стремлением переиграть партнера-соперника, «вырвать» одностороннее преимущество [107].

4. Партнерство (правовое общение, кооперация). Отношение к другому, как к равному, имеющему право быть таким, как он есть. Равноправные, но осторожные отношения, согласование своих интересов и намерений, совместная рефлексия [5, 107].

5. Сдружество (конгруэнтное, эмпатическое взаимодействие). Отношение к другому, как к самооценности. Стремление к объединению, совместной деятельности для достижения близких или совпадающих целей [107].

Прежде чем перейти к анализу изложенных выше моделей, хотелось бы рассмотреть еще одну типологию, предложенную в коммуникативном подходе В.И. Кабрина. Автор развивает гипотезу о коммуникативной природе личности, в развитии которой коммуникация играет роль «универсального интегрирующего процесса» [54, с. 7]. Следует отметить, что в этой концепции понятия «коммуникация, коммуникативность, коммуникабельность» значительно расширены по сравнению с тем же понятиями в традиционной западной и оте-

¹ В скобках даны другие названия того или иного типа взаимодействия, которые можно встретить в литературе.

чественной психологии. Так, под коммуникацией автор понимает «универсальный информационно-энергетический смысло-творческий процесс» [Там же, с. 31]. «Коммуникативность как интегральная характеристика личности имеет значительно большую глубину и радиус действия, нежели принято думать: в нее может включаться генетический опыт прошлых поколений и жизней, ключ к которому в обычных условиях чаще всего недоступен» [Там же, с. 8]. «Важно, что в феномене и понятии коммуникации главное – это передача информации, имеющей жизненный смысл» [Там же, с. 7].

В.И. Кабрин выделяет четыре основные формы общения, каждой из которых соответствует определенный уровень развития личности.

1. Интракоммуникация (контакт) – силовое, спонтанное, импульсивное, то есть неадаптивное и закрытое, замкнутое внутри себя общение.

2. Экстракоммуникация – (беседа) ситуативное, адаптивное, ориентирующееся на внешнее окружение и обстоятельства общение.

3. Интеркоммуникация (дискуссия) – партнерское, взаимное, паритетное общение

4. Транскоммуникация (отношения: дружба, любовь) – преобразующее, воодушевляющее, вдохновляющее, позитивно и негативно потрясающее общение.

Если теперь проанализировать представленные выше модели общения и взаимодействия, то, во-первых, можно увидеть, что эти схемы являются частично перекрывающимися, частично взаимодополняющими друг друга (см. табл.1).

Таблица 1

Уровневые модели общения и взаимодействия

Интерсубъектный подход (А.У. Хараш)	Коммуникативный подход (В.И. Кабрин)	Трансактный анализ (Э.Берн)	Шкала взаимодействия (Е.Л. Доценко)
Субъект-субъектное общение	Транскоммуникация	Питициное общение	Содружество
	Интеркоммуникация	Близость Деятельность	Партнерство
Субъект-объектное общение	Экстракоммуникация	Ритуалы Времяпрепровождение	–
	Интеркоммуникация	Игры	Соперничество Манипуляция Доминирование

Во-вторых, во всех моделях явно или неявно присутствует иерархический, оценочный признак. Более высокий уровень коммуни-

кации считается более благоприятным, более эффективным, «более истинным». Однако, соглашаясь принципиально с этим положением, практически все авторы в качестве меры эффективности указывают не столько на обязательную реализацию высших форм взаимодействия во всех случаях жизни, сколько на соответствие, адекватность той или иной формы общения целям, задачам коммуникативной ситуации и коммуникативной позиции партнера.

Так, Г.А. Ковалев [60] указывает, что даже стратегия доминирования может быть адекватной и наиболее эффективной, если социальное взаимодействие происходит в экстремальной ситуации. Э. Бери [16] наряду с играми, имеющими для личности отрицательное значение, выделяет так называемые хорошие игры. Л.А. Петровская [98] отмечает, что даже такая безусловно положительная позиция, как позиция равенства, может вызвать неудовлетворенность, если эта позиция неизменна во всех случаях взаимодействия (например, в отношениях между дочерью и матерью). Е.Л. Доценко [45] говорит о невозможности вовсе обойтись без манипуляции (традиционно относимой к «плохому» общению) в сферах управления, образования, психотерапии. Адекватным в этом случае, считает автор, является решение, когда манипуляция не превышает тот уровень, который диктуется спецификой конкретной задачи (производственной, образовательной, психотерапевтической). Таким образом, исходя из представлений большинства исследователей в качестве меры эффективности выступает адекватность, соответствие. «В целом компетентность в общении обычно связана с овладением не какой-либо одной позицией, а с адекватным приобщением к их спектру... Гибкость в адекватной смене психологических позиций – один из существенных показателей компетентного зрелого общения» [98, с. 106].

Второе, что необходимо сделать, обсуждая различные шкалы общения и взаимодействия, это попытаться выделить некий инвариант, основные, существенные признаки, которые могут служить основанием для дифференциации уровней общения. С нашей точки зрения, можно обнаружить четыре таких признака, которые являются необходимыми и достаточными для описания всех форм общения и взаимодействия. Это: 1) равенство-неравенство коммуникативных позиций; 2) закрытость-открытость партнеров по общению; 3) центрация-конгруэнтность; 4) общая направленность коммуникации на сохранение или развитие. Главным, системообразующим из пере-

численных критериев является последний – направленность коммуникации на сохранение или развитие, именно из него вытекают все остальные характеристики.

И, наконец, последнее. Теоретический анализ описанных выше моделей общения и взаимодействия показывает, что каждая из них базируется на основаниях различного уровня обобщения, именно поэтому эти модели не являются взаимоисключающими. Попробуем теперь предложить интегральную уровневую модель коммуникативного взаимодействия. Для этого необходимо разделить а) собственно уровни общения, б) виды (формы) коммуникации, в) коммуникативные стратегии и г) коммуникативные паттерны (см. табл. 2).

Субъект-объектное общение реализуется в таких видах (формах) общения, как интра- и экстракоммуникация, субъект-субъектное общение – в интер- и транскомуникативной формах. В свою очередь, каждая из форм взаимодействия осуществляется при помощи той или иной коммуникативной стратегии, под которой понимается такой способ коммуникативного поведения в конкретной ситуации взаимодействия, в результате которого субъект решает определенную жизненно значимую для него проблему: сохранения или развития. Сочетания коммуникативных стратегий в реальном взаимодействии образуют кооперативные (комплиментарные) или конкурентные (симметричные) паттерны общения.

При переходе от коммуникативных стратегий низших уровней к стратегиям высших уровней происходит трансформация коммуникативных позиций партнеров: от закрытости, неравенства, эгоцентризма к открытости, равенству, конгруэнтности. Так, коммуникативные стратегии ухода, подчинения, доминирования характеризуются крайне выраженной эгоцентрической установкой субъекта общения, закрытостью коммуникативной позиции. Стратегия доминирования (давления) ставит общающихся в принципиально неравные отношения. Дополнительными (комплиментарными) к ней являются следующие стратегии. 1) стратегия ухода, 2) подчинение на основе подавления собственных негативных эмоций и 3) подчинение субъективно признаваемому авторитету (внутреннее согласие с подчиненной позицией). Позиции ухода и подчинения на основе подавления собственных негативных чувств, при сохранении видимости согласия между партнерами, являются реально или потенциально, внутренне или внешне конфликтными.

Таблица 2

Уровни общения и основные коммуникативные стратегии

Уровни общения	Виды (формы) общения	Коммуникативные стратегии	Паттерны общения	
			кооперативные	конкурентные
Субъект-субъектное (S-S) общение	Транскоммуникация	Сотворчество	–	–
	Промежуточная форма	Содружество	Объединение для достижения совпадающих целей	–
	Интеркоммуникация	Партнерская	Сотрудничество на основе согласования интересов и намерений	–
	Промежуточная форма	Деловая	Сотрудничество на основе одинакового понимания задачи	Соперничество на основе неодинакового понимания задачи
Субъект-объектное (S-O) общение	Экстракоммуникация	Формально-ролевая	Кооперация на основе четко обозначенных норм, правил, статусов, обязанностей	Соперничество на основе разного понимания норм, правил, статусов, обязанностей
	Промежуточная форма	Компромиссная	Компромисс (взаимные уступки)	Компромисс (взаимные уступки)
	Интракоммуникация	Манипуляция	Манипуляция – подчинение манипуляции (обман)	Манипуляция – манипуляция (рефлексивная игра)
		Доминирование	1 Доминирование – подчинение на основе признаваемого авторитета	1 Подчинение – подчинение
		Подчинение	2 Доминирование – подчинение на основе подавления собственных негативных чувств	2 Доминирование – доминирование (соперничество)
		Уход		3 Доминирование – уход

Позиция подавления характеризуется тем, что партнер вынужденно должен пренебрегать своими интересами, подавлять возникающие негативные эмоции, мириться с происходящим, оправдывая себя тем, что надо сохранять хорошие отношения, душевное равно-

весне, работу, брак и т.д. В этой позиции человек, чтобы оправдать свое унижительное положение, часто прибегает к самообвинению, корит себя за излишнюю раздражительность, обидчивость и т.п. Понятно, что эта ситуация опасна для личностного здоровья человека и чревата тем, что внутренний конфликт трансформируется во внешний. Позиция ухода может характеризоваться отказом от общения, в случае невозможности этого – отказом от «дружеских» и переходом на «чисто деловые отношения» [61, 64 и др.].

В интракоммуникативном взаимодействии единственная позиция, которая и внутренне, и внешне является бесконфликтной по отношению к коммуникативной стратегии доминирования, – это позиция подчинения авторитету, так как в этом случае за партнером признается право вести себя таким образом в силу его авторитетности, компетентности, статуса и т.п.

В манипулятивной стратегии субъект общения, сохраняя личностный эгоцентризм, вынужден уже «когнитивно» децентрироваться, чтобы «правильно» найти ту мишень в психологической структуре партнера, воздействуя на которую манипулятор может достичь своих целей. Что касается параметров открытость-закрытость и равенство-неравенство, то даже если субъект манипуляции намеренно открывает свою позицию, подчеркивает равенство партнеров, говорит, что единственная его цель – это благо партнера (манипулятивная децентрация), однако истинная цель такого воздействия остается принципиально скрытой для собеседника. Важно отметить, что интракоммуникативное взаимодействие всегда строится по типу «выиграл-проиграл», то есть если один из партнеров выигрывает, то другой – обязательно проигрывает. Это соотношение, как это ни парадоксально выглядит, сохраняется и в случае реализации компромиссной стратегии. В компромиссном общении позиции партнеров выравниваются, в результате проигрывают оба, только проигрыш делится на двоих.

В формально-ролевом общении личность включается в коммуникацию своей персоной, и взаимодействие происходит на уровне формального следования нормам и ролевым предписаниям. Равенство или неравенство, открытость или закрытость коммуникативных позиций партнеров зависят от того формально-ролевого статуса, который занимают партнеры по отношению друг к другу. В случае возникновения конфликтов в такого рода взаимодействии партнеры могут апеллировать к формально-ролевым предписаниям, или

оформленным документально (например, различные кодексы, уставы, должностные инструкции), или же – к «неписаным правилам», принятым в той или иной группе¹. По-видимому, что такой вид общения чаще всего встречается в производственной сфере субъекта, однако иногда по этому же типу может строиться и супружеское или родительно-детское взаимодействие. Интересно, что существуют многочисленные внешне неформальные паттерны взаимодействия, в основе которых, при ближайшем рассмотрении, лежат достаточно жесткие нормы и правила. Одним из примеров такого общения является светское общение. Феноменологически оно выглядит как общение равное и децентрированное, однако истинной целью такой коммуникации является сохранение социального статуса, которая в крайнем варианте звучит так: «против кого мы будем дружить», личностный эгоцентризм превращается в групповой эгоцентризм. Анализируя онтологические основания экстракоммуникативного взаимодействия, можно отметить, что, помимо индивидуальных целей сохранения (таких как защита от эксплуатации, сохранение социального статуса и т.п.), этот вид взаимодействия обеспечивает возможность сохранения и функционирования любой социальной группы как субъекта деятельности.

Переход к высшим формам коммуникации происходит через деловую и партнерскую стратегии. В этих формах взаимодействия происходит дальнейшее открывание позиций партнеров, выравнивание, децентрация. И деловое, и партнерское общение характеризуется равенством и открытостью, однако по параметру «центрация» эти стратегии различаются тем, что в деловом общении партнеры центрированы на задаче, а в партнерском общении и взаимодействии – на интересах и ценностях друг друга. Что касается критерия «сохранение-развитие», то эти уровни уже дают возможности для личностного развития партнеров по общению, однако можно сказать, что такое развитие есть личное дело каждого, оно ограничено теми индивидуальными возможностями, целями и задачами, которые ставит перед собой каждый из партнеров.

Высшие формы общения, реализующиеся при помощи стратегии содружества и сотворчества, являются принципиально развивающими, то есть общение неизбежно становится механизмом психологического развития человека – личностного, нравственного, интеллек-

¹Одно из таких «неписанных правил» сформулировано в известной, хоть и циничной формуле «Ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак»

туального и т.д. Мы уже упоминали о том, что этот уровень взаимодействия объективируется в отношениях дружбы и любви, в этих отношениях возникает такая общность между партнерами, которую можно охарактеризовать как интеграцию отдельных Я в некое единство. В этом случае становится бессмысленным использование для анализа этого уровня критериев «равенство-неравенство», «открытость-закрытость», «эгоцентризм-децентрация». На этом уровне субъект-объектная парадигма становится неадекватной, и требуется переход в гуманистическую и экзистенциальную парадигму с ее специфическим тезаурусом: проживание, со-бытие, конгруэнтность, эмпатия, аутентичность, любовь, свобода, творчество, ответственность и т.д.¹

1.5. ТЕХНОЛОГИИ ЭФФЕКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

Эта, практическая, линия исследований проблемы коммуникативной компетентности, пожалуй, наиболее многочисленная. В ней разрабатываются приемы и техники эффективного общения. Среди них можно назвать техники вступления в контакт, принципы и приемы подачи обратной связи [49, 97, 104, 113], техники Я-высказываний и активного слушания [49, 66, 152], способы защиты от манипулятивного воздействия [45], техники аргументации [83], коммуникативные приемы уверенного поведения [112] и т.д. К этому же направлению исследований можно отнести разработки, интегрирующие частные приемы общения в конкретные ситуации взаимодействия: деловое общение [20, 48, 49, 83], педагогическое общение [66, 171], ведение переговоров [125], разрешение конфликтов [40, 64] и т.д. Мы не будем сейчас подробно останавливаться на исследованиях в этой области (этот вопрос будет обсуждаться в третьей главе), затронем лишь те моменты, которые важны для поставленной задачи: определить критерии эффективности общения и взаимодействия.

Среди этих исследований, прежде всего, заслуживают внимание представления Ю.М. Жукова [48] о мере эффективности делового общения. Автор возражает против идеи М. Аргайла [162] о том, что социальные ситуации служат для обеспечения условий достижения людьми своих целей. «А можно ли вообще ограничить

¹ Более подробно о феноменологии высших форм общения см. во второй главе.

ваться рассмотрением коммуникации как некоторого акта, направленного на достижение наперед поставленных целей? По-видимому, нет, хотя бы потому, что сами цели могут уточняться, отменяться, изменяться и даже формироваться в ходе и результате коммуникации. Необходимо подыскивать нечто иное вместо неадекватного в данном контексте понятия цели. Представляется, что искомым понятием будет проблема.

Действительно, получение информации о том, что цель в принципе недостижима, не только не приближает нас к цели, а скорее отдаляет от нее, но в то же время продвигает в решении проблемы, так как усилия будут сосредоточены теперь не на попытках достичь явно нереалистичной цели, а на постановке более разумных целей и ориентации своих действий в их направлении» [48, с. 6]. Кроме того, следует различать субъективную успешность и объективную, ситуативный «выигрыш» и «выигрыш» с точки зрения долгосрочной перспективы. Несмотря на то что каждый человек субъективно всегда оценивает состоявшееся взаимодействие как успешное или неуспешное, при более пристальном взгляде эта субъективная оценка может не всегда совпадать с объективным успехом или неуспехом. Так «ситуативный проигрыш» может иметь для индивида гораздо большее значение, чем «ситуативный выигрыш», и послужить толчком для интенсивного личностного роста, и в этом смысле ситуативная неэффективность фактически служит основанием для достижения эффективности более высокого порядка. Таким образом, эффективность коммуникации определяется не через понятие цели, не через субъективную оценку состоявшегося общения как успешного, а через понятие проблемы (личной, групповой, организационной).

В заключение первой главы подведем обобщающие итоги. Проведенный анализ показал, что проблемы эффективного взаимодействия, социальной и коммуникативной компетентности активно разрабатываются как в зарубежной, так и в отечественной психологии. Эти исследования привели к следующим результатам.

1. Были выделены основные интраперсональные составляющие коммуникативной компетентности: личностные, ролевые (система правил), когнитивные, поведенческие (операциональные).

2. Разработано понятие коммуникативной ситуации, определены ее основные параметры.

3. Исследована феноменология различных типов взаимодействия, которые реализуются при помощи определенных коммуникативных стратегий, и показана их адекватность тем или иным коммуникативным ситуациям.

4. Разработаны представления о мере эффективности общения и взаимодействия. С нашей точки зрения, интегральным понятием может служить понятие проблемы, которое обобщает и понятие когнитивного соответствия, и понятие цели.

Таким образом, на основе анализа современного состояния проблемы можно определить коммуникативную компетентность как коммуникативную гибкость, мобильность субъекта, которая определяется, во-первых, наличием в арсенале личности всех возможных коммуникативных установок и стратегий, во-вторых, реализацией той коммуникативной стратегии, которая основывается на анализе и оценке конкретной ситуации общения и, насколько это возможно, продвигает субъекта в решении проблем, в-третьих, гибким, адекватным использованием тех или иных приемов, техник общения, соответствующих конкретному моменту самого процесса общения. Это определение является достаточно конкретным для того, чтобы наметить дальнейшие направления исследования проблемы коммуникативной компетентности. С нашей точки зрения, главным становится вопрос: какие «проблемы» решает человек в процессе своего общения. Ответу на него посвящена следующая глава книги.

Список рекомендуемой литературы

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. – М., СПб 1998 – 397 с
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита – М., 1997. – 344 с.
3. Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение – Л., 1985 – 167 с
4. Жуков Ю.М. Эффективность делового общения – М., 1988 – 121 с
5. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммункативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. – М., 2005 – 248 с
6. Межличностное общение. Хрестоматия / Сост. и общая редакция Н.В. Казариновой, В.М. Погослыш – СПб., 2001 – 512 с
7. Муравьева О.И. Основные подходы к проблеме эффективности общения и взаимодействия // Психологический универсум образования человека и этического. Томск, 1999. – С. 311–324.
8. Петровская Л.А. Компетентность в общении – М., 1989 – 216 с
9. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности – СПб., 2007 – 606 с
10. Шибутани Т. Социальная психология. – М., 1969 – 595 с
11. Шихирев П.Н. Современная социальная психология – М., 1999 – 448 с.

Контрольные вопросы

Первый уровень

1. Перечислите основные теоретические подходы к проблеме КК. Кратко определите специфику каждого из них в контексте проблемы эффективности общения.
2. Изложите представления М.Аргайла о критериях и компонентах КК. Почему модель М. Аргайла можно отнести к эмпирическим моделям?
3. Дайте характеристику и феноменологическое описание основных коммуникативных стратегий и коммуникативных паттернов.
4. Опишите особенности манипулятивной стратегии общения.

Второй уровень

1. Каков механизм влияния когнитивных факторов на социальное поведение человека? Назовите эти факторы.
2. Что с позиций разных авторов выступает мерой, критерием эффективности общения?
3. Дайте варианты определений КК. Проанализируйте каждое из них.
4. На каких принципах построена интегральная классификация уровней взаимодействия?

Возможные темы творческих заданий

1. Представления С.Л. Рубинштейна о сущности общения.
2. Возможности анализа общения в рамках экзистенциальной психологии.
3. Психоанализ З. Фрейда и проблемы коммуникации.
4. Коммуникативные аспекты в деятельностном подходе А.Н. Леонтьева (...в психосинтезе Р.Ассаджоли; ...в модели перинатальных матриц С. Грофа; ...в психоанализе М. Кляйн и т.д.).
5. Особенности исследования общения и коммуникативной компетентности в оргпсихологии (...педагогической психологии; ...психологии семьи и т.д.).

2. ПРОБЛЕМА КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И ОСНОВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

2.1. ПРОБЛЕМА КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

Как уже отмечалось, проблема коммуникативной компетентности (КК) традиционно относится к области социальной психологии, и исследователи, как теоретики, так и практики, занимающиеся ею, не выходят за рамки социально-психологического категориального аппарата, анализируя фактически внешние, хотя и очень важные аспекты коммуникативной компетентности, такие как цели общения, правила, роли, физическая среда и т. п. Однако теоретический анализ подходов к проблеме коммуникативной компетентности позволил выделить среди прочих такие факторы коммуникативной компетентности, как коммуникативная проблема и личностные составляющие коммуникативной компетентности. В связи с чем возникает необходимость описания конкретных личностных параметров, определяющих эффективную или неэффективную коммуникацию, и типов проблем, которые решает человек в процессе общения. С нашей точки зрения, именно эти два параметра являются центральными систематизирующими факторами в структуре КК.

Обращение к личности как общепсихологическому понятию при любой попытке описания, анализа или объяснения процесса общения в специальных областях психологии (например, социальной психологии, как в нашем случае) является абсолютно необходимым по нескольким причинам. Во-первых, по мнению целого ряда крупнейших психологов, именно общая психология или, точнее сказать, общая теория психологии должна быть базой, основой всех других «психологий». Еще в 1914 г. на открытии первого в России психологического института при Московском университете основатель и первый директор института профессор Г.И. Челпанов [140] говорил: «Психология распадается на такие части, которые совершенно друг с другом не связаны. Вследствие этого психология начинает утрачивать свое единство. Ей грозит распад... Нужно принять меры

к сохранению единства психологии. Такому объединению может способствовать институт, если в нем первенствующее место отводится общей психологии. Тогда общая психология и ее основные принципы будут иметь руководящее значение для всех возможных видов психологического исследования: для психологии детского возраста, зоопсихологии и других. Благодаря общей психологии они будут объединены» [Цит. по 25, с. 4]. Спустя 15 лет о важности общей теории психологии как скрепляющего момента говорил Л.С. Выготский [34], в 70-х годах на это же указывал выдающийся отечественный психолог А.Н. Леонтьев [72], современные российские исследователи ставят тот же диагноз, «сегодня, как и во времена Челпанова, Выготского или Леонтьева, психология представляет собой конгломерат фактов, школ, направлений и исследований, чаще почти никак друг с другом не связанных» [25, с. 52]. Путь «лечения» этой болезни остается все тот же – создание «скрепляющей» психологии. Современные исследователи не только констатируют необходимость разработки общей теории психологии, но и анализируют причины того, почему современная общая психология не способна выполнить эту задачу, и предлагают конкретные стратегические пути ее решения. Так, Б.С. Братусь спрашивает, «почему же современная общая психология не схватывает, не скрепляет части в целое?» Причину этого он видит в том, «что скрепляющее начало психологии не внутри самой психологии находится, не в тонкости и совершенстве экспериментального исследования или психологического анализа обретается... Оно обретается через возврат бессмертной души, ради спасения которой свершает человек земной свой путь, вернее (если соблюдать должную субординацию), через возврат психологии к признанию реальности и главенствующей роли души. И хотя, повторим, душа остается преимущественно вне рамок психологических исследований, ее постулирование, ее благоговейное признание, постоянная необходимость считаться с самим фактом и целями ее существования неизбежно изменяет, преобразят формы и суть этих исследований» [Там же, с. 50].

Второй причиной, обусловившей наше обращение к личности при анализе проблемы общения, стало следующее обстоятельство. В психологии стал уже общим местом постулат о фатальной связи личности в самых разных вариантах ее понимания (и как динамической структуры, и как системы реакций, и как суммы ролей) и общения. Различия во взглядах разных авторов заключаются лишь в том,

что одни подходы отдают генетический и онтологический приоритет личности над общением, другие же, напротив, говорят о том, что личность является функцией общения. К концепциям, так или иначе, эксплицитно или имплицитно, выводящим общение из личностных особенностей человека, можно отнести большинство психоаналитических моделей, некоторые теории в рамках гуманистической и экзистенциальной психологии, когнитивные теории личности и др. Вторая группа концепций, как уже было сказано, выводит личность из общения, характера социальных связей субъекта. К этой группе можно отнести теории необихевиористского направления (например, А. Бандуры), некоторые модели, существующие в рамках неопсихоанализа (Э. Эриксон), культурно-историческую теорию Л.С. Выготского, ряд теорий, разрабатываемых в московской психологической школе (например, Л.Н. Божович, Д.Б. Эльконин и др.), концепции, разработанные в рамках социально-психологического направления (Л. Фестингера, С. Московичи и др.) и др. Третья группа подходов, их можно назвать интерперсональными, говорит о принципиальном единстве личности и общения, о «перетекании» этих категорий друг в друга. К этой группе, прежде всего, можно отнести взгляды К. Роджерса и его последователей, транскоммуникативный подход В.И. Кабрина. Конечно, можно рассматривать эти подходы как диаметрально противоположенные и, приняв один из них в качестве абсолютного, отбросить все остальное как неправильное, нерелевантное. Но очевидно, что такая позиция неконструктивна, гораздо продуктивнее будет попытка адекватного синтеза различных подходов.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на то что в современной психологии окончательно не решена проблема определяющего фактора в дихотомии личность-общение, тем не менее, безусловным является факт имманентной связи между этими психологическими конструктами. Эта связь обнаруживается и онтологически, в реальности, и гносеологически, в понятии. С одной стороны, можно говорить о том, что личность «бытийствует», проявляется в общении, определяет характер общения, с другой стороны, общение, безусловно, является одним из факторов, определяющих и развивающих личность. Очевидно, что такой вывод не претендует на особую оригинальность и научную полноту, но для целей данной работы он является необходимым, как, впрочем, и достаточным.

Другой особенностью современного состояния психологии является пристальный интерес к теоретическим аспектам проблемы лич-

ности. Надо, правда, оговориться, что этот интерес свойствен скорее российской, а не западной психологии, которую в подавляющем большинстве случаев интересовали и до сих пор интересуют скорее эмпирические и практические аспекты в рассмотрении любых проблем, в том числе и проблемы личности. В последние два-три десятилетия делаются попытки преодолеть уплощенное, одиомерное представление о личности, сложившееся в советский период развития психологии. Эти тенденции привели фактически к отказу от понимания личности как высшей интегрирующей инстанции: уже в 80–90-е гг. XX в. А.Г. Асмолов [7] в рамках развиваемого им историко-эволюционного подхода к личности постулирует надстраивающийся над уровнем личности уровень «индивидуальности». Пошатнувшийся фундамент категории «личность» привел к тому, что на авансцене психологии возникли такие новые системные понятия, как «жизненный мир», «субъективная реальность», «ментальное пространство», «смысловая реальность» и т.п. Их появление в научном дискурсе привело к тому, что в современной отечественной психологии оформилось новое направление – антропологическая психология, которая объявляет своим предметом не психику, не личность, но человека. При этом первой теоретической проблемой стала проблема разведения, различения понятий «человек» и «личность». Б.С. Братусь пишет: «Отечественная психология, сделавшая столь много для различения понятий «индивид», «личность», «характер», «индивидуальность» и т.п., прошла почему-то мимо этого, столь принципиально важного вопроса» [24]. А эта проблема поставила перед психологами новый вопрос – вопрос о *сущности* человека и о соотношении этого понятия с уже устоявшимися психологическими понятиями.

Подводя итог представленному выше анализу, можно констатировать, что современные тенденции развития психологии выдвигают требование определить понятие «сущность человека», а также выявить его соотношение с понятиями «личность» и «коммуникация».

2.2. ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ПСИХОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

В соответствии с традицией дифференциации научного знания сама категория «сущность», так же как и проблема сущности человека, ставилась в рамках философии, но не психологии. Однако психологи, не формулируя ее как специальную проблему, тем не менее

не могли обойти и не обходили ее стороной, что выражалось в поисках тех психологических свойств, структур, динамических особенностей, которые выражают специфику человека. Попытки построить психологию «с человеческим лицом» привели к возникновению не только большого количества частных концепций, моделей и теорий, но и целого ряда глобальных психологических школ и направлений. Это и культурно-историческая психология Л.С. Выготского, и гуманистическая психология, и экзистенциальная психология, и символический интеракционизм, и субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна, и трансперсональная психология. Можно наблюдать, что научный поиск и современных исследователей-психологов, как зарубежных, так и российских, идет все в том же направлении: нахождение, определение и изучение «человеческого в человеке». Фактически речь идет о выделении существенных именно для человека (а отличие от вещей и других живых существ) психологических особенностей, свойств, структур, то есть *сущностных* человеческих атрибутов. Таким образом, можно констатировать, что в научной психологии уже к концу прошлого столетия реально, в соответствии с логикой исследований, назрела проблема определения того, что же собой представляет сущность человека. С другой же стороны, необходимость придания психологической легитимности категории «сущность человека» требует и *формальной логики*. В.И. Слободников буквально «математически» обосновывает это: «...даже если согласиться, что человеческая психика – это свойство человека, то по самой логике рассуждения следует: понять это свойство (выразить его в понятиях) можно лишь имея хотя бы минимальное представление о сущности того, свойством чего оно является. Иными словами, психология должна иметь (или строить) собственное представление о сущности человека, дабы мочь что-то сказать о его свойствах...» [110, с. 63].

Важно также отметить, что не только в среде психологов происходит движение в сторону философии, но и среди философов нарастает понимание того, что центральная проблема современной философии – это, прежде всего, проблема человека в самом широком смысле [2, 101]. Это значит, что философия призвана не только изучать эту проблему как «свою», но и разрабатывать именно те философские категории, которые имеют прикладное значение для других наук о человеке, в том числе и психологии. Безусловно, к таким категориям относится и такая «древняя» философская категория, как

«сущность». Г.Л. Тульчинский пишет: «В современном философском дискурсе, в наше постмодернистское время рассуждений с симулякрах и деконструкции, стилистике, направленной скорее на самовыражение, чем на достижение рациональной и конструктивной ясности, обсуждение проблемы сущности и существенности может выглядеть старомодным, если вообще не философским моветоном. И все-таки... Любое осмысленное знание, претендующее на истину, есть познание некоторой сущности». И далее. «Вопрос о природе, методах и способах фиксации и выражения сущности как целостного единства существенных (необходимых) свойств предмета в настоящее время приобретает не только философски методологическое, но и непосредственно прикладное значение. Так, развитие эмпирических исследований в социологии, лингвистике, психологии, этнографии, антропологии и других науках выявило недостаточность традиционного классификационного анализа явлений, нейтрального к существенности свойств, берущихся в качестве оснований классификации. Испытывается острая потребность в обосновании процедур не раздельного и последовательного рассмотрения свойств, а выделения единого комплекса свойств, существенных для данного предмета познания» [117, с. 114].

В классической философии сущность (лат. *haecceitas* – этовость) определяется как «совокупность существенных свойств и качеств вещи, субстанциональное ядро самостоятельного сущего» [92, с. 1008], то есть имеет место быть субстанционалистское понимание сущности как *первоначала*, как того, что существует «само по себе». Если же обратиться теперь к представлениям психологов о первооснове, первоначале, сущности человека, то можно встретить противоречащие друг другу идеи. Так, А.Б. Орлов в своей статье «Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека» [94] ставит вопрос о том, что в человеке является подлинным субъектом? В качестве определения этого подлинного субъекта автор привлекает категорию сущности. «Для обозначения данного субъекта как трансперсональной (то есть за- и внеличностной и, следовательно, за- и внесоциальной) психической реальности мы, вслед за Г.И. Гурджиевым и его последователями, используем термин «сущность» («essence»). Этот термин, восходящий к латинскому слову «essere» — бытие, в аналогичном значении (сущность в себе — Ин-се), используется также в концептуальном аппарате онтопсихологии. В рамках гуманистической психологии данную инстанцию обычно обозначают термином «Внутреннее Я»» [94, с. 14].

А.Б. Орлов настаивает на предельно высоком понимании сущности. «Если главная характеристика личности – ее атрибутивность, то главная «особенность» сущности – отсутствие каких-либо атрибутов. Сущность – источник всех и всяких атрибутов» [Там же, с.14]. Вслед за М.Бовуэном [21] он утверждает, что Внутреннее Я есть источник силы и мудрости. Обращаясь к идеям Р. Ассаджоли, А.Б. Орлов отмечает: «Психосинтез, как психотерапевтическая процедура, предполагает осознание клиентом субличностей с последующим разотождествлением с ними и обретением способности контролировать их. Вслед за этим клиент постепенно обретает осознание объединяющего внутреннего центра и интегрирует субличности в новую психологическую структуру, открытую для самореализации, творчества и радости жизни» [94, с. 12]. Такое «высокое» понимание сущности, имеющее свое начало в философской традиции европейского гуманизма, характерно для многих направлений психологических исследований: представлений К.Г. Юнга об архетипе Самости, гуманистической психологии, утверждающей изначально позитивную природу человека, трансперсональной психологии [119, 141, 197, 198]. Думается, что причинами этого являются в большей степени эмоциональные, нежели эпистемологические основания: «методологический маятник» в психологии слишком далеко отклонился и долго находился на полюсе «низкого» понимания и объяснения человека как «игрушки в руках бессознательных влечений», «комплекса реакций, отвечающего на внешние стимулы», «общественного животного», «совокупности усвоенных общественно выработанных видов деятельности» и т.п. По закону инерции «маятник» начинает двигаться в обратную сторону и доходит до другого крайнего полюса.

Другое понимание первоосновы человека формулирует Б.С. Братусь. «Вертикаль души раздвигается и движима непримиримым в этой жизни до конца противоречием. В философии оно нередко означается как родовидовое, как противоречие между безграничностью, безмасштабностью, трансцендентностью человека как представителя рода человеческого и одновременно его явной ограниченностью, хрупкостью, конечностью как конкретного индивида... Эти два разнонаправленных вектора – к бесконечному, вечному, горнему и конечному, ограниченному, дольному – по-разному преломляются, вмещаются в человека в зависимости от его иальной духовно-психологической структуры» [23, с. 45]. Этот взгляд совпадает

с представлениями Э. Фромма: «Проблема существования человека – проблема уникальная во всей природе; ведь он, можно сказать, выпал из природы, но все еще находится в ней; он отчасти божество, отчасти животное; отчасти бесконечен, отчасти конечен. Необходимость находить вечно новые решения своего существования, находить все новые более высокие формы единства с природой, своими ближними и самим собой, служит источником всех психических сил, которые движут человеком, всех его страстей, аффектов и тревог» [134]. Примечательно, что на эту изначальную двойственность указывают и авторы, исследующие эту проблему из принципиально иных, нежели научные, методологических оснований. Так, А. Бейли в книге «Эзотерическая психология» подчеркивает, что «человечество есть выражение двух аспектов души: животной души и божественной души; обе, сопряженные и сплавленные в человеке, образуют человеческую душу. Именно сей факт вызывает особые проблемы у человека, и оба эти фактора втягивают его в долгую борьбу, которая заканчивается освобождением божественной души благодаря очищению души животной. В данных словах много пищи для размышления. «И будут два одним» [13, с. 81].

Внимательное рассмотрение приведенных выше идей позволяет увидеть не только противоречия между ними, но и внутреннюю противоречивость каждой из них. Если следовать логике А.Б. Орлова о том, что сущность есть «источник *всех и всяких* атрибутов», то нельзя не согласиться с тем, что именно сущность является источником как «высокого, духовного» в человеке, так и «низкого, телесного». Человек есть и то, и другое одновременно. Но тогда как же быть с другим утверждением автора о том, что сущность есть «источник силы и мудрости»? Здесь наблюдается явное логическое противоречие. Подобное же логическое противоречие можно усмотреть и в идеях Э. Фромма и Б.С. Братуся. Если человек «отчасти божество, отчасти животное; отчасти бесконечен, отчасти конечен», то откуда берется «*необходимость находить все новые более высокие формы единства с природой, своими ближними и самим собой*» (курсив мой. – О.М.)?

Чтобы разрешить эти противоречия, надо вновь обратиться к философии. Думается, что, прежде всего, необходимо преодолеть субстанционалистское понимание «сущности», и одновременно ввести разделение понятий «сущность» и «природа» человека. С точки зрения субстанционалистского подхода к человеку, стремящегося найти

неизменную основу его существования, «сущность человека» и «природа человека» – однопорядковые понятия. Однако если использовать другие подходы, то различие между этими понятиями станет очевидным. «Природа человека» – это та ситуация, в которой находится каждый человек, это его «стартовые условия», это уникальное в своей противоречивости единство разнонаправленных векторов развития, потенциальных возможностей и ограничений. В понятии природы человека отсутствует нормативность, оно характеризует человека с точки зрения «сущего». Но тогда что понимать под понятием «сущность человека»? Примечательно, что одинаковый ответ на этот вопрос дают принципиальные идейные противники – с одной стороны, представители символизма в русской религиозной философии (см. А.Ф. Лосев, о. Павел Флоренский и др.) и, с другой стороны, представители постмодернистских течений второй половины XX века с их идеями о плюрализме, незаданности, открытости, «равновесии многообразия в единстве» (см. М. Мерло-Понти, К. Геген). В этих философских системах понятие сущности или вытесняется такой категорией, как «смысл», или же определяется при помощи нее. Так А.Ф. Лосев пишет: «Под сущностью мы понимаем *смысл, значение, ответ на вопрос «Что это такое?»* Если нам нужна, напр., сущность дома, то она будет заключаться в том, что это есть сооружение, предназначенное для защиты человека от атмосферных явлений. Если нам нужна сущность сапога, то она есть кожа, обработанная так, чтобы служить человеку для защиты ног от холода и ушибов. И т.д. Сущность эту можно назвать и смыслом, значением, идеей» [78, с. 64]. И далее. «Сущность есть такое бытие, которое всегда что-нибудь требует о нем признать, в то время как чистое бытие ничего не требует, а кто-то посторонний (напр., я, мы, вы) усматривает то, что ему необходимо для его определения. Сущность есть выраженное требование у бытия признавать его таким, а не другим. Поэтому чистое бытие как бы гаснет перед чистой сущностью; мы на него уже не обращаем внимания, так как всецело заняты именно сущностью» [Там же. с. 465].

Из приведенных выше цитат ясно усматривается, что в философской категории «сущность» выделяются уже не только онтологические, но и теле- и аксиологические аспекты. Эта идея получает свое продолжение и развитие в представлениях современных философов. Так, Г.Л. Тульчинский утверждает следующее: «Познание предмета связано с раскрытием его объективных свойств, его сущности...

Именно раскрытие сущности предмета определяет осознание его «деланности» как центрального момента познания и осмысления. Только следуя логике этой сущности, человеческое сознание способно к формированию идеи – наиболее зрелой и развитой формы осмысления, в которой соединяются в едином интегральном синтезе знание, представление об идеальном (нормативном) образце и программа его реализации. С разнываемой точки зрения идея сущности предстает как синтез знания истины, должного и возможного» [117, с. 129]. Прилагая эту формулу к понятию «сущность человека», можно сформулировать следующее представление: идея сущности человека есть синтез трех компонентов – 1) природы человека; 2) смысла, идеи, «замысла» человека; 3) путей реализации этого замысла. Рассмотрим, как в психологии решаются эти вопросы.

Л. Хьелл и Д. Зиглер [138] отмечают, что любая более или менее целостная модель или теория психологии человека всегда исходила из имплицитных или эксплицитных представлений автора о природе человека. Несмотря на то что эти представления сильно отличались друг от друга, тем не менее в них можно усмотреть, по крайней мере, один общий момент: практически все теории строились исходя из тезиса о противоречивости человека, имманентной внутренней конфликтности его развития и существования. В истории психологии это выражалось в дихотомиях бессознательное-сознательное, природное-социальное, натуральное-культурное, телесное-духовное и т.д. Все это привело к созданию Э.Фроммом в середине прошлого века концепции человека, предлагающей наиболее обобщенное и эвристичное представление о природе человека, которое, хотя и крайне лапидарно, уже было изложено выше.

Что же касается второй составляющей, которая обозначена семантическим рядом «смысл», «идея», «значение», «замысел» человека, то на начальном этапе развития психологии эта проблема разрабатывалась в контексте проблемы достижения психического здоровья (психоанализ) как преодоления изначальной иррациональности человека. Возникшая в середине XX века гуманистическая психология, глубоко уходящая корнями в европейскую экзистенциальную философию, положила начало новому, неклассическому, представлению о глубинной сущности человека как существа активного, творческого, свободного и ответственного. Отмечая непреходящий вклад в науку тех конкретных достижений, открытий и результатов, которые были достигнуты в рамках тех «психологий», которые были

созданы в рамках гуманистического и экзистенциального подходов, тем не менее, многие современные исследователи [23, 75 и др.] отмечают их некоторую методологическую ущербность, выражившаяся в абсолютизации развиваемых идей¹, и одностороннем, пусть даже и «высоком», взгляде на человека. Эта односторонность, с одной стороны, привела к явным противоречиям внутри самих теорий (критический анализ гуманистической психологии см. в [75]), с другой стороны, выразилась в несоответствии основных положений большому количеству эмпирических фактов, поставляемых клиническими исследованиями. Эти методологические просчеты привели и к упрощению проблемы соотношения природы и сущности человека, поставив между этими понятиями знак равенства. Однако, несмотря на это, в качестве безусловного позитивного теоретического вклада этих теорий можно отметить попытку разработать содержательные представления о «должном» в человеке, об «идее» человека и о цели и смысле человеческого существования.

За этими идеями стоит понимание того, что «сущность человека» – это понятие из мира должного, это притягательный образ «сверхчеловека», это образ Божий, который может и должен стать ценностным ориентиром человека, свободно совершающего свой жизненный выбор. Такое понимание сущности человека привело к тому, что *проблема существования* человека и в философии, и в психологии решалась в логике и диалектике *выбора* человеческого модуса, вектора, направления своей жизни. Именно эти представления стали доминирующими в психологии начиная со второй половины прошлого века и реализуются в многочисленных и разнообразных теоретических концепциях и эмпирических исследованиях отечественных и западных психологов.

Проведенный анализ проблемы природы человека и сущности человека позволяет сделать следующие выводы.

1. Природа человека двоякая: он одновременно и представитель вида («животное», биологическое начало) человек, и представитель рода (человеческое, «божественное» начало) человек.

2. Эта противоречивость природы человека порождает два основных возможных модуса существования человека: модус сохране-

¹ Надо отметить, что подобного рода абсолютизация, доведение до предела той или иной точки зрения является несомненным этапом развития научной мысли. Пожалуй, самым ярким таким случаем в истории психологии является научная судьба классического психоанализа.

ния (в рамках которого реализуется «животное» начало) и модус развития (в рамках которого реализуется собственно человеческое начало).

3. Сущностным модусом признается модус развития. «Эволюция человека основывается на том факте, что он утратил свой первоначальный дом – природу – и что он никогда не сможет вернуться в него, никогда не сможет снова стать животным. Для него существует только один путь: полностью выйти из своего природного дома, найти новый дом – тот, который он создает, очеловечивая мир и становясь сам настоящим человеком» [134, с. 11].

4. Проблема жизни каждого человека – это всегда проблема выбора модуса своего существования – модуса сохранения или модуса развития.

2.3. СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕНИЕ

Представив развиваемые нами взгляды на «природу» и «смысл» человека, перейдем к анализу третьей составляющей «сущности» человека – а именно, опосредующих психологических инстанций и процессов реализации и воплощения «смысла», «идеи» человека. Думается, что именно эта составляющая должна и, более того, уже является основным предметом исследований современного постнеклассического этапа развития психологии.

Первый и самый главный вопрос, на который необходимо ответить – это вопрос о тех психологических процессах, которые реально детерминируют, осуществляют и проявляют сущность человека в процессе жизни. Только что родившийся младенец слит с миром, не отделяет себя от окружающей среды, однако практически сразу после рождения возникает то, что К. Уилбер [118] назвал «пограничной линией», которая как разделяет, так и объединяет ребенка с Миром. Подобно тому как между рекой и сушей не существует четко, раз и навсегда установленной границы, а скорее имеется некое пространство, которое принадлежит одновременно и реке, и суше, между родившимся человеком и Миром возникает такое же промежуточное пространство, которое принадлежит и ребенку, и миру. Есть все основания предполагать, что коммуникация, общение и есть это особое промежуточное пространство. «Индивид *Homo Sapiens* наследует или, точнее, осваивает свою человеческую приро-

ду, включаясь в необходимые для осуществления самой его жизни исторические формы общения с другими людьми...» (курсив мой. — О.М.) [124, с. 27–28].

Мы уже говорили о том, что, несмотря на то что само понятие коммуникации традиционно принадлежало области социальной психологии, «общие» психологи, тем не менее, не могли обойтись без этого процесса при объяснении самых различных общепсихологических явлений. В результате чего коммуникация неявно «присутствовала» практически во всех общепсихологических концепциях под самыми различными именами: социальность, общественные отношения и т.п. (в отечественной психологии), забота, внешний контроль, обусловленное внимание (в западной психологии) и т.д.

На сегодняшний день общепризнанным является положение о том, что ни одна психологическая структура, свойство, динамический паттерн не могут быть сформированы вне социального процесса коммуникации. Л.С.Выготский показал это в отношении развития высших психических функций, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.Н. Мясищев, Б.Ф. Ломов, А.Г. Асмолов и многие, многие другие советские психологи определяют личность как социальное качество и подчеркивают детерминирующую роль коммуникации в процессах становления личности человека.

Ряд зарубежных исследователей еще более конкретно формулируют проблему соотношения личности и общения, полагая, что именно характер коммуникативного процесса в раннем детстве определяет психическое здоровье или нездоровье человека. Так, представители психоанализа (З. Фрейд, А. Адлер, К. Хорни, Г.С. Салливан, Э. Эриксон) рассматривают развитие и формирование определенного типа личности как результат того или иного отношения родителей к ребенку. К.Роджерс утверждает, что только в самом начале жизненного пути человека его «Я» регулируется исключительно организмическим оценочным процессом, однако очень скоро структура «Я» начинает формироваться через взаимодействие с окружением, в частности со значимыми другими (напр., родителями, братьями, сестрами, др. родственниками). Следовательно, в значительной степени содержание такой базовой характеристики личности, как Я-концепция, является продуктом процесса социализации. Определяя условия для формирования здоровой, нормальной личности и личности аномальной, К. Роджерс [103] в качестве таковых называет, во-первых, механизмы позитивного безусловного

внимания со стороны значимых других как главный фактор развития здоровой самоактуализирующейся личности; во-вторых, механизм обусловленного позитивного внимания как фактор, наносящий ущерб нормальному психологическому развитию ребенка. Многочисленные экспериментальные исследования как у нас в стране, так и за рубежом также подтверждают это теоретическое положение.

В российских психологических исследованиях последних двух десятилетий положение о том, что коммуникация является базовым процессом, конституирующим само существование человека, получает уже свою «постоянную прописку». Можно констатировать, что уже не только в научных статьях и монографиях, но и в учебных пособиях понятие «общение» рассматривается как междисциплинарная психологическая категория: общение «является неперменным условием *любых форм* социальной и индивидуальной жизни человека» [81, с. 23], «общение – это *универсальная реальность бытия человека*, порождаемая и поддерживаемая разнообразными формами человеческих отношений. В этой реальности формируются и развиваются как различные виды социальных отношений, так и психические особенности отдельного человека» (курсив мой – О.М.) [18, с. 56]. Констатация и утверждение в психологии этого положения привели к созданию и оформлению теоретических концепций, в которых таким понятиям, как общение, взаимодействие, коммуникация, придается системообразующее значение [59]. Одним из таких наиболее разработанных и теоретически оформленных подходов является коммуникативный подход В.И. Кабрина [54, 55, 56, 57].

Понятия «коммуникация», «коммуникативность», «коммуникативность» значительно расширены по сравнению с теми же понятиями в традиционной западной и отечественной психологии. Так, под коммуникацией автор понимает «универсальный информационно-энергетический смысло-творческий процесс» [54, с. 31]. Обозначая это представление, В.И. Кабрин вводит понятие транскоммуникации, под которой понимается «возможность человека общаться с более сложными и менее сложными системами, чем он сам, как обратимые переходы и новые синтезы между разными видами, формами, уровнями и типами человеческой коммуникации», как процесс, в котором возможна интеграция многообразных и разнородных отношений человека: я – другой – группа – общество – современ-

менная действительность – традиция – культура. «Транскомуникация – это процесс общения между инаковыми и разнопорядковыми субъектами в интра- и интерперсональных планах, это сверхдинамичный смыслообразующий процесс гармонизации разноуровневых миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса» [57, с. 54]. Таким образом, актуальные теоретические исследования полагают, что коммуникация является не только процессом, «цементирующим социальные отношения» (Г.М. Андреева), не только процессом, детерминирующим становление личности, но и фактором актуализации существенных характеристик человека.

Рассмотрев соотношение понятий «сущность человека» и «коммуникация», перейдем к проблеме соотношения понятий «сущность человека» и «личность». Отметим, что, поскольку проблема личности не является специальным предметом нашего анализа, мы не будем останавливаться на ней подробно, но выделим лишь те положения, которые существенны для настоящего исследования. Обратимся к идеям Б.С. Братуся. Он пишет: «...Личность не самоценна – она инструмент развития и реализации человеческой сущности, которая, возможно, беспредельна» [24, с. 9]. «Личность как специфическая, не сводимая к другим измерениям конструкция, не является самодостаточной, в себе самой несущей конечный смысл своего существования. Смысл этот обретается в зависимости от складывающихся отношений, связей с сущностными характеристиками человеческого бытия. Иначе говоря, сущность личности и сущность человека отделены друг от друга тем, что первое есть способ, инструмент, средство организации достижения второго и, значит, первое получает смысл и оправдание во втором, тогда как второе в самом себе несет свое высшее оправдание. Действует, любит, ненавидит, борется не личность, а человек, обладающий личностью, через нее особым, только ему присущим образом организующий свою деятельность, любовь, ненависть и борьбу» [Там же, с. 58–59]. Из такого понимания личности следует, что личность является опосредствующей инстанцией между сущностью и миром. Однако личность не вытекает из сущности, а сущность не формирует личность, но сущность реализует себя при помощи личности как внутреннего «психологического орудия». Личность же – это социальное по своей природе (в отличие от темперамента, характера и ряда дру-

гих психологических структур) психологическое образование, которое возникает, развивается и «умирает» в течение человеческой жизни.

Это теоретическое положение Б.С. Братуся о личности как психологическом орудии, «функциональном органе» опирается на представления классиков отечественной психологии – Л.С. Выготского, В.Н. Мясищева, С.Л. Рубинштейна. Л.С. Выготский утверждает, что «понятие о Я развивается у ребенка из понятия о других. Понятие о личности есть, таким образом, социальное отраженное понятие, строящееся на основе того, что ребенок применяет по отношению к самому себе те приемы, приспособления, которые он применял по отношению к другим. Вот почему можно сказать, что ЛИЧНОСТЬ есть социальное в нас» [34, с. 162].

В.Н. Мясищев в своей базовой монографии «Психология отношений» подчеркивает, что «самое главное и определяющее личность – ее *отношения* к людям, являющиеся одновременно *взаимоотношениями*» [89, с. 206]. Еще более ярко та же мысль высказывается С.Л. Рубинштейном «.. Первейшее из первых условий жизни человека – это другой человек. Отношение к другому человеку, к людям составляет ткань человеческой жизни, ее сердцевину. «Сердце» человека все соткано из его человеческих отношений к другим людям; то, чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать. Психологический анализ человеческой жизни, направленный на раскрытие отношения человека к другим людям, составляет ядро подлинно жизненной теории. Здесь вместе с тем область стыка психологии с этикой» [105, с. 262–263].

Проведенный выше анализ соотношения категорий «сущность человека», «личность», «общение» позволяет выстроить такую цепочку соотношений этих категорий: сущность человека – личность – общение. Сущность человека объективно определена смыслом и целью жизни человека как человека. Личность есть инструмент реализации человеческой сущности. Общение, коммуникация – это тот конкретный процесс, в котором проявляется и реализуется и личность, и сущность человека.

Этот вывод дает возможность поставить следующую задачу нашего исследования – обоснование и разработку концепции основных пространств существования человека.

2.4. МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОСТРАНСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Рассматривая основные особенности методологического состояния психологической науки, А.В. Юревич в своей статье «Методологический либерализм в психологии» [156] отмечает, что практически всеми методологами и теоретиками психологии это состояние характеризуется как перманентный кризис, а «в качестве основных симптомов этого кризиса обычно указываются следующие¹:

- отсутствие единой, общеразделяемой теории;
- разобщенность на психологические «империи», такие как когнитивизм, психоанализ, бихевиоризм и т.п., каждая из которых живет по своим собственным законам;
- некумулятивность знания, объявление каждым новым психологическим направлением всей предшествующей ему психологии набором заблуждений и артефактов;
- расчлененность целостной личности на ведущие какое-то странное самостоятельное существование память, мышление, восприятие, внимание и другие психические функции;
- существование всевозможных «параллелизмов»: психофизического, психофизиологического, психосоциального» [156, с. 3].

Однако, анализ современного состояния психологии, основанный на сравнении психологии с естественными науками, позволил автору сделать вывод о том, что правильнее говорить не столько о реальном кризисе (реальной болезни), сколько о неадекватном восприятии, оценке болезни, то есть об особенностях «методологического самосознания психологов, которое сопровождает их науку с момента ее официального рождения, и состоит в перманентном *ощущении* (курсив мой. – О.М.) кризиса» [Там же, с. 3]. Постановка правильного диагноза болезни, безусловно, очень важна, поскольку это позволяет предложить и метод лечения, формулируемый А.В. Юревичем как «методологическая терапия», целью которой является преодоление «комплексов методологической и практической неполноценности» психологии. Реализуя указанный метод лечения, А.В. Юревич в вышеназванной статье формулирует принцип методологического либерализма, который не только легитимизирует

¹ Здесь цитируются не все перечисляемые А.В. Юревичем симптомы, а лишь те, которые отвечают контексту данного исследования.

происходящее в психологии, но и выполняет ряд прескриптивных функций. В частности, этот принцип «предполагает несколько иной, нежели сейчас, способ построения психологического знания. Исследовательская психология до сих пор тратила основные усилия на то, чтобы научиться правильно *добывать* знание». Сейчас же «ей надо научиться не столько добывать, сколько правильно *вычленять и оформлять* знание» [Там же, с. 17]. Это предписание, безусловно, должно включать и требование «правильного» обобщения существующего знания, то есть формулирование интегральных моделей, концепций, теорий, которые позволяли бы избавиться от указанных выше симптомов, беспокоящих ученых и порождающих «комплекс неполноценности» психологии. В этой работе предпринимается попытка реализовать указанную выше рекомендацию для разработки интегральной модели основных пространств существования человека. Чтобы реализовать принцип верифицированности научного знания, логика нашего дискурса будет такова: вначале на основе формальной логики построим абстрактную модель типологии пространства, а потом обратимся к существующим теоретическим и эмпирическим исследованиям и проверим, подтверждают ли эти исследования полученную нами абстрактную модель.

Выбранный нами путь исследования данной проблемы опирается на методологические принципы психологии (В.М. Аллахвердов), которая «рассматривает психику в целом как логическую систему и тем самым претендует на логическое описание психической деятельности» [3, с. 13]. В.М. Аллахвердов, соглашаясь с бесконечной сложностью психической жизни, психологических *проявлений* человека, тем не менее утверждает, что «природа психического проста. Поэтому так важна логика для описания психического. Только логика, всегда упрощающая реальность, позволяет понять принципиальную простоту и единообразие природы психических явлений» [3, с. 16]. Сама же психология строится на парадигмальных нормах естественной науки. Первой такой нормой является положение о том, что «естественная наука стоит на двух китах одновременно – на логике и опыте» [Там же, с. 66]. В соответствии с этим принципом для выделения и описания специфики пространств существования человека будут привлекаться эмпирические факты или же теории, основанные на эмпирическом материале; согласование же этих фактов, психологических феноменов, теоретических понятий в рамках

конкретного пространства будет осуществляться на основе принципа логической непротиворечивости.

Другой очень важной нормативной особенностью естественно-научных теорий является то, что они «строятся не для реальных, а для *заведомо несуществующих*, идеализированных объектов (типичные примеры: материальная точка, математический маятник, абсолютно упругое тело, идеальный газ и т.д.). Всякое теоретическое описание явления означает его логическую идеализацию» [Там же, с. 71]. Наука может выполнить свою главную предсказательную функцию, только имея представление о *закономерностях* реальности. Сама же реальность в ее непосредственном отражении предстанет перед нами как исключительно разнообразная, сложная, многофакторная, противоречивая, *незакономерная* сфера, и выявить ее законы можно только опосредованно, при помощи процесса абстрагирования. Идеальный объект и является такой абстракцией. Конечно, «в результате отбрасывания ряда фактов, которые кажутся «малыми, незначительными» или «несущественными», теория никогда не бывает точной» [Там же, с. 71], но только так несовершенный человеческий разум может открыть и понять объективные закономерности, которым подчиняется любая реальность – физическая, биологическая, психологическая и т.д. В качестве такого идеализированного объекта в данной модели выступает не реальный человек, а пространства существования человека, которые будут рассматриваться как независимые друг от друга. Понятно, что следующим этапом разработки концепции пространств существования человека должна стать конкретизация выявленных закономерностей, описание психологической жизни реального человека.

2.5. «ВНЕШНЕЕ» И «ВНУТРЕННЕЕ», «СОХРАНЕНИЕ» И «РАЗВИТИЕ» КАК БАЗОВЫЕ БАЗОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ТИПОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

На основе проведенного выше анализа соотношения категорий «сущность человека», «личность», «общение» можно «сконструировать» абстрактную типологическую модель пространств существования человека.

Когда человек только рождается, он является недифференцированной и непроявленной сущностью. Младенец не отличает себя от мира, он с ним слит, его внутренние психологические структуры недифференцированы, ему еще не свойственны ни эгоцентризм, ни децентрация, у него еще нет ни личности, ни тени, ни персоны. Однако, как мы уже говорили, эта недифференцированная сущность имеет двойную природу (родовидовую), которая реализуется в двух глобальных тенденциях: гомеостатической тенденции, обеспечивающей выживание и сохранение («видовой» модус) и трайстатической тенденции, обеспечивающей развитие («фодовой» модус). Таким образом, первое «сущностное» измерение человеческого существования дает нам первую дихотомию реализации, проявления человеческой сущности в процессе индивидуального развития – сохранение-развитие.

Вторым основополагающим измерением выступают, если можно так сказать, «предлагаемые жизнью условия» осуществления человеком самого себя, конкретизирующиеся в понятии «среда». В качестве таких самых общих типов «среды» можно выделить внутреннюю (индивид) и внешнюю (мир) среду, которые определяют интровертированную и экстравертированную направленность субъекта. К. Юнг дает феноменологическое описание этих двух направленностей. «Психическая жизнь экстраверта разыгрывается, так сказать, за пределами его самого, в окружающей среде. Он живет в других и через других» [158, с. 653]. «Жизненная философия экстраверта и его этика несут в себе, как правило, высоко коллективистскую природу (начало) с сильной склонностью к альтруизму. Его совесть в значительной мере зависит от общественного мнения... Религиозные убеждения такого человека определяются, так сказать, большинством голосов» [Там же, с. 652–653]. Психическая жизнь интроверта «целиком разыгрывается внутри. Единственно, что является для него неоспоримо верным, это его субъективный мир... Для него любые размышления, раздумья о самом себе – сущее удовольствие... Его лучшая работа совершается с привлечением своих собственных возможностей, по собственной инициативе и собственным путем» [Там же, с. 655–656].

Пересечение «сущностной» и «средовой» координат позволяет выделить четыре основных пространства существования человека, которые условно можно назвать следующим образом: витальное,

функционально-ролевое, самоактуализационное, духовное пространство (см. табл. 3).

Таблица 3

Основные пространства существования человека

«Средовое» измерение	Интровертированность (индивидуальная среда)	Экстравертированность (групповая среда)
«Сущностное» измерение		
«Родовая» сущность (модус развития)	Самоактуализационное пространство	Духовное пространство
«Видовая» сущность (модус сохранения)	Органиженное пространство	Функционально-ролевое пространство

Необходимость реализации человека в этих пространствах порождает, с одной стороны, процесс дифференциации и образования специфических внутренних психологических структур и процессов (мотивационных, когнитивных, эмоциональных, коммуникативных и т.д.), с другой стороны, процесс интеграции этих структур в целостное психологическое образование, в качестве которого в психологии традиционно выступает личность.

Предложенная выше модель, построенная на логических основаниях, в целом подтверждается теоретическими и эмпирическими данными. К настоящему времени в области общей психологии и психологии личности создан целый ряд теорий, утверждающих, выделяющих и описывающих стадии и уровни самых разных психологических и личностных структур. Среди таких теорий можно назвать теории развития мышления (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский), концепцию уровней развития морального сознания (Л. Колберг, К. Гилиган), уровневые теории мотивации (А. Маслоу, П.В. Симонов), модели структуры сознания (А.Н. Леонтьев, К. Уилбер), представления о соотношении понятий «индивид», «социальный индивид», «личность» (А.М. Арсеньев, В.В. Столин), концепцию уровней переживания (Ф.Е. Василюк), уровневую модель ценностно-смысловой сферы человека (Б.С. Братусь), теорию субъективной реальности (В.И. Слободчиков) и др. Наличие такого разнообразия уровнейых моделей позволяет подтвердить сделанный нами первый логический вывод о наличии нескольких (в разных концепциях выделяют три, четыре или пять) таких уровней.

Второй вывод, который можно сделать – это вывод о том, что каждый уровень характеризуется специфическим содержанием и

особенностями протекания психических и психологических процессов. Проанализируем это специфическое содержание, рассмотрев те концепции, которые в наибольшей степени соответствуют предмету нашего исследования

Первая из них – это типологическая концепция «жизненных миров» Ф.Е.Василиюка [28]. Для построения этой теоретической модели автор использует параметры «внешний мир» и «внутренний мир», каждый из которых, в свою очередь может также быть определен через две характеристики. Внешний мир может быть легким или трудным, внутренний – простым и сложным. На основе этих критериев выделяется четыре типа «жизненных миров»: 1) внешне легкий и внутренне простой, 2) внешне трудный и внутренне простой, 3) внутренне сложный и внешне легкий, 4) внутренне сложный и внешне трудный. При этом каждый из них определяет специфические онтологические и психологические характеристики жизни субъекта.

Жизнь субъекта во внешне легком и внутренне простом жизненном мире – «это обнаженное бытие, бытие, полностью открытое в мир. Строго говоря, субъектом это существо не может быть названо, ибо оно не отправляет никакой деятельности и не отличает тем самым себя от объекта. Его существование – это окутанная бесконечным благом чистая культура жизнедеятельности, первичная жизненность, витальность». Пространственно-временная структура описываемого бытия, его хронотоп феноменологически «может быть обозначен выражением «тут-и-сейчас»». То есть этому психологическому миру «присущ такой хронотоп, в котором не существует перспективы и ретроспективы, прошлое и будущее как бы вдавлены в настоящее, точнее, еще не вычленены из него. Поэтому страдательность в отношении прошлых и будущих событий здесь редуцирована к одному лишь претерпеванию, и, следовательно, все потенциальное многообразие эмоционального освоения времени сводится к удовольствию-неудовольствию. Принцип удовольствия, таким образом, – центральный принцип мироощущения, присущего легкой и простой жизни; удовольствие было бы целью и высшей ценностью такой жизни, если бы она строилась и осуществлялась сознательно» [Там же].

Представляя хронотоп внешне трудного и внутренне простого жизненного мира, Ф.Е.Василиюк полагает, что он, определяясь трудностью внешнего мира, «означает «наличие «протяженности», т.е.

пространственной удаленности (жизненных благ) и временной длительности (необходимой для устранения удаленности) Феноменологически это выражается в появлении во внешнем аспекте хронотопа наряду с «тут» и «сейчас» новых измерений «там» и «тогда». Иначе говоря, внешний аспект психологического мира разворачивается в некоторую пространственно-временную перспективу». При этом мир озадачивает субъекта этого мира только с внешней, технической стороны: «Как сделать, как достичь?» – вот основной вопрос, который стоит перед ним. А основное общее правило решения этой постоянно возобновляющейся жизненной задачи заключается в необходимости адекватно отражать реальность, чтобы сообразно реальности строить свою деятельность. «Такая сообразность является в трудном мире необходимым условием существования и сохранения жизни. Подчинение диктату реальности становится здесь законом жизни, ее принципом. Внутренняя же ипостась реалистической установки – это механизм терпения» [28].

Очерчивая психологические контуры внутренне сложного и внешне легкого жизненного мира, Ф.Е. Василюк [Там же] пишет: «Подобно тому как трудность мира порождает необходимость в психике, так сложность его требует появления сознания. Психика – это «орган», призванный участвовать в решении внешних проблем, а в сложном и легком мире основная проблематичность жизни – внутренняя». Отсюда главная устремленность жизни в этом мире «состоит в том, чтобы избавиться от мучительной необходимости постоянных выборов, выработать психологический «орган» овладения сложностью, который обладал бы мерой измерения значимости мотивов и способностью скреплять жизненные отношения в целостность индивидуальной жизни. Этот «орган» – не что иное, как ценностное сознание, ибо ценность – единственная мера сопоставления мотивов. Принцип ценности есть, следовательно, высший принцип сложного и легкого жизненного мира» [Там же].

В четвертом типе жизненного мира – внутренне сложном и внешне трудном – путь деятельности к своей цели как затруднен внешними препятствиями, так и одновременно осложнен внутренними колебаниями. Два мира – мир человека и Мир – субъективно предстают в своей настоящей полноте и сложности и *равнозначности*, а значит, только в этом жизненном мире и начинается истинный диалог, истинное *взаимодействие* человека и мира. «Основное новообразование, появляющееся у существа такого жизненного мира по

сравнению с предыдущими, – это воля». Именно воля и обеспечивает те самые «загадочные» процессы самодетерминации, о которых говорит современная психология. Ф.Е. Василюк пишет: «Целостность личности одновременно и дана и не дана ей примерно так же, как дано и не дано художнику задуманное произведение: целостность личности – это как бы замысел человека о себе, о своей жизни. И назначение воли как раз и состоит в воплощении этого идеального замысла». И далее. «Речь, таким образом, идет о самостроительстве личности, об активном и сознательном созидании человеком самого себя, причем (что очень важно) не только об идеальном проектировании себя, но и о чувственно-практическом воплощении этих проектов и замыслов в условиях трудного и сложного существования, словом, речь идет о жизненном творчестве. **Творчество и есть высший принцип данного типа жизненного мира**» [Там же].

Другая концепция, разработанная приблизительно в то же время, что и концепция Ф.Е. Василюка, – это уровневая модель ценностно-смысловой сферы человека Б.С. Братуся [22, 25]. Если Ф.Е. Василюк интересовало собственно психологическое содержание жизненного мира, то Б.С. Братусь сосредоточивает свое исследовательское внимание на предметном, ценностно-смысловом содержании личности. В качестве основания для своей классификации автор берет такой «важнейший» для характеристики личности параметр, как типичный, преобладающий для нее способ отношения к другим людям и, соответственно, к самому себе. И на основе этого критерия выделяет четыре основных ценностно-смысловых уровня личности – эгоцентрический; группоцентрический; просоциальный, или гуманистический, духовный, или эсхатологический.

1. Первый уровень – эгоцентрический. Он определяется преимущественным стремлением лишь к собственному удобству, выгоде, престижу и т.п. Отношение к себе здесь как к единице, самооценности, а отношение к другим – сугубо потребительское в зависимости лишь от того, помогает ли другой личному успеху или нет. Если помогает, то он оценивается как удобный, хороший, если не помогает, препятствует, затрудняет, то – как плохой, враг.

2. Другой, качественно иной уровень – группоцентрический. Человек, стоящий на этом уровне, идентифицирует себя с какой-либо группой, и отношение его к другим людям зависит от того, входят ли эти другие в его группу или нет. Если другой входит в такую группу, то он обладает свойствами самооценности (вернее, «группо-

ценности», ибо ценен не сам по себе, а своей принадлежностью, родством группе), достоин жалости, сострадания, уважения, снисхождения, прощения, любви. Если же другой в эту группу не входит, то эти чувства могут на него не распространяться.

3. Следующий уровень – просоциальный, или гуманистический. За каждым человеком, пусть даже далеким, не входящим в группу, подразумевается самооценочность и равенство его в отношении прав, свобод и обязанностей. По сути, только с этого уровня можно говорить о нравственности, только здесь начинается выполнение старое «золотое правило» этики – поступай с другими так, как бы хотел, чтобы поступали с тобой. На предыдущих стадиях речи о нравственности нет, хотя можно, разумеется, говорить о морали – эгоцентрической или групповой, корпоративной.

4. Духовная, или эсхатологическая, стадия. На этой ступени человек начинает осознавать и смотреть на себя и другого не как на конечные и смертные существа, но как на существа, жизнь которых не кончается вместе с концом жизни земной. Иными словами, это уровень, в рамках которого решаются субъективные отношения человека с Богом, устанавливается личная формула связи с Ним. Если говорить о христианской традиции, то субъект приходит здесь к пониманию человека как образа и подобия Божия, поэтому другой человек приобретает в его глазах не только гуманистическую, разумную, общечеловеческую, но и особую, сакральную, божественную ценность.

Б.С. Братусь отмечает, что выделение этих уровней вовсе не означает, что людей можно классифицировать, расставлять по определенным ступеням. Все четыре уровня так или иначе присутствуют, сочетаются в каждом человеке, и в отдельные моменты хотя бы ситуативно побеждает один уровень, а в какие-то – другой. Однако вполне можно говорить и о некотором типичном для данного человека «душевном профиле», типичном устремлении. Так, хотя для выраженного эгоцентриста «вполне возможны и группоцентрические, и гуманистические, и даже духовные порывы, однако они, как правило, быстро гаснут, отступают в реальной жизни перед мотивами эгоцентрическими, успевшими приобрести в его душе статус личных ценностей. И напротив, личности просоциального или духовного складов не просто пребывают в башне из слоновой кости, но обычно ведут тяжкую и настоящую борьбу с нижележащими уровнями души. И поэтому эгоцентрист при определенных обстоятель-

вах может возвыситься, а духовный, религиозный человек пасть, низвергнуться в одночасье в бездну» [23, с. 43-44].

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев [111], утверждая так же, как и Б.С. Братусь, антропологический подход в психологии, в качестве основного понятия вводят понятие субъективности, или субъективной реальности. Одной из главных проблем, рассматриваемых этими психологами, является проблема развития человека, которая решается ими как проблема развития субъективности. В основу своей концепции развития В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев кладут эпигенетический принцип и выделяют следующие ступени развития субъективности человека [Там же].

1. Оживление – становление человеческого тела в единстве его сенсорных, двигательных, коммуникативных функциональных органов.

2. Одушевление – развитие собственных (субъектных) средств регуляции поведения, эмоций, воли и способностей.

3. Персонализация – оформление личностного способа бытия, свободного и ответственного отношения к себе и другим людям.

4. Индивидуализация – обретение уникального самобытия, авторства в творчески-созидательной деятельности и в собственной жизни.

5. Универсализация – восхождение к предельной полноте реальной жизни, откровенное духовное единство себя и Мира.

Еще одна модель – модель «человека иозтического» – предлагается В.И. Кабриным [54, 57]. Она построена на нескольких иных основаниях, однако в ней также выделяются уровни, принципиально соотносимые с обнаруженными нами пространствами человеческого существования. В.И. Кабрин [54, с. 53] выделяет четыре основных этапа нозтического онтогенеза.

А. «Протонойя» (колыбель духа) – изначальная открытость человека духовно-космическому ноззису и невыразимая его непостижимость, рождающая не только вселенскую любовь, но и вселенский страх и тоску.

В. «Ортонойя» (притязания разума) – оформление душевной жизни в рационалистические структуры, признаваемые «правильными», нормативными, всеобщими (становление Человека разумного), но при этом также и формальные, бесплодные притязания разума, саморазрушительный педантизм и критиканство, скепсис.

С. «Паранойя» («добровольное безумие») – кризисное, синкретическое, «войлочное» сознание и противоречивая психология человека, «проклюнувшегося» из яйца ортонойи, растерявшегося, блуждающего, «ищущего» в великом многообразии идей, ценностей,

концепций, школ, открытий и предрассудков, и склонность к духовной анархии, этическому релятивизму и плюрализму; веселая одержимость новыми и шальными идеями, безудержными фантазиями; бравурное преодоление общепринятой логики и ценностей.

Д. «Метанойя» – пробуждение, покаяние, преображение, инсайт, обращение к духовному самосовершенствованию, космическому сознанию, просветлению в духе (мудрость, смирение, альтруизм), но также и страх избранности и призвания, боязнь величия и святой трепет перед всевышним.

Как считает В.И. Кабрин, «ноэтический взгляд на человека коренным образом меняет понимание социокультурной и социально-психологической организации. Эволюционно-функциональное представление о психике человека в традиционной психологии сложилось под доминирующим влиянием парадигмы Человека разумного (картезианского). Но из базовой схемы ноэзиса следует, что «функциональная психика» (как продукт и регулятор деятельности) образует лишь второй его слой, или этап, соответствующий «ортонойе». С точки зрения ноэзиса как глобального фактора универсума необходимо понять и реальность психологического универсума человека как реальность значительно более многообразную, чем та, которая представлена традиционной академической психологией» [55, с. 54]. В соответствии с этими положениями В.И. Кабрин выделяет так называемые миры психологического универсума [55].

А. Мир трансовой радикальной психики (аутентичной душе ребенка) соответствует изначальной «протонойе» – колыбели духа, питающей и защищающей определенное время от противоречивой воздействующей среды.

В. Мир функциональной психики соответствует «ортонойе» – укреплению духа структурами разума, отражающими, интерпретирующими в формировании активной жизнедеятельности функциональные возможности окружающей среды и собственного организма.

С. Мир плюралистической житейской психологии (мир противоречивых персонификаций и отношений) соответствует «паранойе», открывающей ключевые вопросы и противоречия жизни, относительности истин и верований.

Д. Мир трансцендирующих ценностей и доктрин (от космического мировоззрения к космическому сознанию) соответствует «метанойе» – озарению вечными ценностями человеческой и Божественной мудрости.

Таблица 4

Соотношение теоретических моделей, разработанных в современной отечественной психологии, с типологией пространств существования человека

Типология «жизненных миров» (Ф.Е. Василюк) – структурно-динамический уровень анализа	Уровневая модель ценностно-смысловой сферы человека (Б.С. Братусь) – преимущественно предметно-смысловой уровень анализа	Ступени развития субъективности человека (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев) – преимущественно онтологический и генетический уровень анализа	Этапы онтогенеза (В.И. Кабрин) – преимущественно феноменологический и генетический уровень анализа	Основные пространства существования человека – интегральная модель
Внешне легкий и внутренне простой жизненный мир	Эгоцентрический уровень	Оживление	Мир трансовой раздельной психики («протоинной»)	Витальное пространство
–	Группоцентрический уровень	Одушевление	–	Переходная форма
Внешне трудный и внутренне простой жизненный мир	–	Персонализация	Мир функциональной психики («ортоинной»)	Формально-ролевое пространство
–	–	–	Мир плюралистической житейской психологии («паранойя»)	Переходная форма
Внутренне сложный и внешне легкий жизненный мир	Просоциальный, или гуманистический уровень	Индивидуализация	–	Самоактуализационное пространство
Внутренне сложный и внешне трудный жизненный мир	Духовный, или экзистенциальный уровень	Универсализация	Мир трансцендирующих ценностей и доктрин («метанойя»)	Духовное пространство

Обобщая представленные выше типологические концепции (см. табл. 4), можно усмотреть в них как принципиальное сходство, так и частные различия. Полагаем, что их подобие определяется, прежде всего, общими методологическими принципами, лежащими в основании этих концепций, а именно методологическими принципами антропологической психологии. Различия же, с нашей точки зрения, обусловлены лишь различием того уровня анализа, который был выбран каждым из авторов. Так, в типологии «жизненных ми-

ров» Ф.Е. Василюка преимущественно реализован структурно-динамический уровень анализа, в концепции Б.С. Братуся – преимущественно предметно-смысловой, в психологии субъективной реальности В.И. Слободникова и Е.И. Исаева затрагиваются в большей степени онтологический и генетический аспекты, В.И. Кабрин скорее сосредоточивает свое внимание на феноменологии.

Таким образом, полученные нами при помощи формальной логики пространства существования человека в целом соотносятся с теоретическими моделями, разработанными другими авторами, что, с одной стороны, подтверждает репрезентативность построенной типологии, а с другой – позволяет уже дать развернутую содержательную характеристику каждого пространства, что и будет сделано в следующих параграфах этой главы.

И, наконец, последний вопрос, на котором необходимо остановиться, – это вопрос о введении нами термина «пространство существования человека». В основе большинства рассмотренных нами концепций лежит или генетический, или иерархический признак, поэтому их авторы используют такие термины, как «уровень», «этап» или «ступень». Однако сами по себе эти понятия имманентно несут в себе определенную «оценочную» нагрузку – лучше-хуже, ниже-выше, примитивно-сложно, более развито-менее развито и т.п. В нашем же исследовании мы принципиально отказываемся от такого рода оценок и используем термин «пространство». Во-первых, это понятие лишено «оценочной» семантической окраски «лучше-хуже». Как мы увидим далее, каждое пространство соотносится со специфическими онтологическими задачами человека. И об этих задачах нельзя говорить, что одна из них более важна, чем другая. Во-вторых, понятие «пространство» не включает в себя признак сложности. Это важно потому, что при переходе из пространства в пространство какие-то психологические структуры возникают и усложняются, а какие-то, напротив, «умирают» или упрощаются. В-третьих, использование понятия «уровень» в генетическом аспекте почти всегда предполагает, что вышележащий уровень возникает и развивается на основе нижележащего уровня, тогда как понятие пространства позволяет избежать этой линейной связи и говорить об относительной автономности пространств в онтологическом аспекте. И, наконец, в-четвертых, позитивным аспектом понятия «пространство» является то, что оно предполагает наличие измерений (базо-

вых координат), при помощи которых можно описывать процессы, происходящие в конкретном психологическом пространстве.

Сделав эти важные предварительные терминологические замечания, можно теперь перейти к описанию основных пространств существования человека. На основании обобщения уровней концепций можно выдвинуть гипотезу о том, что существование человека разворачивается в четырех базовых пространствах: витальном, функционально-ролевом, самоактуализационном и духовном. Каждое из них можно описывать на двух уровнях: объективном (онтологическом) и субъективном (психологическом). Объективный уровень анализа обнаруживает системообразующие факторы каждого пространства, в качестве которых выступают задачи бытия – существования и развития – человека и как представителя вида «человек», и как представителя рода «человек». Очевидно, что на эти объективные требования бытия «отвечает» сам человек, поэтому онтологические задачи с необходимостью должны трансформироваться в задачи бытия индивидуальной жизни, то есть задачи психологические. А значит, психологический уровень анализа пространств существования человека предполагает выявление и описание тех психологических орудий, инструментов и средств (то есть психологических функций, структур, механизмов и т.д.), которые обеспечивают осуществление человека в каждом из этих пространств.

Опишем выделенные нами пространства – витальное, функционально-ролевое, самоактуализационное, духовное, – сформулировав как онтологические задачи, так и специфику основных психологических процессов и особенностей коммуникации человека в каждом из них.

2.6. ВИТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Предельной задачей этого пространства является обеспечение физического выживания человека, прежде всего как биологического существа. «Перевод» этой задачи на субъективный, психологический уровень происходит через то, что в психологии называют потребностями. Ведь потребность, с одной стороны, есть «*объективная* нужда организма в чем-либо, что лежит вне его» (А.Л. Леонтьев). С другой же стороны, это «специфическая (сущностная) сила живых организмов, обеспечивающая их связь с внешней средой для самосохранения и саморазвития, *источник активности живых систем в окружающем мире*» (П.В. Симонов). (курсив мой. – О.М.).

В качестве потребностей этого пространства выступают потребности, которые П.В. Симонов [108] называет витальными, а А. Маслоу – физиологическими (потребности в пище, воде, сне, температурном комфорте). К этой же группе потребностей можно отнести и потребность в безопасности (А. Маслоу). Таким образом, задачей индивидуального бытия человека в этом пространстве является удовлетворение этих витальных потребностей. Рассуждая далее, можно определить те *принципы*, в рамках которых обеспечивается решение вышеназванной задачи. Поскольку жизнь есть перманентный процесс обмена вещества-энергии, для сохранения жизни конкретного организма необходимо, чтобы расход энергии не превышал ее прихода, в противном случае организм погибает. Научная мысль уже открыла и сформулировала эти базовые принципы в терминах принципа гомеостаза (З. Фрейд) и принципа минимизации энергии, или «экономии сил» (П.В. Симонов).

Если же теперь перейти к описанию психологической динамики в витальном пространстве¹, то можно констатировать, что эти по своей сути физиологические принципы трансформируются на психологическом уровне в принцип удовлетворения потребности здесь-и-теперь и принцип удовольствия (З. Фрейд). Ведь что такое удовлетворение потребности здесь-и-теперь? Это – стремление вернуться в исходное состояние гомеостатического равновесия (принцип гомеостаза), не затрачивая при этом энергии на передвижение («здесь») и ожидание («теперь») (принцип минимизации энергии). Что касается принципа удовольствия, то он обеспечивает индивида не столько непосредственными механизмами удовлетворения потребностей, сколько теми психологическими процессами, которые делают возможным *субъективное* отражение потребностей в психике (или в сознании). В качестве последнего выступают эмоции. Однако фрейдовский принцип удовольствия логичнее было бы назвать принципом избегания неудовольствия. «Механизм сохранения (выживания, уравнивания) не нуждается в положительных эмоциях, он может работать за счет одних отрицательных, где само устранение тягостного состояния путем удовлетворения соответствующей потребности есть награда для действующего субъекта» [108, с. 52]. На основании этого тезиса можно утверждать, что существование человека в этом пространстве характеризуется в основном переживанием

¹ Психодинамическая модель З. Фрейда описывает существование человека именно в этом пространстве.

отрицательных эмоций, которые «сигнализируют» субъекту об актуализации той или иной потребности. Переживание же положительных эмоций, которые и есть «настоящее удовольствие», возможно только в пространствах более высокого уровня. Это подтверждается многочисленными описаниями эмоциональной сферы незрелых, невротических личностей¹, доминирующей эмоцией которых являются эмоции тревоги и страха.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что существование индивида в витальном пространстве характеризуется тремя главными особенностями. Во-первых, целью существования индивида является удовлетворение собственных потребностей (собственное Я находится в центре мира), во-вторых, в этом пространстве субъективно «отсутствует» физическое время и физическое пространство, важно лишь то, что происходит в данный момент, в данной точке, в-третьих, здесь нет необходимости в отражении реальности, независимой от отражающего субъекта, надо «отражать» лишь те аспекты среды, которые соотносятся с предметами актуализированных здесь-и-теперь потребностей. Эти особенности в психологии обозначаются понятием «эгоцентризм». Теперь очень легко перейти к описанию когнитивных процессов² такого существа. Понятие эгоцентризма в психологии употребляется с двумя определениями – личностный эгоцентризм (З.Фрейд) и когнитивный эгоцентризм (Ж. Пиаже). И хотя на разных этапах онтогенеза может наблюдаться их относительная асинхрония, так же как в процессе актуалгенеза, выраженность эгоцентризма может быть различной в разных сферах жизнедеятельности (человек может быть децентрирован, например, в своей профессиональной деятельности, и эгоцентричен в личной жизни), однако, учитывая их внутреннюю природу, можно утверждать, что личностный и когнитивный эгоцентризм всегда сопровождают друг друга. Ведь личностный эгоцентризм – это нежелание,

¹ С точки зрения З. Фрейда, невротик – это человек, не сумевший сублимировать энергию либидо. Используя же концепцию психологических пространств, можно сказать, что невротик – это человек, не сумевший осуществить себя в пространствах более высокого уровня.

² Если оставаться на очень высоком уровне абстракции, то можно утверждать, что необходимость в когнитивных функциях в этом пространстве отсутствует. Однако, учитывая то, что среда (где находятся предметы потребностей) практически никогда не представляет возможности удовлетворения потребности здесь-и-теперь, характеризуясь нерегулярной изменчивостью и дискретностью [32], необходимость познавательных функций, которые обеспечивают решение задач достижения предмета потребности, становится очевидной.

а когнитивный эгоцентризм – это неспособность абстрагироваться от собственной точки зрения, посмотреть на мир с другой позиции. А если нет желания, то откуда возьмется способность? Впрочем, даже если эта способность есть, она попросту не будет использована.

Поскольку познавательные процессы выполняют, прежде всего, инструментальную функцию, то очевидно, что они будут «работать» на выполнение главной, эгоцентрической по своей сути, задачи: удовлетворение собственных потребностей здесь-и-теперь. Конечной же целью является восстановление гомеостатического равновесия. Активность индивида по решению этой задачи осуществляется на основе непосредственного отражения проблемной ситуации, в которой дан предмет потребности, то есть – это здесь-и-теперь-отражение, это – всегда конкретная и наглядная представленность проблемной ситуации. Теперь становится понятно, почему генетически первичной формой мышления является конкретное мышление – наглядно-действенное и наглядно-образное (Ж. Пиаже), или, как называет его Л.С. Выготский, натуральное, допонятийное. И также понятно, что этот тип мышления свойствен как человеку, так и животному.

Как уже говорилось, витальное пространство выполняет сохраняющие, гомеостатические задачи в жизнедеятельности субъекта и фактически препятствует его развитию. В витальном пространстве человеку приходится функционировать в условиях принципиальной разграниченности, противопоставления себя миру. Поэтому жизнь человека, у которого доминирует это пространство, принципиально конфликтна и непродуктивна, так как разрешение конфликтов вновь и вновь приводит человека в состояние эгоцентрического равновесия. Динамика этого уровня была блестяще описана З. Фрейдом и выражена в терминах застревания, заикливания и т.п. Человек все время «ходит» по одному и тому же замкнутому кругу, возникает иллюзия движения, а значит жизни, тогда как истинного развития, то есть перехода в новые, качественно более совершенные состояния, не происходит.

Основными коммуникативными «воспитательными» стратегиями со стороны значимых других, которые с необходимостью «высвечивают», формируют у человека эгоцентрическое отношение к миру и другим людям, являются интракоммуникативные стратегии в вариантах доминирования, избегания, подчинения на основе подавления собственных негативных чувств, манипуляции. Эти же

стратегии становятся для субъекта преобладающим способом взаимодействия с другим. Общение такого эгоцентрического субъекта превращается в деятельность, в которой выделяются цели и условия, противостоящие ему, и в которых необходимо совершить некие действия. Взаимодействие урезается до воздействия, а основной формой общения эгоцентрика является монолог. Другой человек, партнер в такого рода общении может выступать как средство или как условие, способствующее или препятствующее достижению собственных эгоцентрических целей. В этом случае процесс общения является не объединяющим, а разделяющим процессом, а энергия субъекта и его психологические «умения» направлены на то, чтобы «правильно» надавить, обмануть, перехитрить, подкупить, польстить, отпугнуть и т.п. партнера. «Развитие» человека на этом уровне заключается в усовершенствовании тех средств, при помощи которых субъект может воздействовать на физический и социальный мир.

2.7. ФУНКЦИОНАЛЬНО-РОЛЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Предельной задачей функционально-ролевого пространства является задача сохранения группы (сообщества). Что дает группа человеку и какие задачи ставит перед ним? Во-первых, только группа обеспечивает гарантии физического выживания человеческого индивида «Рождение человека как онтогенетически, так и филогенетически является в основном негативным событием. Ему недостает инстинктивной адаптации к природе, недостает физической силы: он наиболее беспомощное существо из всех животных при рождении и нуждается в защите гораздо более длительный период времени, чем любое из них» [134, с. 10.]. Человек как индивид, как представитель вида *Homo sapiens* не только социально, не только личностно, но и физически (по крайней мере, в первые годы после рождения) не может выжить вне какой-либо группы. Это косвенно подтверждают данные о психической депривации [68]. Существует довольно большое количество свидетельств о воспитании и жизни детей вне человеческого общества, однако все они указывают на то, что дети выживают только лишь в случае включения их в другие сообщества – группы животных, и нет ни одного свидетельства, когда ребенок выжил бы, будучи полностью изолированным.

Другим важнейшим следствием объединения людей в группы является разделение функций (разделение труда) между членами

сообщества, что позволяет экономить энергию индивида и направить ее на деятельность, непосредственно не связанную с физическим выживанием, с удовлетворением витальных потребностей. То есть в этом пространстве впервые возникает возможность индивидуального *развития*, а не только сохранения человека. Ну и, наконец, в человеческом обществе формируется культура, в которой закрепляются индивидуальные результаты, достижения, открытия. Это культурное наследие усваивается (присваивается) человеком в процессе социализации, в результате чего его индивидуальный опыт опосредуется и обогащается опытом всех предыдущих поколений.

Зададимся теперь вопросом, что же «заставляет» индивида жить в группе, в сообществе себе подобных, какие потребности обеспечивают это? Научная психология имеет ответ на этот вопрос. Это большая группа социальных потребностей, в основе которых лежит потребность быть включенным в группу. «Необходимость единства с другими живыми существами, связанности с ними, является насущной потребностью, от реализации которой зависит психическое здоровье человека» [Там же, с. 19.]. Эта базовая потребность существует в разных формах. Это, прежде всего, потребности в аффилиации (Г. Мюррей), в общении (Л. И. Божович), потребности в связанности и укорененности (Э. Фромм), потребность в любви (А. Маслоу, К. Роджерс), которые лежат в основе горизонтальных социальных связей и отношений. В этом же ряду находятся и потребность в уважении и признании (А. Маслоу), потребность во власти (А. Адлер, Э. Фромм), обеспечивающие вертикальные, иерархические групповые отношения. Вероятно, что именно эти потребности лежат в основе известного в социальной психологии механизма нормативного влияния (М. Дойч, Х. Джерард), при помощи которого американские психологи объясняют многие закономерности групповой динамики (процесс формирования групповых норм, конформное и подчиняющееся поведение индивида, феномен огруппления мышления и др.) [см. 79].

Интересно отметить, что эти потребности и механизмы регулируют взаимодействие не только в человеческих группах, но и в «группах» животных. П.В. Симонов [108], обобщая результаты исследований этологов и зоопсихологов, «обнаружил» у стадных животных механизмы, аналогичные вышеперечисленным. У животных, живущих в сообществах, существует групповая организация различной степени сложности и дифференцированности [38], или-

чие достаточно жестких норм поведения, характерных для особей данного вида, всякое нарушение которых вызывает резкую агрессивную реакцию со стороны других, прежде всего высокоранговых членов группы [82, 182]. Эмпирические исследования обнаружили также существование у стадных и групповых животных так называемого феномена эмоционального резонанса, обеспечивающего поддержку и взаимопомощь внутри группы [172, 195].

Наличие групповой иерархии, норм, правил организует и стабилизирует групповое поведение, делает возможным появление группового субъекта, что способствует выживанию как группы в целом, так и отдельных индивидов, образующих эту группу. В плане индивидуального развития это приводит к проявлению у индивида такого важного вида мотивации, как мотивация «для других». В группе возникают групповые ценности, нормы, правила, социальные роли, статусы, групповые «эмпатические» тенденции, которые интериоризируются субъектом и превращаются в индивидуальные ценности, нормы и правила, роли и т.д. Следование этим нормам и правилам является условием включения человека в группу, а через это и в социокультурную жизнь. При этом со стороны группы к человеку выдвигается требование быть не тем, что он есть, а тем, чем он, с точки зрения группы, должен быть. В этом пространстве человек становится *функциональным* элементом группы, ценность которого определяется тем, насколько правильно, нормативно он играет свою социальную *роль* (или роли). Отсюда и обозначение этого пространства как функционально-ролевого.

Как уже говорилось, предельной задачей этого пространства является сохранение группы, однако в его рамках становится возможным и индивидуальное развитие. Ведь здесь человек вынужден *поступаться* своими эгоцентрическими потребностями, интересами, целями, ценностями ради интересов и потребностей группы. Общество требует от индивида определенных действий, которые очень редко совпадают с непосредственно возникающими у человека желаниями (хочется погреться, а надо мыть посуду; хочется поспать, а надо идти в школу, в университет или на работу; хочется что-нибудь купить, а надо сначала заработать денег и т.п.). То есть человек уже не может жить, лишь непосредственно реагируя на внутренние импульсы или внешние стимулы, его поведение из совокупности реакций превращается в систему действий и поступков, то есть в деятельность. Включение человека в различные виды деятельно-

сти, а также необходимость разрешения возникающих в ходе деятельности противоречий и являются детерминантами образования принципиально новых внутрипсихологических функций и структур (А.Н. Леонтьев, А.Г. Асмолов, Д.Б. Эльконин и др.).

Однако это индивидуальное развитие ограничено теми групповыми нормами и ценностями, которые являются специфическими для каждой группы, и в этой связи возможность индивидуального развития определяется уровнем развития групповых норм, правил, ценностей, морали, культуры обусловленных способов мышления и т.д. Группа, с одной стороны, «заставляет» развиваться включенных в нее индивидов, но, с другой стороны, кладет предел такому развитию. Это положение подтверждается и эмпирическими данными. Так, в исследовании Д. Саймонтона [194], направленном на изучение социально-культурного контекста развития интеллектуально одаренных (талантливых) людей, установлено, что внешние влияния на начальных стадиях развития одаренной личности значительно более важны, чем воздействия, оказываемые всей последующей жизнью. Иными словами, талантливые люди складываются или ломаются в детстве, в подростковом возрасте и ранней юности. В этом исследовании также было обнаружено четыре макросоциальных фактора, влияющих на становление интеллектуально одаренных людей. К числу позитивных для развития одаренности факторов Д. Саймонтоном относят наличие ролевой модели одаренного человека. Потенциально одаренный ребенок должен иметь ранний доступ к многочисленным реальным носителям одаренности. В качестве негативного фактора, наряду с войной и политической нестабильностью, Д. Саймонтоном [Там же] называет традиционное образование, которое повышает потенциал одаренности до определенного предела, после которого имеет место негативный эффект, вследствие усиления приверженности общепринятым методам решения проблем.

В этом пространстве обнаруживается уже новая динамика внутренней жизни, поскольку момент актуализации так называемых социальных потребностей человека и момент их удовлетворения не совпадают во времени и пространстве. В этом пространстве уже должно субъективно отражаться физическое время, здесь наряду с прошлым и настоящим «возникает» будущее как основная причина поведения человека. Его действия начинают быть детерминированы уже не «сзади», не из прошлого, а «спереди», из будущего, человек начинает действовать не «потому что», а «для того чтобы». Вторую

особенность динамики удовлетворения потребностей определяет то обстоятельство, что потребность актуализируется «в самом человеке», а ее удовлетворение не может произойти без участия другого. Только *другой* уважает или не уважает меня, признает или не признает, любит или не любит и т.д. Но другой не будет признавать, уважать, любить просто так, но всегда – за что-то¹.

Основиыми принципами, на основе которых организуется психологическая жизнь человека в функционально-ролевом пространстве, являются принцип «там-и-тогда», принцип социальной нормативности (социально одобряемой деятельности) и принцип ценности. Принцип там-и-тогда обеспечивает возможность отсрочки, отодвигания во времени желаемого субъектом одобрения со стороны других от непосредственного процесса совершения какого-либо действия. То есть человек может совершать действие или даже целый ряд действий, не получая непосредственного, здесь-и-теперь эмоционального удовлетворения, но верит в то, что оно случится в будущем, и «соглашается» его ждать. «Работа» этого принципа обеспечивается механизмами опосредованности и произвольности. Еще не существующая в актуальной, наличной (наглядной) ситуации, невоплощенная реальность существует уже, однако, в форме цели, в идеальной форме «образа потребного будущего». Именно цель и выполняет функцию опосредования, именно она подчиняет существующую реальность реальности, еще не существующей. Но цель может выполнить эту функцию лишь при условии, что она будет удерживаться в психическом образе в течение более или менее длительного времени. Психическим процессом, обеспечивающим это, является волевой процесс. Воля, с одной стороны, тормозит, подавляет непосредственно возникающие импульсы, которые могут отвлечь субъекта от целенаправленной деятельности, с другой стороны, выполняет функцию привлечения (или сублимирования) дополнительной энергии для ее достижения.

Рассмотрим два других принципа – принцип социальной нормативности и принцип ценности. Каждый человек осуществляет любую социально значимую деятельность в рамках какой-либо социальной роли. Роль же всегда имеет нормативные предписания, то есть предполагает набор прав и обязанностей [147]. Любое нарушение правил влечет за собой осуждение со стороны других членов

¹ Исключение, пожалуй, составляет материнская любовь и высшие формы любви, в которых реализуется не принцип «люблю за», но скорее принцип «люблю вопреки».

группы, реализующееся в виде самых разных социальных санкций. Правильное, то есть нормативное, играение роли подкрепляется одобрением (уважением, признанием, любовью и т.д.), что и является основной потребностью человека в функционально-ролевом пространстве. Важной характеристикой социальных ролей, как указывает Т. Шибутани [Там же], является их конвенциональность, то есть правила выполнения (играния) социальных ролей не являются чем-то объективным, но всегда есть результат соглашения между членами той социальной группы, в которую включен индивид. Важно также отметить, что социальному контролю подвергается не только внешнее поведение человека, но и его внутренние переживания, его представления, мысли, желания, ценности. Именно в группе формируются представления о том, что хорошо, а что плохо, что полезно, что вредно, что есть добро, а что – зло. Таким образом, «человеческое представление о реальности есть в основном социальный процесс. А то, что люди обычно называют «реальностью», есть рабочая ориентация, относительно которой существует высокая степень согласия» [147, с. 102]. Являясь порождением социума, социальные представления, этические нормы, групповые ценности интериоризируются, приобретают мотивационное значение и, таким образом, становятся внутренними регуляторами целенаправленного поведения человека. И если бы человек был включен лишь в одну какую-либо социальную группу, то его внутренняя жизнь отличалась бы простотой, ясностью, непротиворечивостью. Однако человек реально оказывается включенным в различные социальные группы, каждая из которых имеет свою более или менее отличную от других групп групповую мораль, правила, нормы, санкции и т.д. Это и порождает первую трудность внутренней психологической жизни субъекта. Помимо этого, в каждой из этих групп субъект занимает то или иное социальное положение, которое определяется социальной и межличностной ролью или иерархическим социальным статусом. Таким образом, человек оказывается в положении «присвоенности» многочисленных, часто противоречащих друг другу норм, представлений, ценностей. Вспомним уже приводимые нами слова Ф.Е. Василюка: «Главная проблематичность и устремленность внутренне сложной жизни состоит в том, чтобы избавиться от мучительной необходимости постоянных выборов, выработать «психологический орган» овладения сложностью, который обладал бы мерой измерения значимости мотивов и способностью скреплять жизненные

отношения в целостность индивидуальной жизни. Этот «орган» есть не что иное, как ценностное сознание, ибо ценность – единственная мера сопоставления мотивов» [28, с. 122]. Именно иерархическая организация ценностно-смысловой сферы индивида обеспечивает выбор в ситуации конфликта мотивов, целей, желаний.

Регулирование жизнедеятельности субъекта в функционально-ролевом пространстве требует усложнения «обслуживающих» психологических структур – эмоций и познавательных функций. Какие же изменения происходят в эмоциональной сфере? Во-первых, наряду с собственно эмоциями, переживаемыми в актуальной ситуации, появляются чувства как относительно устойчивые и длительные эмоциональные состояния, всегда релевантные предмету, – непредметных чувств не бывает. Именно чувства являются внутренним психологическим орудием, обеспечивающим постоянную актуальность предмета деятельности, даже в случае, если этот предмет отсутствует в ситуации здесь-и-теперь, именно чувства делают возможным возвращение субъекта к целенаправленной деятельности после отвлечения его на какие-то другие занятия. Другой особенностью эмоциональной сферы функционально-ролевого субъекта является возникновение эмоциональных состояний, связанных с прошлым (чувства удовлетворения, сожаления, вины) и будущим (тревога, надежда, вера); большой группы социальных чувств, направленных на другого (чувство восхищения или презрения, одобрения или осуждения, симпатии и антипатии, любви или ненависти и т.п.) и на себя (чувство гордости или вины); чувств, связанных с «овладением» или потерей предмета привязанности (счастье, радость, печаль, горе).

В этом пространстве и познавательные процессы приобретают свойство произвольности и опосредованности. Кардинально преобразуется мышление, оно становится полностью идеальной функцией, отвлекается от наглядной актуальной ситуации, у человека формируется способность оперировать абстракциями. В этом пространстве возникает язык, во-первых, как средство общения, позволяющее организовывать согласованное социальное действие, во-вторых, как средство закрепления и передачи от поколения к поколению культурного наследия и, в-третьих, как средство мышления. Язык и мышление максимально сближаются друг с другом, мышление становится понятийным (Л.С. Выготский), формально-логическим (Ж. Пиаже). Правила формальной логики становятся не только правилами реального мышления, но правилами общения. «Без принятых

логических правил игры с символами нельзя надеяться на однозначное понимание. ...Логика – всего лишь упрощенный и универсальный язык общения (а том числе общения с самим собой), существующий для того, чтобы иметь возможность максимально однозначно выражать свои мысли. Логика необходима во всех видах взаимодействия между людьми. Отказ от логики – это отказ от надежды на проверку правильности (т. е. однозначности понимания) совершаемых коммуникаций» [3, с. 49].

И последний аспект, на который нужно ответить, обсуждая психологическую специфику функционально-ролевого пространства, – это вопрос о тех коммуникативных стратегиях, которые проявляют данный психологический уровень, если они реализуются по отношению к развивающемуся индивиду, а впоследствии являются доминирующими у субъекта, в психологической структуре которого преобладает функционально-ролевой «психологический комплекс». Это – так называемые экстракоммуникативные стратегии, которые характеризуются тем, что партнеры по общению решают в определенном смысле внешние для них задачи – учебные, трудовые, производственные и т.п. Такого рода общение осуществляется на основе уже имеющихся в культуре норм, правил, принципов, хотя и различающихся в разных социальных группах, но тем не менее обладающих одним общим свойством – довольно высокой степенью предписанности и формализованности, часто закрепленной документально. Осуществление таких экстракоммуникативных стратегий по отношению к развивающемуся субъекту приводит к интериоризации, усвоению предлагаемых норм и правил и в конечном итоге к их закреплению в соответствующих внутренних психологических структурах – в структуре формально-логического мышления, морально-этического сознания личности и т.п.

2.8. САМОАКТУАЛИЗАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Предельной задачей самоактуализационного пространства является уже не сохранение, но развитие – и человека, и человеческого общества. А значит, система психологических свойств должна быть такова, чтобы обеспечить это развитие, основным направлением которого является максимальная реализация индивидуальных потенций и способностей человека. Эту систему психологических свойств достаточно полно описали как зарубежные психологи гуманистиче-

ского направления (Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс и др.), так и современные российские исследователи (А.Г. Асмолов, С.Д. Братченко, Ф.Е. Василюк, Э.В. Галажинский, В.А. Петровский и др.). Процесс осуществления человека в этом пространстве А.Маслоу осмысливает в понятии самоактуализации (что и определило название этого пространства), то есть стремления человека достичь вершины своего потенциала. «Люди должны быть теми, кем они могут быть. Они должны быть верны своей природе» [183, р. 22]. А. Маслоу [183] в своих исследованиях выявил «синдром» самоактуализирующейся личности: метаобраз жизни, принятие себя, других и природы, синергичность, непосредственность, простота, аутентичность, эффективность и свежесть восприятия, креативность и другие характеристики. Другой великий «гуманистический» психолог К.Роджерс описывает существование человека на этом уровне при помощи понятия «полноценно функционирующий» человек. «Это термин для обозначения людей, которые используют свои способности и таланты, реализуют свой потенциал и движутся к полноценному познанию себя и сферы своих переживаний» [Цит. по: 138, с. 549]. К. Роджерс выделил пять основных характеристик, общих для полноценно функционирующих людей: открытость переживанию, экзистенциальный образ жизни, организмическое доверие, эмпирическая свобода, креативность [102].

Бытие человека в этом пространстве всегда ориентировано на процесс, а не на достижение какой-либо заранее известной, представляемой цели. Именно поэтому А. Маслоу [183] утверждает, что потребность в самоактуализации является принципиально ненасыщаемой, то есть никогда нельзя достичь высшего уровня самоактуализации, так как его просто не существует. К. Роджерс полагает, что хотя и можно говорить о людях, которые достигли большей самоактуализации, чем другие, далее других продвинулись к такому функционированию, которое можно назвать более полноценным, творческим и автономным, однако ни один человек не становится самоактуализированным настолько, чтобы отбросить все мотивы. «Хорошая жизнь» — это не конечный пункт, а направление, в котором человек движется, следуя своей истинной природе [192]. В витальном пространстве возможность развития ограничена актуальной (наглядной) ситуацией, там можно говорить лишь о научении, то есть усовершенствовании тех средств, при помощи которых субъект может воздействовать на физический и социальный мир. В функционально-

ролевом пространстве развитие ограничено теми групповыми нормами, которые являются специфичными для каждой группы, и в этой связи возможность индивидуального развития определяется уровнем развития групповых норм, правил, ценностей, морали, культурно обусловленных способов мышления и т.д. И лишь только переход человека в самоактуализационное пространство дает человеку неограниченные возможности индивидуального развития, истинной продуктивности, творчества.

Из вышеприведенных описаний видно, что человек на этом уровне открывается миру и самому себе, и главным в его жизни становится не защита Эго, не исполнение групповых норм, правил, ролей, а свободное творчество, сверхзадачей которого является познание и осуществление себя как индивидуальной единицы бытия. Таким образом, можно сформулировать основные принципы, которым подчиняется существование человека в пространстве самоактуализации. Это – принципы свободы и ответственности (Э. Фромм [132, 134], В. Франкл [129, 130].) и творчества (К. Роджерс [102], А. Маслоу [80], Ф.Е. Василюк [28]).

Эти принципы определяют особенности эмоциональной и когнитивной сферы человека. Пространство самореализации – это пространство положительных эмоций. «Положительные эмоции – инструмент потребностей развития, вот почему их значение возрастает по мере перехода ко все более сложным и высшим формам мотивации» [108, с.52]. Именно в этом пространстве возникают потрясающие (в прямом и переносном смысле этого слова) эмоциональные переживания – вдохновение, удивление, восторг, состояние «потока», ощущение «полета» и т.п., которые связаны с процессом творчества, открытием и постижением самого себя, мира, себя в мире. Что же касается мышления, то очевидно, что в этом пространстве доминирующей его формой является творческое, продуктивное мышление.

На этом уровне происходят очень важные изменения и в личностных процессах и структурах человека. Процессы персонализации, которые доминировали в функционально-ролевом пространстве, сменяются процессами персонификации. «Персонификация ... проявляется не в стремлении человека «быть личностью», но в его стремлении быть самим собой... Во всех случаях персонификации мы имеем дело с увеличением зоны актуализации человека, с ослаблением противостояния «персоны» и «тени» в личности человека,

с отказом от личностных «фасадов», то есть с большим самопринятием человека. Успешно протекающий процесс персонификации усиливает интегрированность личностных структур, повышает степень позитивности, эпатичности и конгруэнтности (К. Роджерс) человека и тем самым способствует повышению степени общей аутентичности человека своей сущности» [94, с. 14].

По мнению К. Роджерса и его последователей [121], процессом, который дает индивидууму возможность непосредственно обнаружить, открыть, пережить или встретить свою действительную самость, является процесс общения и взаимодействия. Наша личность становится видимой для нас посредством отношений с другими. Однако не всякое взаимодействие имеет потенциал проявления индивидуальной самости человека, а лишь особым образом организованное. Такое взаимодействие можно осуществить лишь тогда, когда партнеры по общению реализуют интеркоммуникативные стратегии, которые основываются на принципах уважения, а значит, равенства партнеров и доверия как принципа, обеспечивающего возможность быть открытым и конгруэнтным в коммуникативном процессе. И чем более полным, открытым и конгруэнтным будет общение партнеров, тем больше вероятность обнаружить и принять в самом себе собственную полную природу. «Может быть, я могу обнаружить и подойти ближе к тому, что я действительно есть глубоко внутри, – иногда гневу, иногда страху, иногда любви и заботе, иногда красоте, иногда силе, иногда ярости, – не скрывая этих чувств от себя. Может быть, я могу прийти к тому, чтоб ценить себя как столь богато разнообразного человека, каким я являюсь. Может быть, я открыто могу быть таким человеком. Если так, я могу жить по своим собственным пережитым ценностям, хотя я и знаю обо всех социальных кодах и нормах. Я могу позволить себе быть всей этой сложностью чувств, значений и ценностей со своим партнером – быть достаточно свободным, чтобы отдаваться любви, гневу, нежности, как они существуют во мне. тогда, возможно, я могу быть реальным партнером, потому что я на пути к становлению реальным человеком. И я надеюсь, что могу помочь моему партнеру следовать своим собственным путем к своей личной уникальности, которую я готов с любовью разделить» [102, с. 360]. К. Роджерс утверждает, что общение содержит две одинаково важные фазы: выражение эмоции и открытость к переживанию ответа, реакции партнера. «Я буду рисковать, пытаюсь передать любое длительное чувство, позитивное или

негативное, моему партнеру – той полноты и глубины, до какой я сам его понимаю – как живой части меня. Затем я рискну далее попытаться понять, со всей эмпатией, на какую я способен, ее или его реакцию, будь она обвиняющей и критической или разделяющей и открывающей себя» [102, с. 361].

Таким образом, К. Роджерс не просто пропагандирует выражение самих чувств. Он утверждает, что следует также подвергнуться воздействию, которое вы и ваши чувства производят на партнера. Это гораздо труднее, чем просто «выпустить пар» или быть «открытым и честным». Это готовность принять реальный содержащийся в выражении риск: отвержение, непонимание, враждебные чувства, возмездие. К. Роджерс настаивает на необходимости установить и поддерживать этот уровень взаимодействия, что противоречит позиции, полагающей, что нужно быть вежливым, тактичным, обходить острые углы и не касаться текущих эмоциональных проблем.

Очевидно, что степень открытости, конгруэнтности и аутентичности субъекта в конкретном межличностном взаимодействии непосредственно связана со степенью доверия по отношению к партнеру. Чем больше субъект доверяет собеседнику, тем меньше он испытывает страх перед негативными оценками, возможным использованием его откровенности в корыстных целях и, следовательно, тем больше он будет открыт и конгруэнтен в общении. Знаменательно то, что в последние годы проблема доверия активно анализируется не только в общей психологии, персонологии, но и в социальной психологии, причем в такой прикладной ее области, как деловые отношения. П.Н. Шихирев отмечает: «Бум исследований доверия в общественных науках приходится на 90-е годы, когда постепенно стало выясняться, что казавшийся простым и самоочевидным объект, подобно дневному свету, содержит целый спектр сложных оттенков. Доверие стало изучаться в различных сферах человеческой жизни: в межличностных отношениях, общественных процессах и, разумеется, в экономике, бизнесе. Доверие приобрело статус «социального капитала», то есть средства, обеспечивающего существование и развитие общества» [149, с. 374].

Л. Хосмер определяет доверие как «опору человека, группы или фирмы на добровольно принятое на себя обязательство другим человеком, фирмой или группой признавать и защищать права и интересы всех сторон, участвующих в совместной деятельности или экономическом обмене» [Цит. по: 149, с. 393]. Опираясь на «прошедшие проверку

теорией и практикой идеи мировой философии», Л.Хосмер сформулировал десять «вселенских» (экуменических) принципов (аксиом) делового поведения, ориентированного на доверие.

1. «Никогда не делай того, что не в твоих долгосрочных интересах или интересах твоей компании».

2. «Никогда не делайте того, о чем нельзя было бы сказать, что это действие честное, открытое и истинное, о котором можно было бы с гордостью объявить на всю страну, в прессе и по телевидению».

3. «Никогда не делайте того, что не есть добро, что не способствует формированию чувства локтя, чувства того, что все мы работаем на одну общую цель».

4. «Никогда не делайте того, что нарушает закон, ибо в законе представлены минимальные моральные нормы общества».

5. «Никогда не делайте того, что не ведет к большему благу, нежели вреду для общества, в котором ты живешь».

6. «Никогда не делай того, чего ты не желал бы рекомендовать делать другим, оказавшимся в похожей ситуации».

7. «Никогда не делай того, что ущемляет установленные права других».

8. «Всегда поступайте так, чтобы максимизировать прибыль в рамках закона, требований рынка и с полным учетом затрат, ибо максимальная прибыль при соблюдении этих условий свидетельствует о наибольшей эффективности производства».

9. «Никогда не делай того, что могло бы навредить слабейшим в нашем обществе».

10. «Никогда не делай того, что препятствовало бы праву другого человека на саморазвитие и самореализацию» [Цит. по: 149, с. 375–377].

Большинство перечисленных принципов делового взаимодействия прямо соотносятся с принципами интеркоммуникативной стратегии, которая, как мы уже утверждали, является основной коммуникативной стратегией самоактуализирующейся личности.

Основной формой общения самоактуализирующейся личности является диалог. М.М. Бахтин утверждает: «Быть – значит общаться диалогически... Один голос ничего не создает и ничего не разрушает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [12, с. 338–339]. Особенно важным в понимании диалога у М.М. Бахтина является то, что диалог определяется не наличием самих по себе двух или нескольких субъектов, но наличием двух или нескольких полноценных

голосов. Только в этом случае возникают собственно диалогические отношения. Все это позволяет М.М. Бахтину различать внешний диалог (различные понимания развиваются не одним, а двумя реальными собеседниками) и внутренний диалог (различные позиции развиваются одним и тем же субъектом) и показать, в частности, что во внешнем диалоге могут участвовать не два (по числу собеседников), а большее число голосов, то есть показать, как внутренние диалоги собеседников переплетаются во внешнем, переходят в него.

Используя такое понимание диалога на уровне конкретного психологического анализа коммуникации, можно выделить, по крайней мере, три основные формы диалога: «эгоцентрический» диалог, формально-ролевой диалог, межличностный диалог. «Эгоцентрический» диалог характеризуется сохранением лишь видимого паттерна диалога как поочередного говорения, однако фактически может отсутствовать поочередное слушание. В этом случае имеет место скорее обмен монологическими высказываниями, односторонняя декларация своей позиции, мнения, требования, решения и т.д. без соотнесения с позицией, мнением, решением партнера. Такая форма диалога свойственна общению «эгоцентриков». «Эгоцентрическая доминанта формирует восприятие другого по типу «Двойника»: вместо собеседника человек видит свою проекцию» [126, с. 196], «говорит и бредит сам с собой» [120, с. 335]. В формально-ролевом диалоге различные понимания развиваются уже собеседниками, которые не только говорят, но и слушают друг друга. Однако целью такого и говорения, и слушания является соотнесение и подведение своей позиции и позиции партнера к нормативно установленным позициям и точкам зрения.

И, наконец, только межличностный диалог можно назвать настоящим диалогом, поскольку он есть обязательное сочетание внутреннего и внешнего диалога. В этом виде диалога партнеры не только говорят, не только слушают, но и слышат друг друга. Позиция собеседника оказывается не только понятной, но и эмпатически принятой, а значит включенной во внутреннюю структуру. Внешний диалог «перетекает» во внутренний, и наоборот. Именно такая форма общения свойственна самоактуализирующейся личности «Диалог есть свободное общение свободных людей, коммуникативная .. форма существования свободы» [26, с. 203]. С.Л. Братченко [Там же] выделяет в качестве основных атрибутов межличностного диалога следующие: свобода собеседников, их равноправие (взаимное признание свободы), личностный контакт между ними на основе сопе-

реживания и взаимопонимания. Собеседники в диалоге свободны от внешних, внеличных целей, прагматических интересов, задач убеждения, переубеждения и т.д. Межличностный диалог вообще не имеет никакой конечной цели, хотя это не значит, что решение «внешних» задач из диалога исключается, это значит, что решение этих задач является побочным, неглавным, хотя часто и обязательным результатом реального общения. Это общение центрировано на процессе, а не на результате [Там же, с. 206].

Ведущую роль в диалоге играет свобода самоосуществления, которая определяется как конгруэнтность, подлинность самовыражения, что предполагает веру в себя и доверие к себе, освобождение от страха несоответствия каким-либо внешним заданным нормам, от защит, стереотипов, масок. Межличностный диалог – самоценное, самодетерминируемое и самодостаточное, лично-центрированное общение. Чем ближе общение к этому уровню, тем оно более спонтанно. Содержание диалога может быть любым, но всегда лично значимым для собеседников. В диалог способен вступить человек, готовый к реализации своей свободы во взаимодействии с другим. Игнорирование свободы вынуждает искать источники и средства влияния на человека – внешнюю по отношению к «объекту воздействия» силу, или, наоборот, его собственные слабости, используя которые можно успешно манипулировать его поведением. Сам «объект», не доверяя себе, с готовностью ориентируется на внешнее воздействие.

Для операционализации понятия «равноправие» С.Л. Братченко [26, с. 211–212] предлагает конструкт «коммуникативные права личности», с помощью которого может быть описана система психолого-правовых оснований общения, определяющая границы свободы собеседников таким образом, чтобы обеспечить их взаимодействие на основе взаимного признания и ненасилия. Основные коммуникативные права – это право на собственную систему ценностей, на самодетерминацию, на достоинство и его уважение, на индивидуальность и своеобразие, на независимость, на отстаивание своих интересов. Нарушение этих прав деформирует коммуникативное пространство и изменяет качество общения.

Одной из центральных проблем диалога и одновременно одним из источников и механизмов личностного роста является согласование собеседниками своих прав и свобод. Социальность человеческого существования заключается в том, что это всегда сосуществование; свобода каждого человека неизбежно взаимосвязана и постоянна.

но соприкасается со свободой другого. Поэтому возможности неагрессивной самореализации во многом определяются культурой межличностных границ – способностью к их оптимальному определению в каждой конкретной ситуации. Коммуникативные права и ответственность призваны зафиксировать границы свободы субъектов и осуществить переход к невластным отношениям. Это и значит перестать относиться к другому, как к вещи, и признать его субъектность. В реальном общении достижение равноправия представляет собой сложную проблему, особенно в ситуациях, где собеседники имеют определенные признаки неравенства. Ответственность за реализацию коммуникативных прав и способ их применения определяется самим субъектом этих прав исходя из собственного понимания конкретной ситуации. Например, личность может добровольно отказаться от своих прав, сократить пространство своей свободы. Личность свободна ослабить степень диалогичности своего участия в общении или даже вовсе отказаться от диалога.

С точки зрения гуманистически ориентированных психологов, самоактуализационный уровень дает человеку совершенно иные возможности развития и проявления его сущности, а именно отсутствие каких-либо ограничений для развития. Однако, по мнению некоторых представителей отечественной психологии, этот уровень в развитии личности не является высшим, предельным. Б. С. Братусь отмечает, что «гуманистическая психология – порождение антропоцентрического сознания. Человек здесь поставлен на пьедестал, его «Я», «самость» – единственные и конечные ценности... Это линия, с неизбежностью ведущая к индивидуализму и в конечном итоге опять к одиночеству человека, замыканию на этот раз на своем самосовершенствовании ради самосовершенствования... Вместе с этим уходят сакральность и тайна, метафизический, духовный компонент развития» [23, с. 39].

2.9. ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Психологическое описание духовного пространства представляет собой известную трудность в связи с целым рядом причин как методического и методологического, так и гносеологического порядка. В силу царившей несколько столетий естественнонаучной методологии («картезианское» мышление) в области научных исследований, крайним выражением которой являлась позитивистская па-

радика (О. Конт), такие категории, как дух, духовность, были фактически исключены из сферы психологических исследований, за которыми признавался статус научных. Эти категории разрабатывались в рамках религиозных традиций, религиозной философии или же в парааналитической системе, получившей название эзотерической психологии.

В последние годы в связи со сменой парадигмы наблюдается бурное развитие исследований духовной сферы человека, попытка освоить и осмыслить эти понятия в научных, прежде всего психологических, терминах. Эти попытки привели к оформлению новых школ и направлений: трансперсональной психологии в США, обращающейся к принципам восточных философско-религиозных систем [см. 141, 118, 119, 122], и христианской психологии [см. 84, 90 и др.] у нас в стране, опирающейся на православную религиозную традицию и философские взгляды русских религиозных философов [см. 15, 53, 127, 128 и др.]. Подобный «религиозный уклон» вполне понятен, поскольку любая попытка ввести в научный обиход некоторые новые для данной конкретной науки предметные сферы начинается с обращения к тем областям знания, в которых эти предметные сферы уже были представлены.

Развитие представлений о духовности в этом контексте часто сопровождалось прямым заимствованием, смешением религиозных и научных понятий, методов, принципов, что привело исследователей к осознанию необходимости дифференциации научно-психологического направления исследования проблемы от религиозно-психологического. И сейчас появились и продолжают появляться работы, пытающиеся рассматривать категории духовности, духа, души как научно-психологические [см. 22, 37, 50, 52, 57, 100, 144, 155 и др.]. В качестве одного из примеров таких подходов можно привести транскомуникативный подход В.И. Кабрина, который в ряде своих работ [54, 55, 56, 57] для описания духовного пространства человека вводит в психологический контекст такие понятия, как человек нозетический, ноззис, ноология, которые являются производными от древнегреческого философского термина «нус» (Nous). Это понятие, как подчеркивает автор, является таким «смысловым символом, который полностью перевести в наш культурный контекст можно только синтезом: интуиция-мысль-разум-сознание-мудрость-дух. При этом акцентирована не столько рациональная, сколько интуитивная и духовная основа Ноззиса (процесса постижения духовной, божественной сущности человека и космоса)» [55,

с. 48]. Другие современные исследователи продолжают линию исследований духовности в тесной связи с религиозностью, при этом, зачастую формально, не возражают против возможности существования нерелигиозных форм духовности. Так, Р. Эммонс, представитель позитивной психологии, пишет: «Хотя мой интерес... связан преимущественно с «религиозной духовностью», несомненно, и другие, нерелигиозные, гуманистические варианты духовности могут окрашивать человеческие стремления... Как и при любом научном рассмотрении духовных и религиозных процессов, обсуждая их, мы не делаем никаких допущений относительно существования духовных реальностей или притязаний на истину любой конкретной религиозной системы» [154, с. 181].

Другой, еще более существенной трудностью исследования проблемы духовности является положение о принципиальной «беспредельности», «неопределимости» духовного Я человека. «Психология не может претендовать на определение понятия «духовное Я» хотя бы потому, что «определить» – значит положить предел беспредельному» [126, с. 197]. Однако это не может и не должно служить поводом для отказа от исследований в этой области. Это должно лишь служить поводом для отказа от позитивистской, сциентистской методологии, которая действительно оказывается неадекватной духовной реальности человека. На нынешнем, постнеклассическом, этапе в развитии психологии уже сформулированы те методологические и теоретические положения, которые позволяют подойти к научному исследованию духовности человека. И современная психология предлагает целый спектр таких подходов. Среди них можно назвать некоторые направления в экзистенциальной психологии [88, 115, 160]; трансперсональную психологию [41, 42, 118, 119, 122, 197, 198], предлагающую конкретно-практические методы постижения высшего Я; антропологическую психологию (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев) [109, 110, 111]; христианскую психологию (Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, Т.И. Флоренская и др.) [84, 90], транскommункативный подход (В.И. Кабрин) [57]; психологию высших устремлений человека Р. Эммонса [155], разрабатываемую в рамках американской позитивной психологии, и др.

Свидетельством актуальности и значимости проблемы высших сфер человеческого существования, духовных, ноэтических проблем человека в современном психологическом знании является не только количество вновь возникающих теоретических подходов, не только

«лавинообразное» появление публикаций на эту тему, но и то, что ученые полемизируют друг с другом, активно относятся к высказываемым идеям, ведут научный диалог, высвечивая все новые и новые грани проблемы духовности. В качестве примера активного противостояния, критики методов исследования духовной сферы человека некоторыми методами трансперсональной психологии можно привести позицию Т.И. Флоренской: «Распространенным недоразумением является в наше время стремление к искусственному раскрытию в себе разного рода «экстраординарных способностей» псевдодуховного характера, что может привести к расстройству психики. Подлинно духовное раскрытие личности совершается естественным путем, по мере ее совершенствования и преодоления ею именно тех честолюбивых стремлений, которые реализуются в «овладении» экстраординарными способностями» [126, с. 197]. И далее Т.И. Флоренская предлагает иные, нежели в трансперсональной психологии, методы постижения высшего Я человека. «Духовное Я не может быть объектом познания уже потому, что оно выходит далеко за пределы сознания. Оно может быть лишь «субъектом обращения» (М.М. Бахтин). Поэтому диалогический подход в практической психологии – единственно возможный путь приближения к духовному Я, общения с ним. Тем более, не может духовное Я быть «управляемым» и «формируемым» со стороны ни самого воспитателя, ни самого субъекта» [Там же, с. 197].

Несмотря на различие точек зрения, подходов, методов исследования высших уровней человека, можно выделить ряд методологических положений, которые становятся основой для исследования духовной сферы человека.

1. Безусловное наличие высших трансперсональных сфер бытия человека. «Онтологическая потребность человека в трансцендировании, реальное существование которой подтверждается колоссальным эмпирическим материалом, будет независимо от позиции ученых побуждать человека искать объект, могущий ее удовлетворить» [149, с. 390]. «Будучи базовой категорией человеческого опыта, духовность обнаруживается через высшие устремления, центрированные на сакральном» [155, с.201].

2. Пути индивидуально-практического достижения и проявления духовности в человеке и путь научно-психологического исследования духовности оказываются максимально сближенными. Работающий в новой парадигме «исследователь учтет опыт самонадеянных

предшественников и не будет, скорее всего, стремиться полностью объяснить, понять, раскрыть и преобразовать действительность. Он будет стремиться к ее «постижению», ограниченному собственными возможностями и непостижимыми до конца законами человеческого бытия» [149, с. 389].

3. Для описания духовного пространства человека традиционный, классический научно-психологический язык оказывается неадекватным. Отсюда возникает необходимость как введения в научный оборот новых понятий, так и пересмотра старых, традиционных психологических понятий и категорий в контексте этой «новой» психологической реальности.

Наряду с вышеназванными общими методологическими положениями современные исследования позволяют уже дать и некоторое конкретно-психологическое описание духовной сферы человека. Этот уровень характеризуется преодолением и снятием всех и всяческих границ, разделений, дихотомий и противоположностей. Человек одновременно становится максимально дифференцированным и максимально интегрированным. На этом уровне постигается единство и неразделенность мироздания, а видимый, чувственно воспринимаемый мир «становится», осознается как различные необходимые проявления единого Бытия. Человек вновь, как в младенчестве, «соединяется» с миром, ощущает мир как свое продолжение, а себя как продолжение мира. Р.Эммонс утверждает, что, «возможно, самой важной из функций духовности... является то, что она способна придать личности внутреннюю согласованность» [155, с. 209]. Опираясь на исследования Г. Олпорта [161] и П. Тиллиха [115], он делает вывод о том, что религия или духовность может дать единую философию жизни и служить объединяющей и стабилизирующей силой перед лицом постоянного давления среды и культуры в направлении личностной фрагментации. «Когда люди направляют свою жизнь на достижение духовных целей, им свойственно воспринимать свою жизнь как стоящую, единую и осмысленную» [155, с.201].

На духовном уровне цель становится равной способу и принципам существования, которые можно определить как Любовь. Многие из философов и психологов пытались проникнуть в тайну любви. И первое, что они отмечали, – это, если можно так выразиться, «всеобщность» любви. С.С.Аверинцев определяет любовь как «интимное и глубокое чувство, устремленность на другую личность, человеческую общность или идею» [1, с. 211]. В этом определении нам сей-

час важно акцентировать внимание на этом перечислении – личность, человеческая общность, идея. То есть любовь отнюдь не ограничивается межличностными отношениями, но пронизывает всю жизнь и все сферы существования человека. Э.Фромм также утверждает, что любовь – это не обязательно отношение к определенному человеку; «это установка, ориентация характера, которая задает отношение человека к миру вообще, а не только к одному «объекту» любви. Если человек любит только кого-то одного и безразличен к остальным близким, его любовь – это не любовь, а симбиотический союз» [133].

Другая особенность любви состоит в ее интегрирующем потенциале. «Важность и сложность явления любви определяется тем, что в нем, как в фокусе, *пересекались* (курсив мой. – О.М.) противоположности биологического и духовного, личностного и социального, интимного и общезначимого. С одной стороны, половая и родительская любовь включает в себя здоровые биологические инстинкты, общие у человека с животными, и немыслима без них. С другой стороны, любовь к идее может представлять собой интеллектуальный восторг, возможный только на определенных уровнях культуры» [1, с. 211]. Значимость этой интегрирующей функции любви нельзя не подчеркнуть, находясь в области психологических исследований. Ведь все без исключения психологические теории утверждают, что психическое (психологическое, личностное и пр.) здоровье определяется целостностью, интегрированностью психики и личности. То есть любовь не только пронизывает всю жизнь человека, но и является условием и основой психологического здоровья и благополучия человека.

Еще один важный аспект исследований любви заключается в попытке выделить виды любви, описать особенности каждого из видов, определить менее и более совершенные ее формы. Разработанная терминология различных типов любви существовала еще в древнегреческом языке, в котором разделялись понятия эроса, филиа, фторгэ и агапэ. С.С. Аверинцев [1] дает следующие варианты определений каждого из видов. ««Эрос» – это стихийная и страстная самоотдача, восторженная влюбленность, направленная на плотское и духовное, но всегда смотрящая на свой предмет «снизу вверх» и не оставляющая места для жалости и снисхождения. «Филиа» – это любовь-дружба, любовь-приязнь индивида к индивиду, обусловленная социальными связями и личным выбором. «Сторгэ» – это любовь-нежность, особенно семейная, «агапэ» – жертвенная и снисходящая любовь к «ближнему».

Новейшее время, время массовой культуры и гламура, характеризующееся профанированием высших идеалов, которые человечество в муках страданий рождало в течение даже не сотен, а тысяч лет, сделало актуальным еще один «классификационный вопрос» – вопрос различения секса и любви. Именно наше время породило чудовищный эвфемизм «заниматься любовью», который «превращает» любовь в некую гедонистическую «физзарядку». «Современные парадоксы любви и секса отличаются одной общей чертой, а именно *банализацией и секса, и любви*. Притупляя чувства во имя улучшения показателей, используя секс как орудие самоутверждения, пряча чувствительность под слоем чувственности, мы выхолостили и опустошили секс. В банализации секса нам активно помогают средства массовой информации, которые нас к этому и подстрекают. У переполняющих полки книжных магазинов книг о сексе и о любви есть одна общая черта – они предельно упрощают и любовь, и секс, представляя эти явления, как что-то среднее между игрой в теннис и страхованием жизни» [88].

Р. Мэй [Там же] очень точно определяет различия психологической природы секса и эроса. Секс имеет «зоологическую» природу и «представляет собой нарастание напряжения в теле человека и снятие этого напряжения. Эрос же, напротив, является переживанием личностных интенций и смыслов акта. Если секс есть ритм стимула и реакции, то эрос есть состояние бытия. Фрейд, а вслед за ним и другие, определяли удовольствие от секса, как снятие напряжения; что касается эроса, то здесь мы, напротив, не хотим спада возбуждения и стараемся его удержать, погрузиться в него и даже его усилить. Конечная цель секса – удовлетворение и расслабление, в то время как эрос – это желание, стремление, вечная тяга к расширению горизонтов». «Эрос есть стремление человека посвятить себя понску *arete*, благородной и праведной жизни» (*arete* – гр. добродетель)

Э. Фромм [133], осуществляя попытку дать психологическую классификацию любви в зависимости от «предмета» любви, выделяет такие виды любви, как братская любовь, материнская любовь, эротическая любовь, любовь к себе, Любовь к Богу. При этом он утверждает, что любовь есть не проблема объекта, а проблема субъекта, то есть он ставит проблему любви как проблему способности и умения, то есть «искусства любить». В чем же, по мнению Э. Фромма, состоит это искусство? Чтобы обозначить специфику истинной любви, он противопоставляет ее незрелым формам любви, которые

он называет симбиотическими. Если в симбиотическом союзе человек фактически «сбегает» от проблемы собственной жизни, собственного существования¹, то зрелая любовь – это прежде всего «форма продуктивной деятельности. Она предполагает проявление интереса и заботы, познание, душевный отклик, изъяснение чувств, наслаждение и может быть направлена на человека, дерево, картину, идею. Она возбуждает и усиливает ощущение полноты жизни. Это процесс самообновления и самообогащения» [Там же]. Разрабатывая проблему истинной любви как практическую, Э.Фромм, во-первых, выделяет четыре эмпирических признака зрелой любви. Это – забота, уважение, ответственность и знание. Во-вторых, он формулирует ориентиры-требования для тех, кто хочет научиться этому искусству. Это – дисциплина; сосредоточенность; терпение; заинтересованность в обретении умения любить; смирение; вера в человека как убежденность в его потенциале; активность, прежде всего, как внутренняя мобильность, созидательное использование своих сил.

Обобщая представленные выше взгляды на феномен любви, можно увидеть, что, несмотря на различие этих взглядов, для них характерно, во-первых, отличие истинной любви от суррогатных ее видов, а во-вторых, констатация того, что только истинная, зрелая любовь обладает тем самым интегрирующим потенциалом, который может обеспечить не только плодотворное единение в контексте социального существования человека, но и целостность его личности, индивидуальности. «Истинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом Я и, однако, в этом же исчезновении и забвении впервые обрести самого себя и обладать самим собой» [Цит. по: 1, с. 212]. В этих словах Гегеля, под которыми подпишется любой серьезный исследователь, отражен и процесс, и механизм, и главный результат любви – обретение человеком самого себя.

Описывая представления и приводя цитаты ученых – философов, культурологов, психологов, – уместно вспомнить известный тезис В.Б. Шкловского о том, что «наука не открывает истину, она лишь ее уточняет», и обратиться к исходному «определению» любви, которое дал апостол Павел. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал

¹ Исключение составляют отношения матери и младенца, для которого симбиотические отношения являются естественным начальным этапом на пути развития, но которые, тем не менее, должны быть преодолены в ходе социализации

звучащий. Если имею *дар* пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что *могу* и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, в любви не имею, нет мне в том никакой пользы. || Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь на превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится [1 Кор. 13: 1–8].

Коммуникация человека, живущего по принципам духовного пространства, определяется особым духовным состоянием, состоянием любви, которое и придает особую «ауру» всему пространству коммуникации. Феноменологически это выражается в безусловном принятии (смирении) себя, других, ситуации, мира вообще. Безусловное принятие себя и другого означает то, что человек в любой ситуации видит себя и другого как «растущего индивида», смысл существования которого – обретение Любви и как цели, и как способа существования. Духовно ориентированный человек принимает именно эту имманентно присущую сущностную характеристику себя и другого. И в этом смысле он видит всех людей объединенными одной общей целью. Но духовно ориентированный человек, видя эту одинаковую для всех цель развития, безусловно, принимает также и индивидуальность пути, и свободу выбора каждого человека на этом пути. «Его отличает скромность и смиренномудрие, милосердие и терпимость к недостаткам и слабостям других» [23, с. 197].

Однако наряду с внутренним смирением и принятием мира и людей такими, каковы они есть, духовно развивающийся человек отличается активностью («побеждай любя»), духовной мощью, которая выражается в служении людям. «Духовно ориентированный человек стремится обожить мир, поднять, возвысить себя и мир к Богу, дабы воля Его была «яко на небеси и на земле»» [Там же, с. 45]. Таким образом, можно утверждать, что главной коммуникативной стратегией духовно развивающегося человека является транскоммуникация в полном соответствии со значением приставки транс-, то есть это – коммуникация, выводящая за пределы, переводящая *через* границы, преодолевающая разделенность, разобщенность, фрагментарность.

Общение в этом случае с необходимостью приобретает два плана, два слоя. Человек, для которого характерно следование принципам духовного пространства, безусловно, принимает духовное Я своего партнера, однако может или даже должен не принимать какие-либо его действия, поступки, эмоции, поведение, детерминированное наличным актуальным. Я.В. Фрайкл пишет, что нельзя не замечать «мудрости, содержащейся в предупреждении Гете: «Если мы принимаем человека таким, какой он есть, мы делаем его хуже; если мы принимаем его таким, какой он должен быть, мы помогаем ему стать таковым» [130, с.22]. Это вовсе не означает осуждения, негативной оценки, это означает лишь одно: оцениваются поведение, реакции, поступки как способствующие или неспособствующие продвижению и актуализации духовности в человеке. Отсюда целью общения духовного человека с партнером становится организация такого взаимодействия, которое бы приблизило партнера к осознанию и актуализации своей истинной духовной природы. Духовный человек использует в своем общении широчайший спектр коммуникативных стратегий и коммуникативных позиций, начиная со стратегии, основанной на уважении и доверии, и заканчивая манипулятивными или даже доминирующими стратегиями. Характерным является то, что ни авторитаризм, ни манипуляции, ни даже доверие не являются самоцелью, но являются средством утверждения Любви, продвижения и себя, и партнера на пути к духовности, средством, которое в данной ситуации, на данном уровне развития партнера является наиболее эффективным для осуществления главной цели.

2.10. КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛИ ОСНОВНЫХ ПРОСТРАНСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Проведенный выше анализ понятий «сущность человека», «личность» и «общение» позволяет ответить на те вопросы, которые были поставлены в начале главы. В представленной модели основных пространств существования человека такие характеристики, как личность и общение в конечном итоге являются теми средствами и механизмами, которые проявляют, осуществляют, высвечивают или «видовую» (животную и социально-ролевую) или «родовую» (самоактуализационную и духовную) сущность человека. Главным смы-

словым модусом признается модус развития, тогда как модус сохранения является лишь необходимым условием существования. Целью и смыслом человеческой жизни является становление и реализация истинно человеческого в человеке; операционально это можно определить, как проявление самоактуализационного и духовного психологических комплексов.

Исходя из этих положений проблема определения «эффективности» общения и, как следствие, проблема коммуникативной компетентности решается следующим образом. Общение будет настолько эффективным, насколько в этом процессе партнерам удастся актуализировать свою индивидуальность или проявить свою духовную природу, а это означает, насколько им удастся сделать еще один шаг в своем развитии.

Очевидно, что применение эффективных коммуникативных стратегий оказывается принципиально важным, прежде всего, в педагогическом общении (в самом широком смысле слова: педагогическое общение – это любое общение взрослого и ребенка, а не только учителя и ученика). Т. Гордон [171], анализируя проблему педагогического общения, главным критерием его компетентности назвал сохранение внутренней свободы партнера по общению. Когда учитель взаимодействует с учеником, он может настаивать на своем, требовать, угождать, оправдываться, он может говорить тихо или громко, спокойно или взволнованно. Не это определяет качество общения. Правильным считается такое общение, в результате которого ученик и учитель не теряют *внутренней* свободы. Думается, что приведенное выше положение верно не только для педагогического общения. Эта идея достаточно проста и прозрачна. Однако, как это часто бывает с простыми и красивыми идеями, реализовать ее на практике оказывается чрезвычайно сложно. И эту сложность определяют как минимум два связанных друг с другом фактора – микро-социальный и макросоциальный.

А.Б. Орлов, формулируя положения концепции личности и сущности человека, пишет: «Внутриличностные по своей природе процессы возникновения и развития «персоны» и «тени» в личности человека обусловлены обстоятельствами, относящимися к плану межличностных отношений. «Персона» и «тень» личности складываются тем самым не по своей внутренней логике, но в силу причин, имеющих коммуникативную природу и межличностное происхождение. Они возникают в личности ребенка исключительно потому,

что он вынужден общаться со взрослыми, уже имеющими свои «персоны» и «тени». Ребенок вынужден постепенно отказываться от своего универсального «клика», от своей исходной, базовой личности, состоящей из гармоничных мотивационных отношений, функционирующих в логике «ценностного процесса» (К. Роджерс), и вырабатывать «взрослую» личность-индивидуальность, складывающуюся главным образом из «персоны» и «тени» и функционирующую в логике «ценностных систем», то есть фиксированных «позитивных и негативных» ценностей» [94, с. 9]. Таким образом, в уже выросшем, сложившемся субъекте обнаруживаются внутренние психологические дефекты в виде дезинтегрированной личности или определенных коммуникативных стереотипов, не позволяющие такому человеку быть конгруэнтным, аутентичным, общаться открыто, свободно, эмоционально наполненно и т.п.

Другим фактором, затрудняющим использование субъектом эффективных стратегий, является такой макросоциальный фактор, как общественные цели и ценности, соотносящиеся с уровнем развития общества. Человечество на протяжении всей своей истории искало наиболее эффективные формы общественного устройства. Несмотря на то что эти поиски продолжаются и по сей день, современная философия, наука и практика (речь идет не только о западной цивилизации) признают в качестве наиболее эффективной формы общественного устройства демократическое общество. Так называемые демократические свободы, предоставляемые каждому члену общества, являются минимальной базой всех других свобод человека и создают необходимый фундамент для индивидуально-психологического развития членов общества. Здесь надо отметить, что речь идет об индивидуально-психологическом развитии как о массовом явлении, а не как об экстраординарных случаях «выпрыгивания» из сложившейся социально-психологической структуры, которые, конечно же, можно наблюдать как единичные явления в любых экономических, социальных, политических условиях. Эта связь между возможностями индивидуального развития и общим уровнем развития общества подчеркивается в конкретных психологических и социально-психологических исследованиях. Так, А. Маслоу считает, что актуализация высших потенциалов в общей массе возможна только при «хороших условиях. Или, более точно, людям нужно «способствующее» общество, в котором можно раскрыть свой человеческий потенциал. С этой точки зрения, ни одно общество в человеческой

истории не предоставляло оптимальной возможности для самоактуализации всех его членов, хотя, надо признать, некоторые все же намного лучше других в смысле обеспечения условий для самосовершенствования индивида» [183]. Пытаясь определить критерии психического здоровья, Э. Фромм отмечает: «Термин «нормальный (или здоровый) человек» может быть определен двумя способами. Во-первых – с точки зрения функционирующего общества – человека можно назвать нормальным, здоровым, если он способен играть социальную роль, отведенную ему в этом обществе... Во-вторых – с точки зрения индивида – мы рассматриваем здоровье, или нормальность, как максимум развития и счастья этого индивида.

Если бы структура общества предлагала наилучшие возможности для счастья индивида, то обе точки зрения должны были бы совпасть. Однако ни в одном обществе мы этого не замечаем, в том числе и в нашем. Разные общества отличаются степенью, до которой они способствуют развитию индивида, но в каждом из них существует разрыв между задачами нормального функционирования общества и полного развития каждой личности, этот факт заставляет прочертить резкую границу между двумя концепциями здоровья. Одна из них руководствуется потребностями общества, другая – ценностями и потребностями индивида» [132, с. 36]. В этом положении Э. Фромм подчеркивает, что до тех пор, пока существует разрыв между «целями» общества и «целями» индивида, будет присутствовать ситуация внутреннего выбора индивидуальной цели, и значит, внутренний конфликт, разрешение которого зачастую осуществляется отнюдь не в пользу актуализации человека, но в пользу общественных целей. Таким образом, общество, общественные требования кладут предел и могут препятствовать возможностям личностного и коммуникативного развития человека.

Российский социальный психолог П.Н. Шихирев, выделяя основные источники и факторы, обуславливающие формирование доверия в межличностном взаимодействии (а доверие, как выше было определено, является одним из главных принципов интеркоммуникативной стратегии), в качестве основного называет «общий уровень доверия между людьми, достигнутый в данной социальной системе, или общий объем доверия как «социального капитала»» [149, с. 378].

Предложенная выше модель психологической структуры человека позволяет сформулировать основные типы проблем, которые решаются в каждом конкретном акте коммуникации. Эти проблемы можно прямо соотнести с теми основными психологическими уровнями, в рамках которых человек осуществляет себя в процессе жизни. Это, во-первых, «эгоцентрические» проблемы, то есть проблемы сохранения. Эгоцентрический комплекс должен «включаться» тогда, когда имеется прямая угроза целостности индивида со стороны партнера, а все попытки перевести коммуникацию на более высокий уровень терпят неудачу в связи с жесткой авторитарной коммуникативной позицией партнера. В этом случае единственным выходом остается применение «адекватных» мер в целях самосохранения.

Вторым типом коммуникативных проблем являются функционально-ролевые (формально-ролевые) проблемы, отвечающие задачам «организации согласованного действия». Чаще всего эти проблемы являются доминирующими в трудовых ситуациях, в которых необходимость решения групповых (производственных, научных, политических и т.д.) задач заставляет человека действовать в соответствии с групповыми целями, нормами, правилами, социальными ролями часто в ущерб возможностям развития партнеров, участвующих во взаимодействии.

Третьим типом проблем, которые решаются в ходе общения, являются самоактуализационные проблемы. Эти проблемы должны стать главными в межличностном взаимодействии, и его качество определяется тем, насколько в нем удастся решить задачу развития партнеров, участвующих в общении. Очевидно, что самоактуализационные проблемы, должны стать ведущими в любых формах педагогического общения, так как главной, конечной задачей педагогической практики является развитие и рост, а вовсе не формирование знаний, умений и навыков.

И, наконец, четвертым типом проблем можно назвать духовные проблемы, решение которых в индивидуальной жизни обеспечивает разотождествление наличного и духовного Я, осознание духовного единства всех людей, стремление возвысить себя и другого в Духе на основе внутреннего (но не обязательно внешнего) принятия. Все это в христианской литературе определяется утверждением, что человек есть «образ и подобие Божье». То есть решение духовных

проблем в общении позволяет партнерам высветить друг в друге образ Божий и стяжать Его подобие.

Несмотря на то что общепсихологический анализ проблемы коммуникативной компетентности заставляет признать компетентным лишь такое общение, в рамках которого имеется возможность для личностного развития партнеров, социально-психологический анализ этой проблемы не может не учитывать ситуативные аспекты коммуникации, коммуникативную проблему, решаемую субъектом здесь-и-теперь, и коммуникативную позицию партнера.

Опираясь на выше сформулированные положения, можно уточнить определение коммуникативной компетентности. Это – способность человека использовать коммуникативную стратегию наивысшего возможного в данной ситуации уровня, который определяется уровнем решаемой коммуникативной проблемы и коммуникативной позицией партнера, или по-другому коммуникативную компетентность можно определить как коммуникативную гибкость субъекта, которая определяется, во-первых, наличием в арсенале личности всех возможных коммуникативных стратегий, во-вторых, реализацией коммуникативной стратегии максимально высокого уровня, возможного в данной ситуации, которая, в свою очередь, определяется уровнем решаемой проблемы и коммуникативной позицией партнера, в-третьих, адекватным использованием приемов, техник общения, соответствующих конкретному моменту самого процесса общения.

Список рекомендуемой литературы

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. – М., 1984 – 200 с.
2. *Начала христианской психологии* / Под ред. Б.С. Братуся, В.Л. Воейкова, С.Л. Воробьева и др. – М., 1995. – 340 с.
3. *Орлов А.Б.* Психология личности и сущности человека. Парадигмы, проекции, практики: Учеб. пособие для студ. психол. фак. вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 2002 – 272 с.
4. *Психология личности* / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря, В.В. Архангельской. – М., 2009. – 624 с.
5. *Психологический универсум образования человека нонтического* – Томск, 1999 – 384 с.
6. *Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии*. – М., 1997.
7. *Психология и этика: опыт построения дискуссии* – Самара, 1999. – 128 с.
8. *Роджерс К.Р.* Клиентцентрированная терапия. – М., 1997 – 398 с.
9. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М., 1994 – 480 с.

10 Фромм Э Человеческая ситуация. – М., 1995 – 241 с.

11. Хьелл Л., Зиглер Д Теории личности. СПб., 2007. 606 с.

12 Шихирев П Н Современная социальная психология – М.; Екатеринбург, 2000. – 447 с

Контрольные вопросы

Первый уровень

1. Обоснуйте необходимость исследования проблемы КК как проблемы общей психологии.

2. Обоснуйте возможности развития человека в функционально-ролевом пространстве.

3. Какие пространства существования являются специфичными только для человека, а какие свойственны и для человека, и для животного?

4. Какие формы и стратегии общения характерны для человека в разных психологических пространствах?

Второй уровень

1. Как соотносятся понятия «сущность», «личность», «общение»?

2. Какие, с вашей точки зрения, психологические школы исследуют функционирование человека в эгоцентрическом, функционально-ролевом, самоактуализационном, духовном пространстве?

3. Определите особенности общения людей, находящихся в: а) эгоцентрическом; б) функционально-ролевом; в) самоактуализационном; г) духовном пространстве.

4. Что, с вашей точки зрения, является интегрирующей психологической структурой в каждом из пространств существования человека?

3. ТРЕНИНГ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

3.1. ФОРМЫ ГРУППОВОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

В современной практической психологии одними из самых эффективных методов психологической помощи являются различные методы групповой работы с людьми [65, 106, 136, 159 и др.]. К настоящему времени сложилось множество форм такой работы, основанных на самых различных методологических и теоретических традициях, школах и взглядах, лишь простое перечисление которых, пожалуй, может занять несколько страниц. В связи с этим рациональным было бы ограничиться лишь некоторой классификационной схемой и дальнейшим более подробным анализом только тех видов групповой работы, которые релевантны исследуемой проблеме.

Для обозначения разнообразных форм групповой психологической работы используется довольно большой круг терминов, границы применения которых весьма размыты: групповая психотерапия, психокоррекционные группы, группы опыта, тренинговые группы, группы активного обучения, практические экспериментальные лаборатории. Часто группы одного и того же вида разные авторы называют по-разному. Без сомнения, такое положение с неустоявшимися терминами связано с относительной новизной этой области практической психологии и, в очень большой степени, с тем, что подобные группы работают на стыке психотерапии и психокоррекции, с одной стороны, и обучения – с другой. Вследствие этого употребление любого термина является не вполне адекватным, поскольку чрезвычайно трудно определить, где проходит граница между психотерапией, психокоррекцией, обучением и собственно личностным развитием. Все же, по-видимому, наиболее часто разнообразные формы групповой работы (по крайней мере, у нас в стране) обозначаются понятием «тренинговые группы», или «группы психологического тренинга». Под тренинговыми группами подразумеваются «все специально созданные малые группы, участники которых при содействии веду-

щего-психолога включаются в своеобразный опыт интенсивного общения, ориентированный на оказание помощи каждому в решении разнообразных психологических проблем и в самосовершенствовании» [31, с. 18].

Несмотря на то что границы между различными тренинговыми группами не так ясны, более или менее четко можно разграничить традиционные психотерапевтические группы и так называемые группы опыта (*experiential groups*¹). В отечественной психологии используют другие термины. Так, например, Г.А. Ковалев [60] пользуется термином «группы активного социального обучения», Л.А. Петровская [96] вслед за М. Форвергом использует термин «социально-психологический тренинг». Однако если сравнить определения, которые даются этим типам групповой формы тренинга, то мы обнаружим значительное сходство между ними, поэтому различия носят скорее терминологический, чем содержательный характер.

С. Голберг [170] выделяет некоторые существенные различия между этими группами, касающиеся целей, принципов работы, стратегии ведения таких групп. Например, традиционная психотерапия довольно длительна, а группы опыта имеют тенденцию к сокращению времени проведения курса обучения вплоть до одного дня. В группах опыта цели конкретного участника идентифицируются в самом начале группового процесса, традиционная групповая психотерапия предпочитает работать с материалом прошлого опыта и приводит клиента к осознанию конституциональных ограничений и ограничений самих жизненных ситуаций. Группы опыта организованы по принципу «здесь-и-теперь», который предполагает осуществление участниками сиюминутного выбора и ответственность за последствия своего выбора. В то время как обычные виды терапии направлены на помощь клиенту в адаптации к обществу, группы опыта рассматривают каждую личность как имеющую право и возможность «актуализироваться» в большей степени, чем адаптироваться к властным и жестким требованиям общества.

Лидеры групп опыта часто выступают в качестве моделей самораскрывающихся личностей. Это отличается от традиционной терапии, где руководитель остается, по сути, анонимным человеком, как

¹ Термин *experiential groups* мы используем вслед за К. Рудестамом [106], который употребляет его как обобщенное понятие для обозначения большого количества групп, таких как Т-группы, группы встреч, гештальтгруппы, группы терапии искусством, группы тренинга умений и т.п.

бы «белым экраном». Модель раскрывающегося терапевта впервые была дана в исследованиях К. Роджерса [191], в которых он показал, что наиболее успешен откровенный и настроенный эмпатически терапевт. К. Роджерс утверждает, что заботливый, поддерживающий терапевт может создать атмосферу безусловного принятия, которая помогает клиенту реализовать свои потенции. Тенденция руководителя получить полную свободу, то есть быть самим собой в группе, принимает крайнее выражение в группах экзистенциальной терапии, так как руководитель в этих группах рассматривается как «наиболее опытный пациент» [Там же]. Такие руководители могут подчеркивать свое переживание групповой ситуации с целью содействия и приближения аутентичного восприятия самих себя клиентами группы. Наконец, традиционные терапевтические подходы ориентированы на интеллект, предпочитая иметь дело с сознанием, а не с телом. Группы опыта уделяют особое внимание физическим характеристикам, соматическим ощущениям.

Если теперь вновь обратиться к исследуемой в данной работе проблеме – развитию коммуникативной компетентности, то становится очевидным, что методы, используемые для этих целей, лежат в области методологии групп опыта. Тренинг коммуникативной компетентности имеет дело со здоровыми людьми, ставящими своей целью не столько избавление от психотических и невротических симптомов, терапию личностных расстройств, сколько повышение качества общения, межличностных отношений, жизни в целом. В свою очередь, среди всего разнообразия групп опыта также можно выделить два больших класса – это так называемые группы встреч и группы тренинга умений. Главным идеологом и основателем групп встреч был К. Роджерс, а логическими предшественниками их можно назвать Т-группы и, в большой степени, группы психодрамы и гештальтгруппы. Хотя некоторые авторы склонны идентифицировать группы встреч только с теорией гуманистической психологии, М. Либерман, И. Ялом и М. Майлс [181] выделяют до десяти известных направлений активной социально-психологической подготовки, объединенных под общим названием «группы встреч». Это – Т-группы, гештальттерапия, психодрама, транзактный анализ, эзлен электик, личностный рост, синанон, марафон, психоаналитически ориентированные группы (например, группы телесной терапии, терапии искусством, танцевальной терапии и др.), инкаунтер-тейпс. К этому виду

групп можно отнести и группы экзистенциальной терапии, логотерапии и некоторые другие.

Что же позволяет объединить такое большое количество групп в один класс? Прежде всего – единство целей. Для примера обратимся к тому, как формулирует цели различных групп К. Рудестам. «Целью всех Т-групп является рост личности через расширение сферы осознания себя и других, а также процессов, происходящих в группе. Т-группы используются как лаборатории для развития и отработки умений межличностного общения. Участники группы могут исследовать свои межличностные стили и экспериментировать с ними, устанавливая взаимоотношения с другими членами группы, которые дают обратную связь» [106, с. 84]. «Целью гештальтгруппы является пробуждение организмических процессов в каждом участнике. Долговременной целью группы является достижение личностной зрелости путем избавления от старых непродуктивных форм поведения и создания новых паттернов, и каждый используемый терапевтом прием должен поддерживать члена группы на пути к полному функционированию и аутентичности» [Там же, с. 150]. «Главная цель экзистенциальных консультантов – добиться того, чтобы клиенты переживали свое существование как реальное. В пределах контекста аутентичных отношений экзистенциальные консультанты помогают клиентам противостоять внутренним конфликтам, связанным со смертью, свободой, изоляцией и бессмысленностью, и мириться с наличием этих конфликтов. Консультанты концентрируют свое внимание на ситуациях, сложившихся у клиентов к настоящему времени, и на охватывающих клиентов страхах» [Там же, с. 173]. «Роджеровская концепция основной встречи (речь идет об инкаунтер-группах. – О.М.) содержит веру в рост личности, так как члены группы в общении свободно выражают свои чувства и принимают чувства других. Психологи обращают свое внимание на навыки общения клиента, проявляют эмпатию по отношению к нему без навязывания своих оценочных суждений и поощряют клиента к реализации своего собственного потенциала развития. В отличие от Т-групп инкаунтер-группы фиксируются не на групповом процессе или на процессе развития навыков межличностных взаимодействий, а на поиске аутентичности и открытости во взаимоотношениях с другими. Лидер пытается создать атмосферу безопасности, доверия и помогает ее развитию с целью поощрения свободы выражения членами группы интимных мыслей

и чувств. Роджерс избегает включать запланированные процедуры и упражнения в процесс группового взаимодействия и ориентируется на безусловное позитивное принятие другой личности для того, чтобы сломить сопротивление участников раскрытию личностных установок и включить в групповой процесс всех членов группы» [106, с. 102].

Осуждая чрезмерно рационалистические и бюрократические аспекты современной ему американской культуры, которая отчуждает людей друг от друга и от самих себя, приводит к потере контакта с реальностью, К. Роджерс [191] видел в движении групп встреч величайшее социальное изобретение 60-х годов. Что касается нашей страны, то сегодня, к сожалению, мы повторяем этот путь. Отношения между людьми все более формализуются, принимая подчас предельно уродливые «прагматические» формы, постепенно сходит на нет «институт подруги», и современный российский человек остро ощущает недостаток близкого, интимного общения. Вот почему, видимо, профессия психолога стала у нас в стране востребованной именно сейчас. Люди активно стремятся принять участие в таких группах, где «есть все возможности для быстрого развития близости между людьми, не искусственной близости, а настоящей и глубокой, которая хорошо приспособится ко все увеличивающейся мобильности нашей жизни. И временные взаимоотношения смогут достичь такой глубины и значимости, которая ранее ассоциировалась лишь с подлинной дружбой» [191, р. 268–269].

Из приведенных цитат видно, что, несмотря на различие методов и акцентов, которые имеют те или иные формы групповой работы, все они своей целью ставят личностный рост, развитие аутентичности и спонтанности личности, возможность достижения искренних и открытых межличностных отношений. Итак, целью групповых подходов, о которых шла речь выше, является реализация личностного и коммуникативного потенциала.

Группы тренинга умений основываются на бихевиориальной научной и психотерапевтической традиции. Их целью является обучение приспособительным умениям, полезным при столкновениях со сложными жизненными ситуациями. Эти группы гораздо более структурированы, чем любые из ранее описанных. Группа тренинга умений – это скорее запрограммированный курс обучения, чем серия психотерапевтических занятий. Члены группы рассматриваются скорее как учащиеся, желающие приобрести умения, которые помогут им улучшить свою жизнь и исправить недостатки [166]. Целью

групп тренинга умений является развитие такого поведения, которое рассматривается как желательное либо членом группы, либо обществом в целом. Любой другой эффект группы тренинга – получение удовлетворения от участия, знания о других участниках и общее изменение в развитии личности – рассматривается как побочный продукт специфической цели группы. Группы стараются помочь участникам работать и развить важнейшие эмоциональные и межличностные умения, которые определяются соглашением между руководителем группы и индивидуумом. В отличие от тренера групп встреч руководитель группы тренинга умений должен стараться удержать группу от отклонений от установленной цели в сфере общей личностной перестройки. К видам жизненных умений, которым обучают в группах, относятся: управление тревогой, планирование карьеры, принятие решений, родительские функции, коммуникативные умения, навыки уверенного поведения и др. [164].

В последние годы появилось несколько видов групповой работы, пытающихся совместить приемы и технологию различных тренинговых групп под определенную задачу, то есть авторы этих подходов скорее заботятся не о «методологической чистоте», а о практической пользе. В качестве примера одного из таких подходов можно привести мультимодальную терапию А. Лазаруса [177, 178]. А. Лазарус вводит и обосновывает понятие систематического (технического) эклектизма. Проводя различие между несистематическим и систематическим эклектизмом, А. Лазарус подчеркивает, что несистематический эклектизм характеризуется тем, что консультанты, тренеры не испытывают необходимости ни в логически последовательном объяснении, ни в эмпирическом подтверждении используемых ими техник. Систематический же (технический) эклектизм характеризуется тем, что консультанты руководствуются предпочитаемой теорией, но, кроме того, привлекают техники, применяемые в других видах консультирования. А. Лазарус пишет: «Отличительной чертой технического эклектизма является использование предписывающего лечения, в основе которого лежат эмпирические данные и потребности клиента, а не теоретическое и личностное предрасположение» [179, р. 252]. Технические эклектики главным образом используют когнитивно-поведенческие идеи и техники. Кроме того, они периодически обращаются к школам А. Адлера, К. Роджерса, М. Эриксона, к школам психодрамы, гештальттерапии, терапии реальностью и транзактного анализа, «но не становятся сто-

роиниками какой-либо из этих разнообразных теорий» [91, с. 388]. Консультант в мультимодальной терапии – это «подлинный хамелеон», он изменяет стиль отношений консультант-клиент, чтобы обеспечить высокое качество консультирования, точно соответствующее личности клиента [180].

3.2. ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ ТРЕНИНГА КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Зададимся вопросом, какая же тренинговая стратегия будет наиболее эффективной для развития коммуникативной компетентности? Теоретический анализ проблемы коммуникативной компетентности, проведенный в первых двух главах, показал, что коммуникативная компетентность является интегральным психологическим свойством, включающим в себя множество взаимосвязанных составляющих: личностных, ценностно-смысловых, мотивационных, когнитивных, эмоциональных, поведенческих, поэтому очевидно, что и программа тренинга коммуникативной компетентности должна быть интегративной, то есть работающей с самыми различными психологическими структурами.

Главной трудностью в разработке программы развития коммуникативной компетентности является двойственность онтологического статуса общения. Рассматривая коммуникацию как индивидуально-психологический процесс, компетентным мы признаем такое общение, которое позволяет реализовать родовую сущность человека. При рассмотрении общения как социально-психологического процесса компетентным мы признаем такое общение, которое позволяет организовать согласованное действие. В реальном акте общения достаточно сложно удержать эти два момента, и партнеры или достигают согласия (часто в ущерб актуализации и развитию личности), или же актуализация и развитие личности партнеров происходит на фоне межличностных противоречий, конфронтации и конфликтов, зачастую приводящих к временному или окончательному разрыву отношений. Поэтому главной задачей тренинга коммуникативной компетентности является задача показать возможность и необходимость объединения в реальном процессе общения этих двух, часто субъективно воспринимаемых как несовместимые, целей коммуникации. В этой связи тренинг коммуникативной компетентности не только направлен на личностный и коммуникатив-

ный рост в процессе работы группы, но он должен служить катализатором для организации человеком такого общения в своей повседневной жизни, которое позволило бы ему насколько возможно полно актуализировать свой потенциал и потенциал партнера по общению и одновременно достигать с ним согласия. С учетом таким образом сформулированных целей становится очевидным, что в работе группы ведущему необходимо опираться на самые разные технологии тренинговых групп, таких как личностно-ориентированные группы, группы экзистенциальной терапии, группы тренинга умений, основанных на поведенческом и/или когнитивно-поведенческом консультировании, и некоторые другие. Однако такое смешение технологий не должно приводить к эклектичному смешиванию принципов работы тренера-консультанта и группы в целом. Поскольку коммуникативная компетентность является таким свойством, которое в конечном итоге служит актуализации родовой сущности, переживанию своего существования как реального, «полноценному функционированию человека» (К.Роджерс), работа такой группы должна базироваться на принципах гуманистической и экзистенциальной психологии, главными из которых являются принципы свободы, ответственности, равенства, творчества. Все остальные технологии тренинговой работы могут использоваться только как подчиненные этим базовым принципам. Исходя из вышеперечисленных целей и принципов тренинга коммуникативной компетентности можно сформулировать основные задачи, правила и акценты, на которых базируется работа группы и стратегия тренера.

Задачи тренинга коммуникативной компетентности лежат в трех основных плоскостях психологической реальности человека, явно или неявно выделяемых большинством психологов или психотерапевтов [58, 159]: когнитивной, эмоциональной, поведенческой. Эти три составляющие, во-первых, отражают области изменений, происходящих с личностью в процессе работы в тренинговой группе, во-вторых, сам процесс группового взаимодействия основан на сбалансированном использовании когнитивных, эмоциональных и поведенческих механизмов и, в-третьих, эти составляющие, по сути, отражают поэтапный характер психокоррекционного процесса – от осознания членами группы своих деструктивных коммуникативных стратегий до активизации или выработки новых эффективных форм коммуникативного поведения. Более подробно ожидаемые изменения могут быть сформулированы следующим образом:

1. Познавательная сфера (когнитивный аспект, интеллектуальное осознание). Тренинговый процесс должен помочь члену группы осознать:

- особенности своего поведения и эмоционального реагирования в различных коммуникативных ситуациях, повторяемость, степень адекватности и конструктивности собственных действий и реакций;
- как воспринимается его поведение другими, как реагируют окружающие на те или иные особенности поведения и как оценивают их, какие последствия имеет такое поведение;
- существующее расхождение между декларируемыми оценками и целями своего общения и реальными результатами;
- собственные потребности, стремления, мотивы, отношения, установки, а также степень их адекватности, реалистичности и конструктивности;
- характерные психологические как внутри-, так и межличностные защитные механизмы; собственную роль, меру своего участия и ответственности в возникновении как конфликтных и психотравмирующих, так и продуктивных, эмоционально удовлетворяющих ситуаций.

2. Эмоциональная сфера. В процессе работы группа должна помочь каждому участнику:

- получить эмоциональную поддержку со стороны тренера и группы, пережить положительные эмоции, связанные с принятием, поддержкой и взаимопомощью;
- пережить неадекватность некоторых своих эмоциональных реакций;
- научиться искренности в чувствах к себе и другим людям;
- стать более свободным в выражении собственных позитивных и негативных эмоций;
- научиться более точно понимать и принимать, а также вербализовать собственные чувства;
- раскрыть свои проблемы с сопутствующими им переживаниями (зачастую ранее скрытыми от самого себя или искаженными).

3. Поведенческая сфера. Работа в группе должна помочь участнику:

- увидеть собственные неадекватные поведенческие стереотипы;
- приобрести навыки более искреннего, глубокого и свободного общения;
- преодолеть неадекватные формы поведения, проявляющиеся в тренинговой группе, в том числе связанные с избеганием субъективно сложных ситуаций;

- развить формы поведения, связанные с сотрудничеством, ответственностью и самостоятельностью;
- выработать и закрепить адекватные формы поведения и реагирования на основе достижений в познавательной и эмоциональной сферах.

Все вышеперечисленные задачи характерны для большинства личностно-ориентированных тренинговых групп [58] и являются необходимыми условиями развития самосознания и самоисследования, личностного роста, развития творческого потенциала, изучения психологических закономерностей, механизмов и эффективных способов межличностного взаимодействия для создания основы более эффективного и гармоничного общения с людьми. Наряду с этими общими целями тренинг коммуникативной компетентности предполагает решение специфических коммуникативных задач, которые акцентируют внимание членов группы на следующих аспектах взаимодействия

1. Осознание того, что в процессе общения важно не только и не столько то, что происходит со мной, а то, что происходит между нами. Этот аспект акцентирует внимание членов группы на контакте, на связующей нити, на интерперсональности, на диалоге, и только потом внимание переиосится на отдельных субъектов. Эта мысль блестяще отражена в философской концепции М. М. Бахтина [11] «бытие как общение». Быть, по М. М. Бахтину, – значит общаться; истина не во внеположении субъекту объекте, не в безличной идее, не в безразличных всеобщих субстанциях или энергиях, не во мне, не в тебе и не вне нас, она – между нами, рождающаяся как искра нашего диалогического соприкосновения. Сразу замечу, что реализовать этот аспект в процессе тренинговой работы бывает исключительно трудно, потому что он наименее уловим и отражается скорее на уровне ощущения, чем дифференцированного понимания. Эту трудность в практической работе с группой усугубляет отсутствие удовлетворительных теоретических исследований, господство в социальной психологии «...предметоцентрической установки при взгляде на взаимодействие. В большинстве работ, хотя и применяются в качестве основных такие понятия, как «деятельность», «общение», «взаимодействие», имеется в виду деятельность «для этой вещи», взаимодействие «для этой вещи»» [114]. Фактически психологическая исследовательская мысль тяготеет больше к Канту, чем к Гегелю,

когда «вещь в себе», по словам Декарта, «... не нуждается для своего существования ни в чем кроме самой себя» [43, с. 448].

2. Осознание партнерами по общению того, удалось или не удалось им достичь согласия. Выше уже говорилось о том, что одной из главных социально-психологических целей общения является организация согласованного действия. Следует подчеркнуть, что речь идет именно о согласовании действий, а не мнений и точек зрения, взглядов, что зачастую смешивается, не дифференцируется людьми и приводит к попыткам контролировать внутренний мир партнера, убедить его в том, что он не прав, что должен думать и чувствовать иначе, чем он думает и чувствует. Еще одним важным моментом здесь является осознание расхождения между субъективно воспринимаемым согласием с партнером и объективным, реальным несогласием.

3. Осознание того, на какой личностной основе достигнуто согласие, каковы индивидуальные личностные результаты общения. Общение может разрушать (дезинтегрировать), сохранять или развивать личность партнеров. Соотношение тех или иных личностных тенденций собеседников в процессе общения может быть как одинаковым, так и различным. Так, разрушение личности (например при давлении или манипулировании) одного партнера может сопровождаться разрушением либо сохранением личности другого, сохранение личности одного партнера может сопровождаться сохранением личности другого, и только лишь тенденции развития являются взаимными.

4. Осознание того, какое значение каждый акт общения имеет для моих долговременных отношений. Конкретизировать это положение можно в следующих вопросах: какие чувства и переживания вызывает у меня сам процесс общения; какие чувства и установки (мои по отношению к партнеру и партнера по отношению ко мне) возникают в процессе коммуникации; удовлетворяют ли меня и партнера эти чувства, переживания и установки; что конкретно сделал или сказал я и мой партнер, чтобы они возникли.

5. И, наконец, последним, непосредственно соприкасающимся с предыдущим аспектом, который должен прорабатываться в тренинговой процедуре, является экзистенциальный, онтологический план общения. С моей точки зрения, именно этот аспект является наиболее важным, поэтому остановимся на нем более подробно.

3.3. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ

Основа онтологической, экзистенциальной природы общения дано в целом ряде философских и психологических концепций [10, 11, 27., 35, 69, 145, 146]. Стержень бытия, понимаемый М.М. Бахтиным как событие [11], это противопоставление «Я» и «другого». В переживаемом мире жизни, в бытии-событии существует разноточность единственности «Я» и единственности «другого», различные переживания себя и переживания другого, коренные несовпадения конкретно утверждаемой ценности человека и «моей-для-себя» ценности. «Два принципиально различных, но соотносимых между собой ценностных центра знает жизнь: себя и другого, и вокруг этих центров распределяются и размещаются все конкретные моменты бытия» [Там же, с. 147]. Поэтому диалог – это принцип человеческого существования, где протекает подлинное бытие человека – вовлеченность в отношение к Другому. Диалог, который есть сама жизнь, возможен не только между людьми, но и другими иными существами. Диалог не обозначает простую знаково-символическую коммуникацию, в нем человек входит в отношение события с другой сущностью. Он переживает это состояние единения, которое не есть слияние двух сущностей в одну. Каждая из этих сущностей остается самой собой, но более обогащенной моментом события с «другим», позволяя другому быть и оставаться в его состоянии «другости».

Диалогическая концепция также представлена в работах М. Бубера [27]. Он рассматривает бытие как диалог между Богом и человеком, человеком и миром. В диалоге «Я» утрачивает свою мнимую самостоятельность и находит основания собственного бытия только непосредственным утверждением «Ты». Путь человека, по мнению М. Бубера, – «это всегда путь вместе с другим человеком, это жизнь в общности, это и познание в общности. Человек ничего не может сказать о себе, не соотнося себя с «Другим»: «я становлюсь собой лишь через мое отношение к Ты; становясь Я, я говорю Ты».

Человеку присуще задавать способ существования как мира в целом, так и себя в нем. Эта способность связана с изречением «основного слова» – Я-Ты и Я-ОНО, которые «полагают существование». Пара «Я-Ты» – целый мир, где осуществляется подлинная жизнь-встреча. Во встрече «Я-Ты» нет отношения познания или использования, сущность ее – в ней самой. Вступить в отношения «Я-Ты»

можно при условии признания полной самостоятельности «Ты», «стоящего напротив». В этом утверждении «Ты» во всей полноте и самостоятельности «Я» утверждает и себя во всей полноте и самостоятельности, становится живым и цельным.

В осуществлении присутствия, встречи, отношения «Я-Ты» и существует подлинное настоящее. Но там, где эта встреча не происходит, где существует «Я», к которому не обращено никакое «Ты», — здесь нет настоящего, а лишь прошедшее. Поскольку «человек удовлетворен вещами, которые он познает и использует, постольку он живет в прошлом и его мгновение лишено присутствия» [27, с. 22]. Здесь и возникает отношение «Я-ОНО», которое помещает человека в мир «ставшего», где он — «вещь среди вещей». М. Бубер отмечает, что способ существования в мире «ОНО» предполагает его многообразное «использование» и ориентирование на зримый и конкретный результат «приобретенного опыта». С увеличением объема мира «ОНО» растет способность человека к его познанию и использованию, что одновременно сопровождается ослаблением способности к отношению — единственной способности, благодаря которой становится возможной духовная жизнь человека.

По мнению М. Бубера, в отношении «Я-Ты» человек причастен к Духу, который заключен в его «Я». Но Дух не в «Я», а между «Я» и «Ты», он есть ответ человека своему «Ты». Говоря «Я-Ты», человек освобождается от плена причинно-следственных связей и «превращает в действительность Свободу» [Там же]. Он свободно избирает то, к чему предназначен, и не избегает риска и ответственности, неизбежно связанных с выбором и принятием решения. Воля свободного человека не подвластна произволу своеволия. Такой человек прислушивается к самостановящемуся, к пути бытия в мире, чтобы самому воплотиться так, «как оно, нуждающееся в нем, хочет быть воплощенным — человеческим духом и человеческим деянием, человеческой жизнью и человеческой смертью» [Там же, с. 34]. Своевольному же человеку неведомо единство реальной двойственности «Я» и «Ты», «он знает только лихорадочный мир там, снаружи, и свою лихорадочную жажду использовать его» [Там же, с. 51]. Такой человек не имеет подлинной судьбы, он подчинен определенности вещей и инстинктов и чувствует себя самодержцем, реализующим ее произволом своего своеволия. Злым роком называет М. Бубер состояние мира, в котором находится такой человек. Где

нет места ни жертве, ни милости, нет ни встречи, ни настоящего, и есть только мир, оснащенный целями и средствами.

Г.С. Батищев [10] также обнаруживает подлинное бытие в диалоге, в глубинном общении, которое он определяет как онто-коммуникацию. Человек не может вступить в онто-коммуникацию частично, фрагментарно, не до конца адресуя другому свою обращенность к нему. «В онто-коммуникацию вступить способен только тот, кто отказался от своемерия, не сообщает нечто о чем-то, не внушает правду, не вопрошает о чем-то, ничего не требует, ничего никому не навязывает, не просецирует на другого свое мерило» [Там же, с. 125]. Здесь он являет самого себя, раскрывает правду какова она есть, ставит под вопрос самого себя – проблематизирует себя для другого, раскрывает себя навстречу для другого. В глубинном общении обращенность к другим выступает не в форме человеческой речи или мышления, а как слово-поступок, как «высказывание бытия в его самоадресованности к другому» [Там же, с. 125]. Слово в этом случае есть «дело – делание».

Рассматривая современные философские концепции этической мысли, Т.А. Титова [116] замечает, что в них можно увидеть нечто, что их объединяет, а именно – потребность сформулировать новые нравственные императивы и принципы («благоговение перед жизнью», принцип диалогичности, ответственности перед всем живым и неживым в мире, принцип аутентичности, то есть подлинности). Это инварианты поиска пути, на котором человек может достичь, наконец, своей подлинности в мире. Как отмечает Т.П. Григорьева, «мир живет по имманентным ему законам (внутренне присущим), и человеку, плоть от плоти порождению природы, предназначено следовать ей. Если он этого не делает, то теряет связь с миром и рано или поздно отторгается им за ненадобностью, уступая место другим, более понятливым, высокоорганизованным существам» [39].

Эту же мысль о том, что «*д р у з о й* – не просто персонификатор культуры и источник общественно выработанных способностей, а фундаментальное онтологическое основание самой возможности возникновения человеческой субъективности, основание нормального развития и полноценной жизни человека» [109], высказывают В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев. «Общительность, общность являются сущностным атрибутом человека. Он по самой своей природе есть «бытие для других». Проблема общности поэтому не только социальная или историческая; она при более глубоком рассмотрении

является глубинно экзистенциальной проблемой [Там же, с. 15]. Рассматривая прикладные, психологические аспекты коммуникации, П. Вацлавик и соавторы указывают на невозможность отсутствия коммуникации «...Как бы человек ни старался, он не может не вступать в коммуникацию. Активность или пассивность, слова или молчание – все это передает информацию: влияет на других людей, которые, в свою очередь, не могут не ответить на эту коммуникацию и, следовательно, сами в нее вступают. Необходимо ясно понимать, что если люди просто не разговаривают друг с другом или не обращают друг на друга внимания, это вовсе не опровергает утверждения, сделанные выше. Человек у стойки бара, который смотрит прямо вперед, пассажир, сидящий в самолете с закрытыми глазами, – оба они ясно сообщают, что не хотят ни с кем разговаривать, и окружающие обычно прекрасно понимают эти сообщения и оставляют его в покое. Очевидно, что это такая же коммуникация, как и оживленная дискуссия» [30, с. 57].

В каких формах общения, взаимодействия, отношений видят философы и психологи возможность осуществления подлинного себя? Называя их по-разному – диалог (М.М. Бахтин), «Я-Ты» отношения (М. Бубер), глубинное общение (Г.С. Батищев), любовь (А. Швейцер, Э. Фромм, В. Франкл), ученые принципиально говорят об одном и том же.

1. Эти отношения по своей природе исключают, противоположны вещным, объектным отношениям «Логической противоположностью любви является ненависть или, иначе говоря, Эросу противостоит Фобос (страх); психологически это, однако, означает волю к власти. Где господствует любовь, там отсутствует воля к власти, и где преобладает власть, там отсутствует любовь. Одно есть тень другого» [157, с. 59].

2. В этих отношениях главным является не только признание, но и утверждение «инаковости» другого. «Все его могущество заключается в бытии другим ... Положив дружость другого как тайну ... я не полагаю ее как свободу, тождественную моей и находящуюся в борьбе с ней; я полагаю не иного существующего, противостоящего мне, но дружость» [69, с. 83].

3. В подобного рода отношениях возможно достижение единения, которое не есть слияние двух сущностей. «В отличие от симбиотического союза *зрелая любовь – это союз, условием которого является сохранение целостности и индивидуальности партнеров.*

Любовь – это активная сила, она ломает стены, отделяющие человека от других людей, и объединяет его с ними; любовь позволяет ему преодолеть чувство изоляции и отделенности и в то же время остаться самим собой, сохранить собственную целостность. В любви возникает парадокс: двое становятся одним целым и все же остаются двумя существами» [133].

4. Необходимым результатом таких отношений является обогащение двух существ моментом события, встречи, достижение подлинности своего существования. «Во взаимном отказе от любви, во взаимоотношениях, основанных на принципе «дать-взять», собственная личность каждого замыкается сама в себе. Импульс любви прорывается к тому слою существа, в котором каждый отдельный человек уже представляет больше не «тип», а самого себя, несравнимого, незаменимого и обладающего всеми достоинствами своей неповторимости. Это достоинство есть достоинство ангелов, в отношении которых схоластика утверждала, что они не представляют вид; скорее существует один экземпляр каждого вида» [129, с. 256].

Философский и методологический уровень анализа экзистенциального, онтологического плана общения оперирует очень абстрактными, отвлеченными понятиями, непосредственный перенос которых в практику психологической помощи невозможен. Между тем, по словам В.Э. Чудновского, «чрезвычайно важно «заземлить» эту проблему, рассмотреть ее в свете насущных проблем практики» [142, с. 135]. И если мы ставим своей целью «отработку» в тренинге коммуникативной компетентности этого плана, мы обязаны выделить его атрибутивные, эмпирические корреляты. Можно обнаружить, что конкретно-практических исследований на эту тему не так уж и много, хотя и нельзя сказать, что их совсем не существует. Попробуем выделить основные «темы», которые должны обсуждаться в процессе тренинга и которые «выводят» членов группы на осознание экзистенциального плана своего общения.

Во-первых, это рефлексия и осознание предельного смысла [73] своего общения. Этот аспект достигается за счет переноса с причинно-следственного акцента осознания на ценностно-смысловой, переноса фокуса внимания с анализа прошлого, то есть причин («почему я сделал или сказал нечто?»), на анализ настоящего и будущего, то есть смыслов («зачем, ради чего я это сделал или сказал?», «каковы настоящие и долговременные последствия моих действий или слов для меня, для партнера, для наших отношений?»).

Во-вторых, это ощущение своей аутентичности, подлинности или, наоборот, закрытости, стереотипности, неконгруэнтности. Осознание этого достигается за счет техники разотождествления (Ф. Перлз [95], а также см. [136]), используемой в контексте коммуникации («Кто сказал или сделал это? Ты или твоя обида и злость, твое мнение, твое чувство собственного достоинства, твои знания?.. Если это сказала, например, твое чувство превосходства, что в это время делало твое Я, где в это время был Ты сам?»).

Третьей «темой», выводящей на уровень осознания экзистенциальный план общения, является тема сосредоточенности на партнере (Э. Фромм [133]) и ответственности за него (А. Швейцер [145]). А. Швейцер в своей «Этике благоговения перед жизнью» выдвигает следующий центральный тезис концепции *«Я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить»* [Там же, с. 251]. Человек, действуя по этому принципу, равно относится к любой жизни, не задумываясь, насколько та или иная жизнь заслуживает его усилий, не спрашивая, может ли эта жизнь ощутить его доброту. Нравственное поведение человеческого человека для А. Швейцера – это безграничная ответственность за все, что живет. «Поистине нравствен человек только тогда, когда он повинуетя внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред» [145, с. 253].

Конкретизируя меру сосредоточенности на другом и меру ответственности за другого, следует подчеркнуть, что речь не идет о том, что человек полностью берет на себя ответственность за другого, речь идет скорее о дифференциации, распределении ответственности. В процессе тренинговой работы члены группы должны осознать, что они не несут ответственности за эмоции и переживания (как положительные, так и отрицательные) партнера, так же как и партнер не несет ответственности за мои чувства и переживания. Однако я несу ответственность за то, насколько я способствовал созданию условий, чтобы мой партнер был максимально аутентичен и свободен, насколько мое коммуникативное поведение способствовало или не способствовало тому, чтобы мой партнер взял на себя ответственность за свое поведение, за свои слова, свои решения, свои чувства, свой выбор, насколько я сумел поддержать его в этом.

Следующим моментом, актуализирующим экзистенциальный план общения, можно назвать неожиданное благодарности от другого

в самых разных видах, благодарственных слов, того или иного желаемого нами поведения, определенных качеств другого, материального вознаграждения и т.д. Как утверждает Г.С. Батищев [10], жизнь человека предполагается не в утверждении себя, но в том, чтобы вновь и вновь быть, а это, в свою очередь, требует приоритета абсолютного над относительным, высшего над низшим, более совершенного над менее совершенным, и необходимо соблюдать эту иерархичность каждым своим ответственным поступком. В «глубинном общении» не признается позиция своецентризма и антропоцентризма, оно открывает в других все новые и новые мерила. Человек каждым своим поступком и всей жизнью устремляется к тому, чтобы начать «с себя ради всех других – чтобы от себя потребовать убедительности для других, от себя – бытия достойным и заслуживающим доверия других» [Там же, с. 112]. Для другого дается возможность быть иным – «быть своеобразным субъектным миром» со своими взглядами, со своим ценностным отношением ко всему. Отсюда главным, что должно удовлетворять человека в его общении, становится не получение ожидаемой благодарности от другого, не утверждение своих или партнера желаний, прихотей, мнений, личности, в конце концов, а удовлетворение от того, что ты в меру своих сил и возможностей способствовал утверждению Жизни, бытия в предельном смысле и понимании.

И, наконец, последний момент – осмысление экзистенциального плана своего общения через осознание того, насколько я был терпим и терпелив к себе и другому. Когда человеку нужно терпение? Когда он осуществляет некий процесс, в котором действуют разнонаправленные силы, тенденции, устремления. Здесь должны выступить на сцену терпение и воля, чтобы выбрать какое-либо одно направление и следовать ему. Положение усугублено еще и тем, что эти разнонаправленные силы не берутся ниоткуда извне, они во мне, они в другом, они имманентны жизни, бытию.

Э. Фромм определяет эти разнонаправленные силы как «альтернативу между регрессом и прогрессом, между возвращением к животному существованию и переходом к существованию человеческого» [134, с. 15], Б.С. Братусь [23] – как родовидовое противоречие, А. Швейцер [145] – как противоречие между внутренним побуждением к самоотречению и необходимостью самоутверждения. «В тысячах форм моя жизнь вступает в конфликт с другими жизнью»

ми. Необходимость уничтожать жизнь или наносить вред ей живет также и во мне... Чтобы сохранить свою жизнь я должен оградить себя от других жизней, которые могут нанести мне вред» [Там же, с. 263]. Этот конфликт не может быть разрешен, он всегда будет существовать, поэтому человек *всегда* вынужден выбирать между этическим и необходимым.

Сам факт осознания человеком этого имманентного противоречия делает его терпимым и терпеливым к другому в общении с ним, потому что как я сам, так и другой каждый раз стоит перед сложнейшим выбором: «в какой степени он может остаться этическим и в какой степени он может подчиниться необходимости уничтожения или нанесения вреда жизни и в какой мере, следовательно, он может взять за все это вину на себя» [Там же, с. 263]. Осознание этого противоречия должно сделать человека терпимым и терпеливым и к самому себе. «Этическим человек становится благодаря стремлению сохранять и развивать жизнь, одновременно сопротивляясь необходимости уничтожения жизни». Каждый человек вправе решать, насколько он может следовать этому. Все зависит от личного чувства ответственности перед судьбой других жизней, но в чувстве ответственности заложено чувство вины, совести. Главное, пишет А. Швейцер, «услышать» этот конфликт чувства самоотречения и необходимости самоутверждения. Тогда человек будет жить в согласии с истиной. *Чистой совести у истинно мыслящего человека быть не может, чистая совесть есть изобретение дьявола»* [Там же, с. 274].

Итак, переживание экзистенциального плана общения возможно осуществить через осознание предельных смыслов своего общения; переживание своей подлинности, аутентичности, осознание меры своей сосредоточенности на другом, ответственности за него; осознание своих ожиданий или «неожиданий» по отношению к другому; осознание своей терпимости и терпеливости к другому и к себе.

Следует специально подчеркнуть, что, подчиняясь базовой для нас экзистенциально-гуманистической методологии в работе тренинговой группы, выделенные выше аспекты не должны становиться некими директивами, навязываемыми членам группы, но должны стать пунктами рефлексии, осознания, определения себя в них и принятия на себя ответственности за свой уже осознанный, свободный выбор.

3.4. ЭТАПЫ И МЕХАНИЗМЫ ТРЕНИНГА КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Многолетний опыт работы показывает, что тренинг коммуникативной компетентности в целом включает в себя традиционно выделяемые стадии психотерапевтического процесса [76], однако, с учетом цели данного тренинга каждая из стадий приобретает свою специфику.

Задачей первого – вспомогательного – этапа тренинга является подготовка членов группы к изменениям. Этот этап, в свою очередь, разбивается на две подстадии: 1) принятие правил группы, 2) создание атмосферы доверия, открытости и доброжелательности. Правила формулируются и оглашаются тренером в начале тренинговой работы, обсуждаются и принимаются всеми участниками. Само по себе принятие правил может стать хорошей тренинговой процедурой, в которой актуализируются те или иные непродуктивные установки членов группы, такие как потребительская, эгоцентрическая позиция, нежелание брать на себя ответственность, страх открытости и т.п. Обсуждение правил, поскольку они действуют только в тренинговой группе, также создает установку у членов группы на взаимодействие здесь-и-сейчас. Обязательной процедурой принятия правил, с нашей точки зрения, должна быть следующая: каждый участник, включая консультанта, вслух произносит фразу: «я обязуюсь выполнять те правила, которые мы сейчас приняли». Этот ритуал дает первый групповой опыт принятия на себя ответственности за выполнение договора, а в случае его нарушения кем-либо дает возможность ведущему и другим членам группы апеллировать к правилам как к *общепринятому* кодексу работы группы. Если же эта процедура не будет проведена, а правила лишь огласятся тренером, то возможно возникновение ситуации, когда в середине работы группы кто-либо из участников заявляет, что он с самого начала был не согласен с правилами и сейчас отказывается жить в группе в соответствии с ними. По опыту работы замечу, что подобная ситуация крайне негативно сказывается на эмоциональном состоянии членов группы, часто переводит работу в деструктивное русло, иногда вплоть до развала группы.

Перечислим основные правила работы тренинговой группы.

1. Правило присутствия. Тренер предупреждает участников, что он никогда не может спрогнозировать на 100%, что будет происходить в группе, и обещать, что все будет «гладко и красиво»:

«В процессе работы группы вы можете испытать самые разные эмоции, от самых положительных до самых отрицательных. Вам могут говорить как очень приятные, так и очень неприятные для Вас вещи. Возможно, что кому-либо из Вас станет так трудно, что захочется спрятаться, избавиться от этого. Поэтому здесь-и-теперь примите решение, будете ли Вы с нами или уйдете. Потому что, если Вы решитесь остаться, Вы уже не сможете покинуть группу ни вообще, ни на какое-либо время до тех пор, пока мы не закончим нашу работу».

2. Правило здесь-и-теперь. Это правило ориентирует участников тренинга на то, чтобы предметом их анализа постоянно были процессы, происходящие в группе в данный момент, чувства, переживаемые в данный конкретный момент, мысли, появляющиеся в данный момент. Кроме специально оговоренных случаев, запрещаются проекции в прошлое и будущее. Погружение в повествование и личные воспоминания не представляет ценности, если не сопровождается выражением чувств и не соотносится с текущим взаимодействием членов группы. Требование к членам группы оставаться в настоящем получило свое полное выражение в утверждении Ф. Перлза: *«Нет ничего, кроме того, что есть здесь и теперь. Теперь есть настоящее... Прошлого уже нет. Будущее не наступило»* [189, р. 44]

3. Правило искренности и открытости. Искренность и открытость способствуют получению и предоставлению другим честной и открытой обратной связи, то есть той информации, которая так важна каждому участнику и которая запускает не только механизмы самосознания, но и механизмы межличностного взаимодействия в группе. Самораскрытие направлено на другого человека, но позволяет стать самим собой и встретиться с самим собой настоящим. Раскрытие своего Я другому есть признак сильной и здоровой личности, поэтому следование этому правилу в тренинговой группе позволяет участникам в относительно безопасной ситуации получить опыт реализации себя как зрелой и здоровой личности. Принятие этого правила часто вызывает сопротивление участников группы. В этом случае тренер должен подчеркнуть, что правило открытости и искренности подразумевает не изложение всей своей подноготной или «перетряхивание грязного белья», а лишь искренность и открытость в выражении своих чувств и желаний здесь-и-теперь, то есть по отношению к тем ситуациям, которые складываются непосредственно в группе. Следует также отметить, что на первых этапах работы группы введение указанной нормы во многом носит декларатив-

ный характер. Однако уже через несколько часов занятий это правило начинает действовать, особенно если тренер сам выступает как образец эффективного участника группы.

4. Правило «Я». Все высказывания должны строиться с использованием личных местоимений единственного числа: «я чувствую... мне показалось... я увидел...» и т.п. Запрещается использовать рассуждения типа: «мы считаем... у нас другое мнение...» и т.п., перекладывающие ответственность за чувства и мысли конкретного человека на аморфное «мы». Даже оценка поведения другого члена группы должна осуществляться через высказывание собственных возникающих чувств и переживаний. Это правило важно потому, что напрямую связано с основными задачами тренинга – во-первых, научиться брать ответственность на себя и принимать себя таким, какой есть, во-вторых, стимулировать процессы самопознания, самоанализа, рефлексии.

5. Правило активности. В группе отсутствует возможность пассивно «отсидеться». Поскольку тренинг относится к активным методам обучения и развития, такая норма, как активное участие всех в происходящем на тренинге, является обязательной.

6. Правило конфиденциальности. Все, о чем говорится в группе относительно конкретных участников, должно оставаться внутри группы – естественное этическое требование, которое является условием создания атмосферы психологической безопасности и самораскрытия. Само собой разумеется, что психологические знания и конкретные приемы, игры, психотехники могут и должны использоваться вне группы – в профессиональной деятельности, в учебе, в повседневной жизни, при общении с родными и близкими, в целях саморазвития.

Задачей второй подстадии этого этапа, как уже говорилось, является задача создания атмосферы доверия и доброжелательности в группе, которая служит базой для ослабления межличностных и внутриличностных защит, открытости и искренности в выражении своих чувств и желаний, развития групповой сплоченности. В качестве методических приемов тренер использует любые (по своему выбору и желанию) стандартные групповые игры и упражнения, служащие этим целям [см. напр. 62, 139]. Помимо общегрупповых задач на этой стадии решаются индивидуальные психотерапевтические задачи: принятие членами группы своих чувств, эмоций, желаний и свободное их выражение; повышение самооценки и самоува-

жения и, как следствие, выраженные чувства имеют все больше отношения к Я и все реже остаются безликими; дифференциация и распознавание объектов своих чувств и восприятий, включающие среду, окружающих лиц, собственное Я, свои переживания и взаимоотношения; актуализация внутреннего потенциала и обретение уверенности и собственной значимости, в результате которой участник группы все реже реагирует на опыт, исходя из оценок окружения

Решение вышеобозначенных задач достигается применением методов, разработанных в клиентцентрированной терапии [103] и в школе Вирджинии Сатир [193]. К. Роджерс подчеркивал, что вопрос должен стоять не о том, как вести себя психотерапевту, а о том, каким ему быть. Доминантой поведения ведущего на этой стадии должна быть конгруэнтность и подлинность (аутентичность), то есть психотерапевту следует правильно символизировать собственный опыт. Коммуникация ведущего может иметь как вербальную, так и невербальную природу, важно лишь, чтобы сообщение было воспринято, было эффективно. Технические средства являются дополнением позиции психотерапевта и сами по себе не обеспечивают психотерапевтического продвижения. Наиболее используемыми приемами являются:

- зеркализация и вербализация – высказывание теми же словами или другими словами того, что сообщил участник группы, избегая истолкования. Это перефразирование, имеющее целью выделить наиболее существенное и обратить внимание партнера на «острые углы», а также показать, что его не только слушают, но и слышат;

- умелое использование молчания, молчаливое принятие;

- эмпатическое слушание – повторяются те слова партнера, в которых непосредственно выражаются эмоции, здесь также возможно сделать предположение о тех эмоциях и чувствах, которые не были высказаны членом группы, но отразились в его невербальном поведении;

- признание – конгруэнтные высказывания ведущего, выражающие уважение, восхищение, сочувствие, понимание и т.п.,

- нахождение сути и уточнение – попытка уловить и высказать скрытый подтекст сообщения, а также перевод высказывания партнера из обобщенной безличной формы в конкретную субъектно или объектно отнесенную форму.

Целью второго этапа тренинга коммуникативной компетентности является стимулирование и развитие «коммуникативного само-

сознания». Перечислим основные коммуникативные проблемы, на которых ведущий акцентирует внимание участников, стимулирует их осознание.

1. Осознание членами группы тех истинных, зачастую активно вытесняемых целей, которые субъект преследует в своем общении.

2. Возможная неконгруэнтность своего сообщения, то есть расхождение между тем, чего субъект хочет, как он это осознает и что при этом он говорит своему партнеру.

3. Понимание динамики и конфликтного потенциала метакоммуникативного процесса (в данном случае – несоответствие между информацией, посылаемой по вербальному и невербальному каналам).

4. Осознание неадекватности тех стратегий и приемов коммуникации, которые использует субъект, тем целям, которых он пытается достичь.

5. Осознание и принятие членами группы реальных (а не воображаемых или желаемых) результатов своего общения.

6. Понимание работы коммуникативных автоматизмов и паттернов (например, если субъект нападает, то его партнер автоматически начинает защищаться; если субъект защищается, то партнер так же автоматически начинает нападать и др.).

7. Осознание своей коммуникативной стратегии и позиции как манипулятивной, компромиссной, соперничающей, партнерской либо какой-либо иной.

8. Понимание и принятие меры своей ответственности за процесс и результат общения.

9. Осознание ценностно-смыслового и экзистенциального плана своего общения.

10. Понимание возможной неэффективности своего общения и возникновение активного осознанного желания научиться более эффективным коммуникативным стратегиям.

Опыт нашей работы показал, что этот этап является наиболее сложным и болезненным для членов тренинговой группы, так как связан с их личностными реконструкциями, угрозой сложившейся личностной структуре (хоть зачастую и дезинтегрированной, но «родной и близкой»), разрушением привычных внутриличностных и межличностных защит и стереотипов, с открытием «новой» информации о себе, принятием на себя ответственности за процесс и результат своего общения и т.п. Этот этап является эмоционально сложным и для ведущего, так как провоцирует сопротивление и за-

частую агрессию членов группы по отношению друг к другу и к тренеру, высказывание сомнений в его профессиональной компетентности, обвинение в безжалостности, жестокости и т.д. Однако, несмотря на обозначенные трудности, этот этап можно назвать стержневым, системообразующим для достижения максимального результата. Поэтому остановимся на нем подробнее.

Наряду с вышеназванными эмоциональными трудностями для ведущего при отработке этого этапа, можно констатировать и определенные профессиональные сложности. Здесь работа тренера в наибольшей степени индивидуально направлена и, следовательно, в определенном смысле наименее технологична (минимально используются игры и упражнения), поэтому эффективность работы группы зависит не столько от «правильного» подбора упражнений, сколько в большей степени является функцией поведения ведущего. Все это предъявляет высокие требования к личности и профессиональной компетентности психолога, которые должны обеспечить очень тонкую, почти филигранную работу в тренинговой группе. Какой же стиль руководства представляет наибольшую ценность? По данным исследований И. Ялома [159], можно выделить четыре основные функции руководства:

- 1) эмоциональная стимуляция, в основе которой лежит механизм конфронтации, понимаемый как столкновение субъекта с самим собой, со своими проблемами, конфликтами, отношениями и установками, с характерными эмоциональными и поведенческими стереотипами. Ведущий побуждает участников усомниться в адекватности их поведения, вступает в конфронтацию, активно моделирует поведение путем личного риска и высокого уровня самораскрытия;

- 2) забота, в основе которой лежит механизм безусловного позитивного принятия. Ведущий оказывает поддержку, выражает симпатию, хвалит, защищает, выражает тепло, искренен и заинтересован.

- 3) придание смысла, в основе которого лежит механизм смыслового и когнитивного структурирования. Ведущий объясняет, интерпретирует, снабжает участников необходимой для изменения когнитивной структурой, переводит чувства и личный опыт участников в сферу идей;

- 4) исполнительная функция. Ведущий устанавливает границы, правила, нормы, цели, распределяет время, задает темы, останавливает, застывает, предлагает процедуры.

Исследования связи эффективности группы с тем или иным стилем поведения ведущего показали следующее. Позитивный результат был связан прямо пропорционально с выполнением ведущим таких функций, как проявление заботы и придание смысла. Связь между выполнением двух других функций – эмоциональной стимуляции и исполнительной функции – и исходом имела форму перевернутой параболы: слишком большой или слишком малый объем такого поведения приводил к снижению положительного результата. По мнению И.Ялома [159], недостаток эмоционального стимулирования со стороны ведущего приводит к тому, что группа становится вялой и безжизненной; вследствие же избытка стимуляции (особенно при недостаточном придании смысла) атмосфера в группе становится высоко эмоционально заряженной (ведущий продолжает подталкивать участников к эмоциональному взаимодействию, так что они не могут интерпретировать приобретенный опыт). Следствием малоактивного осуществления ведущим исполнительной функции – в стиле попустительства – становится растерянность и беспомощное барахтанье участников; в результате же чрезмерной исполнительной активности ведущего группа становится дезорганизованной и авторитарной, у участников не развивается чувство собственной автономии.

Возвращаясь теперь к поведению ведущего в тренинге коммуникативной компетентности, можно увидеть, что если на первом этапе базовыми функциями ведущего должны быть исполнительная функция и функция заботы, то на втором этапе к ним прибавляются и становятся доминирующими функции эмоциональной стимуляции и придания смысла. Причем, по мнению И.Ялома [Там же], для успеха в равной мере необходимы как забота, так и придание смысла: по одиному успех не гарантирует ни то, ни другое.

Ниже перечислены некоторые конкретные приемы и методы, используемые ведущим на втором этапе тренинга коммуникативной компетентности.

1. Групповые дискуссии. Возможные темы: «Какое общение можно назвать эффективным?»; «Какие качества или действия человека обеспечивают эффективность его общения?»; «Какой результат общения и взаимодействия можно считать наилучшим?» и др. За счет высказывания различных точек зрения в результате дискуссии происходит расширение когнитивного поля членов группы относительно проблемы общения, его сложности, многоплановости и многоаспектности. Помимо этого в ходе дискуссии проявляются реаль-

ные коммуникативные стратегии, позиции, паттерны, стереотипы членов группы, анализ которых позволяет осознать свои коммуникативные проблемы.

2. Анализ реальных здесь-и-теперь возникающих или специально организованных (например ролевые игры) коммуникативных ситуаций на основе безоценочной обратной связи. Ведущему важно координировать высказывания участников с тем, чтобы они были максимально конгруэнтны. Поскольку главным здесь является получение информации как о себе, так и о результатах своего коммуникативного поведения, обратная связь дается с использованием как Я-высказываний, так и Я-Ты-высказываний¹. При организации обсуждения поведения участников очень важно направлять его в русло тех коммуникативных проблем, которые мы обозначили выше.

3. Использование методики предельных смыслов Д.А. Леонтьева [73] в контексте актуализации конечных целей и смыслов коммуникативных действий членов группы. Примерные вопросы, которые задает ведущий: «Зачем ты это сказал?»; «Когда ты это говорил, какой цели ты хотел достичь?», «Чего ты ожидал от своего партнера, когда говорил это?» и т.п.

Главным результатом второго этапа тренинга должны стать, в первых, смена коммуникативных установок (по крайней мере, когнитивной и эмоциональной составляющих), таких как смещение локуса ответственности (локуса контроля) в ситуациях общения в сторону Я, осознание и принятие того факта, что открытость, искренность, доверие и уважение к партнеру хотя и связаны с личностным риском, но, с другой стороны, имеют принципиально иной потенциал в достижении как социальных (достижение согласия) и межличностных (укрепление и развитие межличностных отношений) целей, так и целей личностного развития (преодоление внутриличностных защит, повышение аутентичности и спонтанности, рождение в процессе общения новых смыслов и, наконец, достижение большей интеграции личности) и, если можно так выразиться, «экзистенциальных целей», то есть ощущения подлинности, реальности своего бытия в каждом данном акте общения. Вторым очень важным резуль-

¹ Чистый конгруэнтный язык не содержит местоимений «он», «она», «ты», то есть субъект говорит не о ситуации или о другом, а только об опыте своего Я (Я-высказывание). Полная формула Я-Ты-высказывания содержит а) конкретное описание слов или действий партнера; б) изложение того, что я почувствовал или подумал, в) позитивный или негативный эффект от слов или действий партнера, г) конкретное указание на то, чего я хочу от своего партнера

татом этого этапа тренинговой работы должна стать актуализация мотивации участников к научению, то есть возникновение активного осознанного желания научиться более эффективным коммуникативным стратегиям

В качестве примера возможных эффектов этого этапа работы приведем описание и отрывки из стенограммы тренингов, проведенных нами в рамках семинара «Задачи и содержание деятельности освобожденных классных руководителей» [85]. Задача осознания членами группы своих коммуникативных стратегий, установок решалась при помощи разыгрывания и последующего обсуждения тех или иных конфликтных ситуаций со скрытым мотивом, которые предлагались самими участниками тренинга. Именно в конфликтных ситуациях наиболее быстро и ярко проявляются индивидуальные коммуникативные позиции, человек спонтанно демонстрирует наиболее привычные формы поведения, непроизвольно проявляет свои личностные и межличностные установки, преобладающие эмоциональные реакции, индивидуальные возможности анализа ситуации и своего поведения. Кроме того, благоприятное разрешение конфликтной ситуации требует от субъекта применения достаточно широкого спектра коммуникативных умений.

В качестве примера можно привести следующую ситуацию, которую разыгрывали члены тренинговой группы. В школе намечается праздник, в котором одна из учениц играет ведущую роль. Выучен текст, проведены репетиции. Но за день до намеченной даты ученица отказывается участвовать в празднике по личной причине, о которой не очень просто сказать учителю (неудобно, стыдно и т.п.). Учитель должен разрешить эту конфликтную ситуацию в процессе разговора с ученицей.

Чтобы спровоцировать спонтанное проявление привычных форм поведения членами группы, руководителем (тренером) группы давалась самая неопределенная инструкция: «В процессе игры вы должны прийти к единому решению». Для организации полного и как можно более объективного анализа поведения «участников конфликта» в игре одновременно участвовала только одна пара, тогда как остальные участники группы были наблюдателями.

Перед началом тренинга мы предполагали, что многие педагоги покажут неэффективные установки взаимодействия, однако полученные результаты «превызошли» все наши ожидания. Оказалось, что 100% классных руководителей и организаторов внеклассной работы,

принявших участие в семинарах, в целом продемонстрировали эгоцентрическую позицию, которая выражалась в двух основных формах: давление на партнера (около 70%) и уход от конфликта (около 30%). Был реализован самый широкий спектр тактических действий с целью заставить ученицу сделать то, что нужно с точки зрения учителя, начиная от откровенных угроз, принижения личности партнера, обращения к чувству долга, совести и заканчивая «психологическим подкупом». Приведем типичные высказывания: «ты вынуждаешь меня обратиться к директору», «это может отразиться на твоих оценках», «ты совершенно безответственный человек», «ты же подведешь всю школу», «как к тебе будут относиться твои товарищи», «ты хотела, чтобы тебя взяли в школьный театр, давай я поговорю с руководителем» и т.п. Очевидно, что подобные высказывания в лучшем случае приведут к тому, что ученица обидится и замкнется, в худшем случае они вызовут ответную агрессивную реакцию, что и происходило в наблюдаемых нами игровых ситуациях.

Второй стратегией эгоцентрического типа, продемонстрированной участниками, является стратегия ухода от конфликта. Уход в ряде случаев может быть вполне разумным шагом, если конфликтная ситуация не затрагивает прямых интересов партнеров. В противном случае уход от конфликта неконструктивен, так как может толкнуть партнера на ответный уход вместо принятия участия в совместной выработке решения. Часто уход применяется, сознательно или бессознательно, для того, чтобы заставить оппонента изменить его отношение к конфликту, то есть используется как манипулятивная техника или как наказание. В наших занятиях наблюдались такие варианты применения этой стратегии: «ну что ж, раз ты не хочешь, мне придется решать эту проблему самой», «если ты пришла к такому решению, я не имею права тебя заставлять». В ходе анализа поведения партнеров и результатов, достигнутых в ходе игр, наблюдателями был сделан следующий вывод: в конфликтных ситуациях участники группы реализуют свою главную стратегическую цель – любыми способами (угрозами, силой, хитростью, «подкупом», убеждением) добиться от партнера выполнения своей воли без учета его интересов.

Показательной и любопытной была реакция участников группы на проводимый анализ их поведения в ходе игры. Если участник группы находился в роли наблюдателя, то он достаточно адекватно оценивал те или иные действия «актеров», замечал и анализировал

их ошибки, интерпретировал установки. Однако как только тот же человек попадал в позицию, когда его поведение подвергалось анализу со стороны других членов группы, ситуация резко менялась. В этом случае наблюдалось активное несогласие с выводами наблюдателей, при этом обнаружился целый спектр вариантов психологической защиты.

Отрицание

Наблюдатель: Во время игры ты не слушала ученицу, не старалась понять ее, вникнуть в ее проблему, а сразу возмутилась и стала угрожать ей

Участник игры: Нет, этого не было.

Н.: Послушай, я даже записала. Ты сказала ученице: «Если ты отказываешься, то я приглашаю твоих родителей и мы вместе пойдем к директору».

У.: Ты что-то напутала, я не могла так сказать.

Обесценивание занятий

У.: Я вообще не понимаю, зачем мы здесь собрались. Пользы от занятий я не вижу, только время теряем.

Агрессия по отношению к тренеру

У. (обращаясь к тренеру): У вас есть план занятий? Какие цели вы преследуете?

Тренер: Есть общая стратегия, однако плана нет, да его и быть не может, так как очень многое зависит от самой группы. Что касается целей, то о них я говорила в самом начале, это – прежде всего задача проанализировать процесс общения членов группы и попытаться выработать более эффективные способы взаимодействия.

У.: Я не понимаю, как вы работаете, у вас нет четких задач, плана! Вы все-таки скажите, к чему мы должны прийти?

Т.: Я не могу вам сказать этого, так как каждая группа приходит к своему результату.

У.: Что же вы беретесь вести занятия, если сами не знаете, чего хотите добиться?

Агрессия по отношению к партнеру

У.: Почему я должна понимать ее (ученицу), когда она поставила под угрозу праздник, к которому мы так долго готовились, да и сейчас ведет себя вызывающе.

Н.: Давай проанализируем результат, который ты получила. Ты обидела ученицу, возмущена сама, но проблема ведь так и не разрешилась. Значит, такое поведение неконструктивно.

У.: Пусть так, но это не я виновата, что так получилось.

Перцептивная защита

У.(обращаясь к тренеру): Ты же сама сказала, что надо убедить партнера.

Т.: Задача была поставлена так: прийти к единому решению.

У.: Нет, я же сама слышала.

Рационализация

1. У.: Я не считаю возможным лезть в душу человеку, если он этого не хочет.

Участница, игравшая роль ученицы: Мне хотелось, чтобы меня поняли и помогли.

У.: А я увидела, что ты этого не хочешь.

2. У.: Ситуация была искусственная.

Н.: Но мы ведь взяли ее из реальной жизни.

3. У.: Мы все не артисты, поэтому не умеем играть.

Оправдание

У.: Да, я угрожала, но в этой ситуации мне ничего не оставалось делать, я не знала, как заставить ее изменить решение.

Недоумение

У.: Удивительно, я ведь хотела для ученицы только хорошего, а получилось наоборот.

В двух последних стратегиях уже присутствует признание членами группы того, что общение не получилось. Надо сказать, что желание защитить свою личность естественно для каждого из нас, однако это желание неконструктивно. Ведь как только мы отрицаем, нападаем, находим оправдание своему поведению, то и менять в нем ничего не надо. Перелом в ходе тренинга наступил тогда, когда обнаружилось, что не только кто-то один, но и другие члены группы демонстрируют принципиально ту же стратегию взаимодействия. Только после осознания неуникальности своего поведения стал возможен факт признания своей позиции как эгоцентрической. Этот момент стал критическим, группа перешла из позиции защиты в позицию открытости и, значит, развития. Субъективно возникла проблема, как разрешить конфликтную ситуацию не только с наименьшими потерями, но и, если возможно, с психологической «выгодой» для обоих партнеров в виде взаимного доверия и взаимопонимания. На этом этапе участники группы также признали, что все те высказывания и действия, которые совершали участники группы во время игр, а также способы оправдания своего поведения были перенесены

в игровую ситуацию из реальной практики общения, это – наиболее привычные способы разрешения конфликта. Об этом свидетельствуют высказывания членов группы: «я поняла, что со своими учениками веду себя так же, как и сейчас во время занятий», «после того, как у меня с кем-то произошел неприятный разговор, я так же, как и сейчас, внутренне обвиняю партнера, нахожу его поведение недостойным, а про свое поведение почти никогда не думаю», «я поняла теперь, что в общении у меня есть очень жесткая цель, и я преследую ее во что бы то ни стало».

Задачей третьего этапа тренинга коммуникативной компетентности является выработка навыков эффективного общения. Сформулированная таким образом задача определяет методическую направленность этого этапа в рамках поведенческого консультирования. Доминирующими функциями ведущего здесь вновь становятся инструментальная функция и функция заботы и поддержки.

Тот или иной навык отрабатывается по традиционной биехевиориальной схеме: демонстрация навыка (модель) – упражнение навыка – включение навыка в более или менее целостную коммуникативную ситуацию – подкрепление (как похвала ведущего или самоподкрепление на основе обратной связи или собственной оценки результатов поведения). Процесс проведения такого рода занятий и описание самих навыков достаточно хорошо освещены в литературе [76, 83, 91, 106, 112], поэтому здесь мы ограничимся лишь перечислением основных групп коммуникативных навыков, которым можно обучать в тренинге КК. Условно можно выделить семь таких групп.

1. Техники установления и поддержания эмоционального контакта с партнером.
2. Приемы слушания: пассивное, активное и эмпатическое слушание.
3. Приемы конкретизации и уточнения точки зрения, проблемы партнера.
4. Виды обратной связи (оценка, оценка-сравнение, поддержка) и правила подачи обратной связи (Я-высказывания, Я-Ты-высказывания).
5. Коммуникативные приемы снятия напряжения – своего и партнера.
6. Техники уверенного поведения.
7. Конструктивная защита от давления и манипуляции со стороны партнера.
8. Техники аргументации.

9. Правила завершения общения (или отдельного его этапа) и заключение договора.

И, наконец, целью четвертого этапа тренинга коммуникативной компетентности является включение выработанных коммуникативных установок и навыков в социально-психологический контекст реального процесса взаимодействия. Здесь мы вновь возвращаемся к тому, что реальный результат общения зависит не только от меня, но и от всей ситуации в целом, включающей в себя не только те проблемы и задачи, которые решаю я, но и те цели и задачи, которые реализует мой партнер и которые в конечном итоге определяют его коммуникативную позицию. В этой связи особое значение на этой стадии придется отработать гибкости и адекватности использования тех или иных коммуникативных приемов, работе с нереалистичными, иррациональными убеждениями и выработке толерантности к несимметричному ответу.

Умение гибко, адекватно ситуации и партнеру выбирать коммуникативную стратегию, изменить ее в случае изменения ситуации является базовым фактором коммуникативной компетентности. Отрабатывается это свойство в ролевых играх, в которых задается некоторая ситуация, с последующим анализом использованных коммуникативных приемов и тех результатов, которые были достигнуты в процессе общения: было ли достигнуто согласие, стала ли эта ситуация травмирующей для партнеров, удалось ли им сохранить, защитить свою личность, был ли получен развивающий эффект и т.д.

Можно выделить четыре основных типа достаточно сложных коммуникативных ситуаций, в которых требуется гибкое использование широкого спектра приемов: 1) ситуации, в которых субъекту требуется помощь, поддержка и сочувствие от партнера; 2) ситуации, когда партнер просит помощи, поддержки; 3) ситуации справедливой и несправедливой критики, а также провоцирующего поведения; 4) ситуации необходимости разрешения проблемы, по поводу которой существуют разные точки зрения, сталкиваются разные интересы (конфликтная ситуация).

Опыт работы в тренинговых группах показывает, что если не отработать четвертый этап в процессе тренинга, это может привести к коммуникативным проблемам в реальной жизни, вплоть до самоизоляции. Вот отрывок из самоотчета, сделанного через две недели после тренинга, в котором отсутствовал четвертый этап. «После тренинга у меня развился «аутизм». Я не могла разговаривать с людьми.

Я не могла слышать, как люди разговаривают между собой. Стала избегать общественные места, транспорт. Старалась быть всегда одна. Если необходимо было ехать куда-то на транспорте далеко, то возвращалась домой и плакала. Было так жалко детей (их и до сих пор жалко, но уже не так остро), когда слышала, как с ними разговаривают их же мамы или просто чужие люди. Эта жалость убивала меня, разрушала. Со своими близкими не разговаривала, т.к. поняла, что я не умею так, как надо, а по-старому уже не могу...». Этот отрывок показывает, что собственный личностный прорыв, собственное коммуникативное развитие может сопровождаться, с одной стороны, неумением адаптивно интегрировать полученный в тренинге опыт в реальную жизнь, с другой стороны, острой актуализацией нереалистичных ожиданий.

Принципы психотерапевтической работы с иррациональными убеждениями, формирующими, в свою очередь, нереалистические ожидания, разработаны в рамках когнитивно-ориентированного консультирования [14, 153, 154]. В этом направлении используются разнообразные когнитивные, эмоциональные и поведенческие методы с целью оказания членам группы помощи в рассмотрении с различных позиций их иррациональных установок таким образом, чтобы сформировать новую эффективную философию. Научный спор, проверка сомнением – главная когнитивная техника обсуждения. Эмотивные методы дискутирования включают в себя энергичное обсуждение и создание рационально-эмотивных мысленных образов. Поведенческие методы дискутирования связаны с заданиями, которые подвергают сомнению однозначную требовательность, с упражнениями, способствующими преодолению стыда, и с обучением навыкам. Очевидно, что каждому человеку могут быть свойственны свои индивидуальные иррациональные убеждения, однако А. Эллисом были выделены наиболее типичные из них [154].

1. «Идея о том, что взрослому человеку совершенно необходимо быть любимым или получать всеобщее одобрение всего, чем бы он ни занимался, – вместо того, чтобы сосредоточиться на самоуважении, на получении одобрения там, где это необходимо (например, для продвижения по службе), и не на том, чтобы быть любимым, а на том, чтобы любить.

2. Идея о том, что определенные поступки порочны, безразвестивны, отвратительны, и люди, которые их совершают, должны быть сурово наказаны, – вместо идеи о том, что определенные поступки неуместны или носят антиобщественный характер, и люди, которые

так поступают, либо глупы, либо невежественны, либо страдают эмоциональными расстройствами.

3. Идея о том, что когда все идет не так, как хотелось бы человеку, это ужасно, это кошмар и катастрофа, – вместо идеи о том, что плохо, когда все идет не так, как хотелось бы, а посему человек должен постараться изменить не устраивающее его положение дел или взять тревожную ситуацию под контроль, чтобы лучше себя чувствовать, но если изменение или контроль неосуществимы, человеку лучше смириться с неизбежным и прекратить твердить себе, как все плохо.

• 4. Идея о том, что все человеческие несчастья вызывает внешняя среда, что несчастливым человека делают окружающие люди и события внешнего мира, – вместо идеи о том, что причиной всех несчастий является скорее то, как человек смотрит на вещи, чем сама вещь.

5. Идея о том, что если что-либо может быть опасным и пугающим или является таковым, то человек должен быть сильнейшим образом озабочен этим, – вместо идеи о том, что если что-либо может быть опасным или пугающим или является таковым, человек должен открыто встретить эти явления и постараться сделать так, чтобы они больше не представляли для него опасности, а если это не представляется возможным, подумать о чем-нибудь еще и перестать твердить себе, в какой ужасной ситуации он находится или мог бы находиться.

6. Идея о том, что легче избегать ответственности и жизненных трудностей, чем решать эти проблемы, – вместо идеи о том, что так называемый легкий путь в конце концов окажется намного сложнее, чем более трудный путь, и что единственно верный способ решения жизненных проблем – честная борьба с ними.

7. Идея о том, что человеку нужен кто-то сильнее и могущественнее него, на кого он бы мог положиться, – вместо идеи о том, что всегда намного лучше твердо стоять на собственных ногах и поверить в себя и в то, что ты сам способен выносить жизненные невзгоды.

8. Идея о том, что человек обязан быть абсолютно компетентным, отвечать предъявляемым требованиям, быть умным и заслужить всеобщее уважение, – вместо идеи о том, что человек должен *делать*, а не стараться всегда *все сделать хорошо*, и что человек должен принять себя как существо несовершенное, возможности которого, как и всех людей, далеко не безграничны, и, как и все, он может совершать ошибки и имеет на это право.

9. Идея о том, что если что-либо однажды оказало влияние на жизнь человека, то влияние это никогда не прекратится, – вместо

идеи о том, что человек должен учиться на своем прошлом опыте, но не быть чрезмерно заикленным на нем и не становиться рабом предрассудков и предрассудков.

10. Идея о том, что мы полностью зависим от того, что делают другие люди, и что мы должны приложить все усилия для того, чтобы изменить их по своему вкусу, – вместо идеи о том, что недостатки людей – это, по крупному счету, их проблема, и оказание на них давления с целью изменить их в подавляющем большинстве случаев не сможет помочь им перемениться.

11. Идея о том, что человек может стать счастливым, не проявляя активности и не предпринимая никаких действий, – вместо идеи о том, что наиболее счастливы активные люди, поглощенные творчеством, или люди, посвящающие себя другим людям и проектам.

12. Идея о том, что человек фактически не способен контролировать свои эмоции и не может не испытывать определенные переживания, – вместо идеи о том, что человек может полностью контролировать свои чувства и эмоции, если он прикладывает усилия к тому, чтобы сдерживать их, и использует правильные предложения для общения с самим собой» [154, с. 266–267].

Очень продуктивными в работе с нереалистичными ожиданиями являются идеи и конкретные разработки, сделанные Э.Медоусом [185] в последние годы в рамках человеко-центрированного подхода в практике психологического консультирования персонала организаций. Э.Медоус утверждает, что если в классической модели клиент-центрированной терапии и помогающих отношений консультант использует три базовые терапевтические установки: конгруэнтность, эмпатию, безусловное позитивное принятие (уважение) для блага клиента, то в отношениях равных партнеров эти установки или умения используются ради собственного блага, в собственных интересах того, кто их использует. Основные принципиальные позиции, отличающие помогающие и равные отношения, следующие. Во-первых, обсуждаемые умения используются для собственного блага, для того, чтобы лучше выразить себя, лучше понять другого, конструктивно разрешать возникающие трудности и противоречия. Во-вторых, они используются человеком на основе сознательного выбора: в повседневных отношениях человек использует или не использует данные умения в конкретных обстоятельствах, исходя из наилучших, но своих интересов. В-третьих, эти умения являются необходимым и доста-

точным условием для успешного развития отношений в случае их совместного, в единстве друг с другом, использования.

Главным среди обсуждаемых моментов, с нашей точки зрения, является положение о сознательном свободном выборе той или иной линии поведения и принятия ответственности за него. Можно выделить два аспекта этой проблемы: распределение ответственности между партнерами и соотношение прав и ответственности. Опыт работы в группах показывает, что люди неправильно, нереалистично локализируют свою ответственность и ответственность другого. Они считают себя обязанными отвечать за чувства, эмоции, переживания другого человека («я же его этич обижу»), но отвергают свою собственную ответственность за свои собственные чувства, мысли, поведение, результат взаимодействия («он меня поставил в такую ситуацию, что мне иичего другого не оставалось делать», «она мне такое сказала, что я обиделась и не захотела дальше с ней общаться», «он так себя повел, что договориться было уже невозможно»). В основе этого лежат известные в социальной психологии механизмы, такие как фундаментальная ошибка атрибуции, самооправдание, изначальная вера в собственную безусловную нравственность и др. Результаты «работы» такого рода установок для организации взаимодействия и принятия решений также хорошо известны [см. 79].

Задача тренинга заключается в реалистичной локализации ответственности за себя и за другого. Главный принцип здесь таков: я отвечаю только за то, что я могу контролировать. Если конкретизировать этот принцип, то он будет звучать так: я полностью отвечаю за то, какие чувства и эмоции я переживаю, я полностью отвечаю за свои мысли, мнения и оценки, я полностью отвечаю за свое поведение. Что касается ответственности за другого, то она определяется таким образом. Я полностью отвечаю за то, какие действия я совершил, чтобы создать условия для развития как своего, так и партнера, для того, чтобы наше общение было продуктивным, для наилучшего разрешения проблемы, если она есть, для достижения согласия. Но, я ни в коей мере не несу ответственности за чувства, эмоции, мысли, поведение моего партнера. Очень важным моментом здесь является различение ответственности и чувства вины. Известно, что длящееся чувство вины несет в себе величайший деструктивный потенциал для личности [131], тогда как принятие ответственности без ненужной эмоциональной нагрузки, напротив, способствует конструктивному разрешению как внутриличностных, так и межличностных проблем.

Таблица 5

Права и ответственность [Цит. по 63, с. 54]

Право быть зависимой жертвой	Ответственность за проявление собственной независимости и компетентности
<p>1 Право не подвергаться проявлениям злобы и ненависти</p> <p>2. Право на доброжелательное отношение со стороны Другого</p> <p>3 Право на эмоциональную поддержку.</p> <p>4 Право быть услышанным другим.</p> <p>5 Право иметь собственную точку зрения</p> <p>6. Право на получение искренних извинений за любые шутки, которые вы находите оскорбительными</p> <p>7 Право на ясные и информативные ответы на вопросы, которые касаются того, что явно является «моим делом»</p> <p>8 Право на жизнь без обвинений</p> <p>9 Право на жизнь без критики и осуждения.</p> <p>10 Право на то, чтобы о вашей работе и интересах говорили с уважением</p> <p>11 Право на ободрение и поддержку.</p> <p>12 Право жить без эмоциональных и физических угроз</p> <p>13 Право на уважительное обращение</p> <p>14 Право на то, чтобы к вам обращались с уважительными просьбами, а не приказами.</p>	<p>1 Ответственность за независимое и компетентное реагирование на проявление злобы и ненависти.</p> <p>2. Ответственность за собственную компетентность в реагировании на любые проявления со стороны Другого</p> <p>3. Ответственность за поиск эмоциональной поддержки в случае наличия такого желания.</p> <p>4 Ответственность за то, чтобы быть услышанным, компетентным в обращении с любым ответом, особенно неуважительным</p> <p>5. Ответственность за наличие собственной точки зрения.</p> <p>6 Ответственность за высказывание возражений против оскорбительных шуток</p> <p>7. Ответственность за то, чтобы задавать те вопросы, которые мы считаем необходимыми задать</p> <p>8 Ответственность за такую интерпретацию обвинений, чтобы благодаря ей двигаться к достижению своих оптимальных интересов.</p> <p>9 Ответственность за то, чтобы сделать критику и осуждение ценным фактором своего развития, за который мы благодарны.</p> <p>10 Ответственность за то, чтобы гордиться собственной работой и интересами</p> <p>11 Ответственность за то, чтобы действовать умело и мужественно</p> <p>12. Ответственность за то, чтобы принимать безусловно и обращаться компетентно с угрозами собственной целостности.</p> <p>13. Ответственность за то, чтобы аккуратно и чутко понимать переживания и опыт того, кто неуважительно обращается к нам</p> <p>14. Ответственность за переосмысление приказа как выражение чего-то значимого для приказывающего.</p>

Осознание меры своей ответственности за другого в коммуникативном акте запускает когнитивный, аналитический процесс, конечной целью которого является корректировка своего поведения для получения наилучших результатов. Очень точно отражена эта тонкая грань между чувством вины и ответственностью в понимании безусловного позитивного уважения (принятия) Э. Медоусом [185]. Это умение заключается не только в безусловном принятии и уважении другого и вере в его возможности, но и как в безусловно ценностном отношении к тем проявлениям другого (не к другому, а к проявлениям другого), которые угрожают целостности и интегрированности Я. Человек не осуждает и не отталкивает эти проявления (что неизбежно сопровождается возникновением у него чрезвычайно напряженного и закрепощенного состояния), но он позитивно переосмысливает, воспринимает их как драгоценный дар. Человек не просто понимает эти проявления. Он не просто принимает их. Он безусловно высоко ценит их. И тогда он становится способным работать с урозой, не теряя ощущения силы и свободы.

Выше приводится одна из показательных таблиц Э. Медоуса (см. табл. 5), в которой сравниваются акцент современного демократического мировоззрения и идеологии на «неотъемлемых правах» человека, которые «должны» автоматически предоставляться кем-то (обществом, другими людьми), и акцент на ответственности человека за свою жизнь и самочувствие. Работа с иррациональными убеждениями и определением меры своей ответственности приводит не только к высокой фрустрационной толерантности к несимметричному ответу, но и к возможности использовать «негативные» проявления партнера для конструктивного разрешения личностных и коммуникативных проблем.

В заключение этой главы еще раз отметим, что коммуникативная компетентность является сложным системным психологическим образованием. А это значит, что профессиональная работа по развитию КК не может быть ограничена только «формированием» внешних поведенческих коммуникативных навыков, но с необходимостью предполагает работу с глубинными личностными и когнитивными структурами – ценностями, смыслами, мотивами, убеждениями, ожиданиями и т.п.

Список рекомендуемой литературы

1. Вачков И.В. Основы технологии группового тренинга. Психотехники: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Ось-89, 2007. – 255 с.
2. Жуков Ю.М. Эффективность делового общения. – М., 1988. – 121 с.
3. Жуков Ю.М., Петровская Л.А., Растяжников П.В. Диагностика и развитие компетентности в общении. – М., 1990. – 158с.
4. Кривонова С.В. Тренинг учителя и проблемы дисциплины. – М., 1997. – 288 с.

- 5 Корнелиус Х, Фэйер Ш Выиграть может каждый как разрешать конфликты – М., 1992 – 216 с.
- 6 Лойшен Ш Психологический тренинг умений. Школа Верджинии Сатир. – СПб., 2001 – 160 с
7. Межличностное общение Хрестоматия / Сост и общая редакция Н В Казариновой, В М Погольши. – СПб., 2001. – 512 с
- 8 Милич П П Как проводить деловые беседы – М., 1987. – 207с.
- 9 Нельсон-Джоунс Р Теория и практика консультирования. – СПб., 2000. – 240 с.
10. Петровская Л.А. Общение – компетентность – тренинг. Избранные труды – М.: Смысл, 2007 – 686 с
11. Смит М Тренинг уверенности в себе. – СПб., 2001 – 244 с
- 12 Фишер Р, Юри У Путь к согласию, или Переговоры без поражения – М., 1991 – 158 с.

Контрольные вопросы

Первый уровень

1. Каковы различия психотерапевтических, психокоррекционных и обучающих групп?
2. Назовите этапы тренинга КК.
3. Приведите классификацию базовых коммуникативных навыков.
4. Обоснуйте следующее положение: базовый принцип тренинга КК – интегративность.

Второй уровень

1. Назовите специфические проблемные зоны, являющиеся актуальными в тренинге КК.
2. Перечислите и охарактеризуйте экзистенциальные аспекты общения.
3. Какой должна быть стратегия ведущего на разных этапах тренинга КК?

Возможные темы практических творческих заданий

1. Обосновать и показать возможности психотерапевтических и тренинговых процедур (техник, приемов, игр, упражнений), разработанных в различных психологических школах, для их использования в тренинге КК.
2. Разработать и провести тренинговое занятие по какой-либо коммуникативной проблеме. Возможны варианты:
 - как поддержать беседу;
 - коммуникативные способы преодоления застенчивости;
 - как психологически грамотно отстаивать свою позицию и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционно в заключении фиксируются основные обобщенные результаты и выводы проведенных автором исследований. Мне же хотелось бы в данном случае изменить традиции. Не столько потому, что в каждой главе были представлены эти результаты и выводы, сколько для того, чтобы понять перспективы и основные направления дальнейших исследований коммуникации. Для того чтобы это сделать, воспользуемся тем эвристическим потенциалом, который заключен в идее транспективного анализа [59]. «Транспективный – значит открывающий перспективу, выявляющий тенденции и направленность процесса развития» [Там же, с. 34]. Обратимся к тенденциям становления научных психологических исследований коммуникации и проанализируем, как в истории развития науки менялось место коммуникации в системе психологических категорий.

Пожалуй, одним из первых, кто сконцентрировался на проблеме коммуникации как отдельной, самостоятельной психологической проблеме, был Т. Шибутани [147], работавший в рамках такого направления социальной психологии, как социальный интеракционизм. Это произошло в середине прошлого века. Содержательный фокус этих исследований отражен в самом названии – интеракционизм. Т. Шибутани сосредоточивается на изучении социального взаимодействия, а коммуникация понимается им как процесс организации согласованного действия. Если теперь вычленим тот доминирующий ракурс, в котором решалась проблема эффективной коммуникации (которая, в свою очередь, легко может быть переформулирована в проблему коммуникативной компетентности) [см. 86], то можно увидеть, что эта эффективность, по Т. Шибутани, обеспечивается, прежде всего, нормативностью и комплементарностью (взаимодополнительностью, взаимосогласованностью) социально-ролевых позиций участников этого процесса, а также используемых ими средств общения (вербальных и невербальных). То есть фактически в этой научной школе изучались закономерности того, что сейчас называют формально-ролевым общением.

Вторая четверть XX века характеризуется переносом интереса социальных психологов с интерактивной стороны общения на информационную, а коммуникация понимается теперь преимущественно как процесс передачи информации. Американская социальная психология, опираясь на известную «пятичленку» Г. Лассуэла – «кто говорит, кому говорит, что говорит, как говорит, зачем говорит», начинает бурные эмпирические исследования факторов эффективной коммуникации, понимаемой, прежде всего, как *убеждающая* коммуникация [см. 79]. Что обращает на себя внимание в этих исследованиях? С одной стороны, ни в коей мере нельзя отрицать того обстоятельства, что были открыты значительные психологические факты и вскрыты закономерности такой коммуникации. С другой стороны, все эти исследования выполнялись с опорой на методологические и теоретические принципы бихевиоризма, и значит, что вполне естественно, реализовывалась *общая негуманистическая*, можно даже сказать *антигуманистическая*, установка по отношению к человеку, сформированная еще Дж. Уотсоном. Именно поэтому изучались лишь первые четыре составляющие «пятичленки» Г. Лассуэла, тогда как пятая составляющая – «зачем говорит» – даже не обсуждалась, так как ответ был «очевиден» – для убеждения. То есть фактически психология открыла и сформулировала механизмы эффективной не столько коммуникации, сколько манипуляции сознанием и поведением людей. Апофеозом этих исследований явилась знаменитая книга Д. Карнеги, где сформулированы самые изощренные принципы и способы манипулятивного убеждения.

Последняя четверть XX века знаменуется появлением не менее знаменитой, но уже «в узких кругах», книгой Э. Шострома «Анти-Карнеги, или Человек-Манипулятор» [151], которая манифестировала не только недопустимость, но и неэффективность отношения к человеку как к объекту манипуляции и «возвращала» гуманистическое отношение к человеку в социальную психологию. В отечественной социальной психологии также фиксируется ущербность и ограниченность объектного отношения к человеку, и делаются попытки преодолеть эту ограниченность. Так, Г.М. Андреева [5] настаивает на разведении понятий «коммуникация» и «общение», утверждая, что понятие коммуникации фиксирует лишь одну сторону реального процесса человеческого общения – информационную. Она предлагает помимо этой стороны общения выделять еще и *интерактивную* и *перцептивную* стороны. А.У. Хараш [135] вводит различие

ние двух типов общения – субъект-объектное и субъект-субъектное, в основе которых лежат диаметрально противоположные отношения к партнеру – или как к объекту (то есть вещное), или как к субъекту (то есть ценностное). Главное эвристическое значение этой типологии состоит в том, что в область социально-психологических исследований коммуникации вводится ценностно-смысловой аспект. Именно этот аспект начинает постепенно «приобретать» системообразующее значение – речь идет, конечно же, о научном исследовании, а не о реальном процессе коммуникации, в которой этот аспект всегда имел именно такое значение. Синхронные процессы наблюдаются и в зарубежной психологии. Американские психологи П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон [30], изучая патологическую коммуникацию, обнаруживают, что, оставаясь в рамках понимания коммуникации как обмена информацией, невозможно разрешать конфликтные межличностные ситуации, необходимо трансцендировать, выйти за рамки, перейти в другое пространство: из «пространства» информации в «пространство» отношений. Для фиксации этой закономерности авторы вводят понятие метакоммуникации, тем самым также констатируя в качестве основного аспекта коммуникации ценностно-смысловой. Параллельно с этим направлением активно начинают изучаться экзистенциальные аспекты общения. Опираясь в основном на идеи российских и европейских философских диалогических концепций М.М. Бахтина, М. Бубера, Г.С. Батищева, А. Швейцера, а также «экзистенциальных» психологов Э. Фромма и В. Франкла, психологи развивают представления о глубинном общении как диалоге, его функциональных особенностях и характеристиках. Эти исследования также приводят к пониманию того, что определяющим фактором коммуникации является фактор отношения.

Одним из главных методологических следствий этих тенденций явилось то, что понятие коммуникации «превратилось» в междисциплинарное психологическое понятие, то есть стало категорией не только социальной, но и общей, и педагогической, и клинической, и т.д. психологии, что и было зафиксировано в известной монографии Б.Ф. Ломова «Методологические и теоретические проблемы психологии», опубликованной в 1984 году. В ней обосновывается введение категории общения в общепсихологический контекст: «Представляя собой существенную сторону реальной жизнедеятельности субъекта, общение выступает поэтому и в роли важнейшей

детерминанты всей системы психического, ее структуры, динамики и развития» [77, с. 248].

И, наконец, можно зафиксировать последний к настоящему времени этап развития научных представлений о коммуникации, который связан с постмодернистскими подходами на Западе и со становлением и утверждением антропологического подхода в отечественной психологии. В исследованиях последнего десятилетия положение о том, что коммуникация является базовым процессом, конституирующим само существование человека, получает уже свою «постоянную прописку». К. Герген [168], формулируя так называемую социорационалистическую метатеорию, постулирует, что, в отличие от традиционной теории, она исходит из того, что не внутренние процессы, происходящие внутри индивидуального сознания, производят то, что называется знанием, а социальный процесс коммуникации. «Рациональность порождается именно внутри процесса социального обмена» [Там же, р. 197]. Этот же подход реализуется и в исследовании эмоций. Сами эмоции объявляются социальными отношениями, и утверждается их фактическая социальная детерминация «Перефразируя знаменитую формулу У. Джемса «Я плачу не потому, что мне грустно, а мне грустно, потому что я плачу», конструктивист утверждает: «Я злюсь не потому, что обижен несправедливо, а потому, что этот поступок я определил на известном мне языке как несправедливый» [цит. по 149, с. 361]. Эти положения образуют то, что К. Герген называет «эпистемологией», претендующей на статус «второй революции в психологии» (первой была когнитивная). Суть этой революции, по выражению К. Гергена, заключается в преобразовании тезиса Р. Декарта «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую») в «*Communicamus ergo sum*» («Мы общаемся, следовательно, я существую»).

В российских исследованиях последних лет высказывается та же идея. В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев пишут: «общительность, общность являются сущностным атрибутом человека. Он по своей природе есть «бытие для других». Проблема общности поэтому не только социальная или историческая; она при более глубоком рассмотрении является глубинно экзистенциальной проблемой» [109, с. 15]. В другой концепции, также основанной на методологических принципах антропологического подхода, теории психологических систем В.Е. Ключко, человек понимается как открытая, самоорганизующаяся психологическая система, подчиняющаяся принципу сис-

темной детерминации. Центральным объяснительным понятием этой теории является понятие ментального (транссубъективного) пространства, возникающего в результате процесса *взаимодействия* человека с миром: «во взаимодействии субъекта с объектом рождается новая реальность – сверхчувственная, т.е. не отражаемая органами чувств, системная... Через эту реальность человек получает возможность воздействовать на самого себя (самодетерминация) и реализовывать свои возможности» [59, с. 92]. Здесь надо отметить следующее. Несмотря на то что в теоретических изысканиях вышеуказанных авторов коммуникация не является прямым предметом их исследований (в качестве предмета у В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева выступает субъективная реальность, у В.Е. Ключко – ментальное, или транссубъективное пространство), тем не менее явно и однозначно постулируется, что именно коммуникация (какими бы терминами она не обозначалась: «общительность, общность» – в первом случае, «взаимодействие» – во втором) есть процесс, в котором «возникает» [109], «порождается» [59] психологическая реальность человека.

В уже упоминавшемся нами в основной части монографии коммуникативном подходе В.И. Кабрина, еще одной концепции в рамках антропологической психологии, этот тезис уже становится основополагающим методологическим положением, а коммуникация – непосредственным предметом исследований. Понятия «коммуникация», «коммуникативность», «коммуникабельность» значительно расширяются по сравнению с теми же понятиями в традиционной психологии. Выявляя сущностные основания жизни, В.И. Кабрин опирается на идею К.Р. Роджерса о том, что *«жизнь есть постоянное самоперерастание, самопреодоление себя прежнего, ежемоментное пере-живание со-бытий и самого себя до неузнаваемости, при сохранении сути себя»* [57, с. 53]. Учитывая эти признаки жизненного процесса как развития, как *«пере-живания»* многообразного информационного транзита и трансформации, метаморфоз и трансмутаций событий» [Там же, с. 54], автор вводит понятие транскомуникации. «Транскомуникация – это процесс общения между инаковыми и разнопорядковыми субъектами в интра- и интерперсональных планах; это сверхдинамичный, смыслообразующий процесс гармонизации разноразмерных миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса» [57, с. 54].

Подводя итог представленной выше краткой ретроспективе исследований коммуникации в психологии, можно сформулировать следующие основные выводы. Первый – научное изучение коммуникации подчиняется общим тенденциям развития психологического знания, а именно тенденциям гуманизации, гуманитаризации и онтологизации [59]. Второй – происходит изменение места коммуникации в категориальном строе психологии: если раньше в качестве единицы анализа в психологии выступала деятельность, то сейчас ее постепенно начинает вытеснять коммуникация. Третий – современная психология пришла к выводу, что в качестве системообразующего основания коммуникации выступает ценностный, «отношенческий» фактор. Надеемся, что сделанные нами фиксации позволят исследователям наметить те направления изучения коммуникации, которые бы вписывались в генеральную тенденцию развития современного психологического знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.С.* Любовь как культурно-исторический феномен // Психология личности / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырея, В.В. Архангельской – М., 2009 – 624 с. С. 211–15.
2. *Агицци Э.* Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989 № 2. С. 24–34.
3. *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс – СПб., 2000 – 528 с.
4. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – Л., 1969 – 339 с.
5. *Андреева Г.М.* Социальная психология – М., 1980 – 415 с.
6. *Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.* Современная социальная психология на западе. – М., 1978 – 271 с.
7. *Асмолов А.Г.* Психология личности. Принципы общепсихологического анализа – М. Смысл, 2001. – 416 с.
8. *Асмолов А.Г.* Актуальные методологические проблемы психологии / Доклад, прочитанный на «Первых общепсихологических чтениях» в МГУ в июне 2001 года.
9. *Бондура А.* Теория социального научения – СПб., 2000. – 320 с.
10. *Батищев М.М.* Найти и обрести себя. Особенности культуры глубинного общения // Вопросы философии. – 1995 – № 3 – С. 103–129.
11. *Бахтин М.М.* Искусство и ответственность. К философии поступка. Работы разных лет. – Киев, 1994 – 384 с.
12. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1994 – 511 с.
13. *Бейли А.* Эзотерическая психология. Трактат о семи лучах: В 2 т. Т. 1 – М.; Воронеж, 1999 – 320 с.
14. *Бек А.* Когнитивная терапия депрессий – СПб., 2003. – 298 с.
15. *Бердяев Н.А.* О назначении человека – М., 1993 – 382 с.
16. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры – М., 1988. – 399 с.
17. *Берн Э.* Трансакционный анализ и психотерапия – СПб., 1994 – 224 с.
18. *Битянова М.Р.* Социальная психология: наука, практика, образ мыслей. Учебное пособие. – М., 2005. – 575 с.
19. *Бодалев А.А.* Личность и общение – М., 1983 – 272 с.
20. *Ботыняков В.Ю.* Психотренинг. Социодинамика. Игры. Упражнения – СПб., 1996 – 381 с.
21. *Боуэн М.В.* Духовность и лично-центрированный подход // Вопросы психологии – 1992 – №3. – С. 34–41.
22. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. – М., 1988. – 304 с.
23. *Братусь Б.С.* Российская психология на перепутье // Начала христианской психологии / Под редакцией Б.С. Братуся, В.Л. Воскокова, С.Л. Воробьева и др. – М., 1995 – 340 с.

24. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии 1997 № 5
25. Братусь Б.С. Психология личности // Психология личности. Хрестоматия. В 2 т. Т. 2. – Самара, 1999. – С 385-456
26. Братченко С.Л. Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом. гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. – М., 1997 – С 201-222
27. Бубер М. Я и Ты. Два образа веры. – М., 1995. – 464 с.
28. Василюк Ф.Е. Психология переживания анализ преодоления критических ситуаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/vasif01/txt06.htm> (дата обращения – 28.04.2011).
29. Василюк Ф.Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом. гуманистическая перспектива в постсоветской психологии – М., 1997. – С 284-314.
30. Вацляник П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций – СПб., 2000 – 299 с.
31. Вачков И.В. Основы технологии группового тренинга. Психотехники. Учебное пособие – М., 2000 – 224 с
32. Виллюнас В.К. Психологические механизмы биологической мотивации. – М., 1987 – 206 с
33. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1983
34. Выготский Л.С. Проблема одаренности и индивидуальные цели воспитания // Психология личности. Хрестоматия. В 2 т. Т.1. – Самара, 1999
35. Гершензон М.О. Тройственный образ совершенства – Томск, 1994. – 64 с.
36. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений – М., 1987 – 174 с
37. Грановская Р.М. Психология веры – СПб., 2004 – 576 с.
38. Грант В. Эволюция организмов – М., 1980. – 470 с
39. Григорьева Т.П. Синергетика и Восток // Вопросы философии. – 1997. – № 3.
40. Гришина Н.В. Психология конфликта – СПб., 2000 – 464 с
41. Гроф Ст. За пределами мозга рождение, смерть и трансценденция в психотерапии – М., 1996 – 504 с
42. Гроф Ст. Космическая игра. Исследование рубежей человеческого сознания – М., 1997 – 256 с.
43. Декарт Р. Избранные произведения. – М., 1950 – 576 с.
44. Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. – М., 1987. – 207 с
45. Доценко Е.Л. Психология манипуляции феномены, механизмы и защита – М., 1997 – 344 с
46. Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. – Л., 1985 – 167 с
47. Емельянов Ю.Н. Обучение паритетному диалогу. – Л., 1991 – 106 с.
48. Жиков Ю.М. Эффективность делового общения – М., 1988. – 121 с.
49. Жуков Ю.М., Петровская Л.А., Растяжников П.В. Диагностика и развитие компетентности в общении – М., 1990. – 158 с
50. Зинченко В.П. Посох Осипа Мандельштама и трубка Мамадашвили. К началам органической психологии. – М.: Новая школа, 1997. – 334 с
51. Знаков В.В. Психология понимания проблемы и перспективы. – М., 2005. – 446 с.
52. Знаков В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Психологический универсум образования человека нозтического. – Томск, 1999 – С. 12-26
53. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. В 2 т. – М., 1993.
54. Кабрин В.И. Транскоммуникация и личностное развитие. – Томск, 1992. – 256 с.

55. Кабрин В.И. Психологический универсум человека нозтического // Психологический универсум образования человека нозтического. – Томск, 1999. – С. 47–58
56. Кабрин В.И. Транскоммуникативная холодинамка психологического универсума личности (стресс-транс-формация) // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 1999. – № 268. – С. 115–120.
57. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. – М., 2005. – 248 с.
58. Карнасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия – СПб., 1998 – 752 с
59. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансперспективный анализ) – Томск, 2005. – 174 с.
60. Ковалев Г.А. Основные направления использования методов активного социального обучения в странах Запада // Психологический журнал – 1989. – Т. 10 – № 1 – С. 127–136
61. Ковалев Г.А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. 1987, №3. С. 41–49
62. Козлов Н.И. Лучшие психологические игры и упражнения – Екатеринбург, 1997. – 144 с
63. Котляничков В.В. Человеко-центрированный подход в практике психологического консультирования персонала организаций // Вопросы психологии, 2000, №3. С. 49–56.
64. Корнелич У., Фэйер Ш. Выиграть может каждый: как разрешать конфликты – М. 1992 – 216 с
65. Кочунас Р. Психотерапевтические группы. Теория и практика. – М., 1997 – 480 с.
66. Кривонова С.В. Тренинг: учитель и проблемы дисциплины. – М., 1997 – 288 с
67. Кронык А.А., Кронык Е.А. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я. Психология значимых отношений – М., 1989 – 204 с
68. Лангмейер Й., Матейчик З. Психическая депривация в детском возрасте. – М., 1984 – 442 с
69. Левинас Э. Время и другой: Гуманизм другого человека – СПб., 1998 – 179 с
70. Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб., 2000 – 368 с
71. Леонтьев А.А. Психология общения – М., 1997 – 368 с.
72. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность – М., 1975 – 304 с
73. Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (МПС): Методическое руководство. – М., 1999.
74. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности – М., 1999. – 486 с
75. Леонтьев Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А.Леонтьева – М., 2002 – 343 с
76. Лойшен Ш. Психологический тренинг умений. Школа Верджинии Сатир. – СПб., 2001 – 160 с
77. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984. – 444 с
78. Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность / Сост. А.А. Тахо-Годи, Общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. – М., 1994. – 919 с
79. Майерс Д. Социальная психология – СПб., 1998 – 688 с
80. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики – СПб., 1997 – 430 с
81. Мелибрда Е. Я. Ты. Мы: Психологические возможности улучшения общения. – М., 1986 – 256 с.
82. Меннинг О. Поведение животных. – М., 1982. – 360 с.
83. Милич П.П. Как проводить деловые беседы – М., 1987. – 207 с.
84. Московский психотерапевтический журнал. Консультативная психология и психотерапия: Специальный выпуск по христианской психологии – 2009. – № 3 (62)

- 85 *Муравьева О.И.* Актуализация рефлексивной установки в коммуникативной позиции педагога // *Сибирский психологический журнал*. – Выпуск 10. – 1999. – С. 106–110.
- 86 *Муравьева О.И.* Коммуникативная компетентность как проблема общей психологии // *Сибирский психологический журнал*. Томск, 2001. – Выпуск 14–15. – С. 26–41.
87. *Муравьева О.И.* Категория коммуникации и решение проблемы сущности человека // *Сибирский психологический журнал*. – Томск, 2007. – Выпуск 26. – С. 70–76.
- 88 *Мэй Р.* Любовь и воля [Электронный ресурс]. URL <http://psylib.org.ua/books/meyro01/txt03.htm/> (дата обращения – 28.04.2011).
- 89 *Мясищев В.Н.* Психология отношений. Избр. психологические труды. – М.; Воронеж, 1995. – 357 с.
90. *Начала христианской психологии* / Под ред. Б.С. Братуся, В.Л. Воейкова, С.П. Воробьева и др. – М., 1995. – 340 с.
- 91 *Нельсон-Джонс Р.* Теория и практика коучинга – СПб., 2000. – 240 с.
- 92 *Новейший философский словарь*: 3-е изд., испр. – Минск, 2003. – 1280 с.
- 93 *Новый завет*.
- 94 *Орлов А.Б.* Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // *Вопросы психологии*. – 1995. – № 2. С. – 5–19.
95. *Перлз Ф.* Практика гештальттерапии. – М., 2001. – 469 с.
- 96 *Петровская Л.А.* Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. – М., 1982. – 128 с.
- 97 *Петровская Л.А.* Компетентность в общении. – М., 1989. – 216 с.
- 98 *Петровская Л.А.* Развитие компетентного общения как одно из направлений оказания психологической помощи // *Введение в практическую социальную психологию* / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. – М., 1994. – С. 103–114.
- 99 *Пиляжес А.* Речь и мышление ребенка. – М., 1994. – 527 с.
- 100 *Психология и этика: опыт построения дискуссии*. – Самара, 1999. – 128 с.
- 101 *Рикер П.* Человек как предмет философии // *Вопросы философии*. – 1989. – № 2. – С. 41–50.
- 102 *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М., 1994. – 480 с.
- 103 *Роджерс К.Р.* Клиентцентрированная терапия. – М., 1997. – 398 с.
- 104 *Рокхиллс М.* Как ясно сообщать о своих наблюдениях, потребностях, чувствах. Межличностное общение. Хрестоматия / Сост. и общ. редакция Н.В. Казариновой, В.М. Погольш. – СПб., 2001. – С. 330–340.
- 105 *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. – М., 1957. – 328 с.
- 106 *Рудестам К.* Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. – М., 1990. – 368 с.
107. *Савицкий В.Н.* Социальное проектирование (к основам теории) // *Прикладная этика и управление нравственным воспитанием*. – Томск, 1980. – С. 83–89.
- 108 *Симонов П.В.* Мотивированный мозг. – М., 1987. – 237 с.
- 109 *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Антропологический принцип в психологии развития // *Вопросы психологии*. – 1998. – № 6. – С. 3–17.
110. *Слободчиков В.И.* Психология человека только начинает складываться // *Психология и этика: опыт построения дискуссии*. – Самара, 1999. – С. 62–67.
111. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе. Учебное пособие для вузов. – М., 2000. – 416 с.
- 112 *Смит М.* Тренинг уверенности в себе. – СПб., 2001. – 244 с.
113. *Соловьева О.В.* Обратная связь в межличностном общении. – М., 1992. – 107 с.
- 114 *Сушков И.Р.* Психология взаимоотношений. М. – Екатеринбург, 1999. – 448 с.
- 115 *Тиллих П.* Избранное. Теология культуры. – М., 1995. – С. 132–215.

116. *Титова Т.А.* HOMO MORALIS – человек нравственный // Нравственность и право – Томск, 2000 – С. 3–168
117. *Тытчинский Г.Л.* О существенном // Мысль: Философия в преддверии XXI столетия: Сб статей / Редкол. А.И. Бродский и др – СПб., 1997 – С. 114–139.
118. *Уилбер К.* Никаких границ Восточные и западные пути личностного роста. – М., 2004 – 283 с.
119. *Уилбер К.* Око духа Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира – М., 2002 – 476 с.
120. *Ухтомский А.А.* Доминанта – М., 1966 – 274 с.
121. *Фейдимен Д., Фрейгер Р.* Теория и практика личностно-ориентированной психологии – М., 1995 – 315 с.
122. *Феррер Х.* Новый взгляд на трансперсональную теорию Человеческая духовность с точки зрения соучастия – М., 2004 – 397 с
123. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса – СПб., 1999. – 317 с.
124. *Философско-психологические проблемы развития образования* / Под ред В.В. Давыдова – М., 1981. – 176 с
125. *Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию или Переговоры без поражения – М., 1991 – 158 с
126. *Флоренская Т.И.* Диалог в работе христианского психолога // Начала христианской психологии / Под ред Б.С. Братуся, В.Л. Восойкова, С.Л. Воробьева и др – М., 1995 – С. 194–204
127. *Фронк С.Л.* Реальность и человек – М., 1997 – 476 с
128. *Фронк С.Л.* Свет во тьме Опыт христианской этики и социальной философии. – М., 1998 – 255 с.
129. *Фромм В.* Человек в поисках смысла – М., 1990 – 366 с
130. *Франкл В.* Воля к смыслу. – М., 2000 – 368 с
131. *Фрейд З.* «Я» и «ОНО» Труды разных лет. В 2 книгах – Тбилиси, 1991
132. *Фромм Э.* Бегство от свободы – М., 1990 – 271 с
133. *Фромм Э.* Искусство любить [Электронный ресурс] URL <http://www.psylib.ukrweb.net/books/fromm03/bxt04.htm> / (дата обращения – 28.04.2011)
134. *Фромм Э.* Человеческая ситуация – М., 1995 – 241 с
135. *Хараш А.У.* Личность, сознание и общение: к обоснованию интересубъектного подхода в исследовании коммуникативных воздействий // Психолого-педагогические проблемы общения – М., 1979
136. *Харин С.С.* Искусство психотренинга. Завершил свой гештальт – Минск, 1998 – 352 с.
137. *Холодная М.А.* Когнитивные стили как проявление своеобразия индивидуального интеллекта. – Киев, 1990 – 75 с.
138. *Хелл Л., Зиглер Д.* Теория личности. – СПб., 1997 – 608 с.
139. *Цзен Н.В., Пахомов Ю.В.* Психотренинг: игры и упражнения – М., 1988 – 268.
140. *Челтанов Г.И.* Речь и приветствия в честь открытия психологического института им Л.Г. Шукиной – М., 1994
141. *Что такое просветление?* Исследование цели духовного пути – М., 1997 – 326 с
142. *Чудновский В.Э.* Симпозиум психологические аспекты смысла жизни // Психологический журнал. – 2000 – № 6 – С. 135–136
143. *Шалютин Ф.И.* Страницы из моей жизни Маска и душа – М., 1990 – 464 с
144. *Шадриков В.Д.* Духовные способности. – М., 1996 – 272 с
145. *Швейцер А.* Культура и этика – М., 1973 – 343 с.
146. *Швейцер А.* Я защищал то, во что верил // Человек. – 2000 – № 1 – С. 109–122
147. *Шибутани Т.* Социальная психология – М., 1969 – 595 с

- 148 Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. – М., 1985 – 176 с
- 149 Шихирев П.Н. Современная социальная психология. – М., 1999. – 448 с.
150. Шкурятин И.П. Когнитивный стиль и общение – Ростов н/Д, 1994 – 154 с.
- 151 Шостром Э. Анти-Карьеризм, или Человек-Манипулятор – Минск, 1992 – 128 с.
152. Эган Дж. Слушание: непрерывное условие поддерживающего поведения // Межличностное общение: Хрестоматия. / Сост. общая ред. Н.В. Казарниной, В.М. Погорельши – СПб., 2001 – С. 330–340
- 153 Эллис А. Психотренинг по методу Альберта Эллиса. – СПб., 1999 – 271 с.
- 154 Эллис А. Рациональная психотерапия // Саханян У.С. Техники консультирования и психотерапии. Тексты – М., 2000. С. 256–276
- 155 Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ.; Под ред. Д.А. Леонтьева – М., 2004. – 416 с
- 156 Юренич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии – 2001 – № 5. – С. 3–18.
- 157 Юнг К. Сознание и бессознательное – СПб. – М., 1997. – 538 с.
- 158 Юнг К. Психологические типы – М., 1995 – 716 с.
- 159 Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии. – СПб., 2000. – 640 с
- 160 Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М., 2000. – 345 с.
- 161 Allport G. W. The individual and his religion – N.Y., Macmillan, 1950.
- 162 Argyle M. Furnham A., Graham J.A. Social situations – L., Cambridge University press, 1981
163. Bandura A. Agression, social learning analysis. – N.Y., 1973.
- 164 Drum D.J. Knott J.E. Structured groups for facilitating development. – N.Y.: Human Sciences Press, 1977
- 165 Ellis A. Humanistic Psychotherapy The Rational - emotive approach. N.Y.: McGraw-Hill 1973
- 166 Factor D.C. & Daubenspeck P.A. Introduction to the skills approach in mental health services. An educational model of therapy. Paper presented at the annual meeting of the Ontario Psychological Association Toronto February, 1979.
- 167 Garfinkel H. Studies in ethnomethodology – N.Y.: Prentice Hall, 1967
- 168 Gergen K. Realities and relationships Soundings in social construction. – Harvard University Press 1994
- 169 Goffman E. The presentation of self in everyday life – N.Y., 1959
- 170 Golberg C. Encounter: Group sensitivity training experience. – N.Y.: Science House, 1970.
- 171 Gordon Th. Teacher Effectiveness Training – N.Y., 1975
- 172 Greene J. Altruistic behavior in the albino rat // Psychonom. 1969 № 1. P. 47–48
- 173 Harre R. Blueprint for a new science // In. Reconstructing social psychology. / Ed. IV. Armistead Harmondsworth Penguin Books 1974
- 174 Harre R. The ethogenic approach: Theory and practice // In. Advances in experimental social psychology / Ed. L. Bercovitz. N.Y. Acad. Press. 1977. vol. 10. P. 284–314
- 175 Harre R. Social being – Oxford: Blackwell, 1979.
176. Heider F. The psychology of interpersonal relations – N.Y., 1958.
177. Lazarus A.A. Multimodal Behavior Therapy. – N.Y.: Spinger, 1976.
178. Lazarus A.A. The Practice of Multimodal Therapy: Systematic, Comprehensive and Effective Psychotherapy (Rev.ed.). Baltimore. MA. Johns Hopkins University Press. 1989.
- 179 Lazarus A.A. Why I am an eclectic (not an integrationist) // British Journal of Guidance and Counselling. 17 1989. P. 248–258с.
- 180 Lazarus A.A. Tailoring the therapeutic relationship, or being an authentic chameleon. Psychotherapy. 30. 1993.

181. *Liberman M A Yalom I D & Miles M C* Encounter groups. First facts. – N Y : Basic Book, 1973.
182. *Lorenz K* On aggression – A Bantam book, 1967.
183. *Maslow A H* Motivation and personality. – N Y , 1987
184. *Mead G H* Mind, self, society – Chicago. 1934.
185. *Meadows E E* Empathic listening. Congruence Empathy Unconditional positive regard // *Brnstlecone*. 1999 V 2 Issues 1–4
186. *Moreno J L* Who Shall Survive? A New Approach to the Problem of Human Interrelations. – Washington Nervous and Mental Disease Publishing Co. 1935.
187. *Newcomb T M* The social psychology – N Y., 1950
188. *Osgood C E, Tannenbaum P* The principle of congruity in the prediction of attitude change // «Psychological review» 1956 V 62
189. *Perls F* Gestalt therapy verbatim – Lafayette Calif.: Real People Press, 1969
190. *Rogers C R (Ed)* The therapeutic relationship and its impact – Madison University of Wisconsin Press, 1967.
191. *Rogers C R* Interpersonal relationships // *Journal of Applied Behavioral Science* 1968 №4 – C. 208–269.
192. *Rogers C R* A way of being. – Boston Houghton Mifflin 1980
193. *Satir V & Baldwin M* Satir step by step A guide to creating change in families. – Palo Alto CA. 1983
194. *Simonton D K* The eminent genius in history The critical role of creative development – Gifted Child Quarterly 1978 – P 187–195
195. *Strobel M* Social facilitation of operant behavior in satiated rats // *J. Comp. Psychol.* 1972. № 3.
196. *The psychology of social situations* / Ed A Furnham, M Argyle – Oxford Pergamon press, 1981
197. *Wilber K* The Spectrum of Consciousness. – Wheaton Ill The Theosophical Publ House 1977
198. *Wilber K* The Atman Project: A Transpersonal view of Human Development – Wheaton Ill.: The Theosophical Publ House 1980.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	7
1.1 История вопроса	7
1.2 Теоретические подходы к проблеме эффективности общения и взаимодействия	10
1.3 Эмпирические модели коммуникативной компетентности	20
1.4. Уровневые модели общения и взаимодействия	26
1.5. Технологии эффективного общения	37
2 ПРОБЛЕМА КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И ОСНОВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА	41
2.1 Проблема коммуникативной компетентности как проблема общей психологии	41
2.2 Проблема сущности человека в психологии и философии	44
2.3 Сущность человека, личность, общение	52
2.4 Методологическое и теоретическое обоснование концепции пространств существования человека	57
2.5. «Внешнее» и «внутреннее», «сохраненное» и «развитие» как базовые методологические категории для построения типологии пространств существования человека	59
2.6 Витальное пространство	70
2.7 Функционально-ролевое пространство	74
2.8 Самоактуализационное пространство	81
2.9 Духовное пространство	89
2.10 Коммуникативная компетентность в контексте моделей основных пространств существования человека	98
3 ТРЕНИНГ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ	105
3.1 Формы групповой психологической работы	105
3.2 Цели и принципы тренинга коммуникативной компетентности	111
3.3. Экзистенциальные аспекты коммуникации	116
3.4 Этапы и механизмы тренинга коммуникативной компетентности	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
ЛИТЕРАТУРА	151

Учебно-сиздание

Ольга Ивановна МУРАВЬЕВА

**ПСИХОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ**

Учебник

**Редактор
Компьютерная верстка Т ВДьяковой**

Подписано к печати 14.12 2012 г. Формат 60х84¹/₁₆

Печ л. 10,0, усл. печ л 9,3; уч.-изд л 9,5

Тираж 300 Заказ №

**ООО «Издательство ТГУ», 634029, Томск, ул. Никитина, 4
Учебно-производственная типография, г. Томск, пр. Ленина, 66**

